

Лекции
Теоретический материал по дисциплине:
История лингвистических учений

Раздел 1. Древние и средневековые традиции в изучении языка

Тема 1. Зарождение науки о языке. Античное языкознание.

Краткое содержание. 1. Языкознание в Древней Индии. Грамматика Панини как итог древнеиндийского языкознания. 2. Языкознание в Древней Греции и Риме. Философская трактовка проблем языкознания (спор о правильности имен, вопрос о роли аналогии и аномалии в языке, происхождении языка). Грамматическое учение Аристотеля. 3. Арабское языкознание. 4. Китайское грамматическое учение.

1.1. Возникновение языкознания

Древнюю Индию следует считать колыбелью языкознания, ибо именно в этой стране с ее древней и оригинальной культурой и философией впервые проявился интерес к изучению языка. Язык религиозных гимнов (Вед, среди них особенно важна Ригведа), составленных на классическом языке древнеиндийской письменности – санскрите, с течением времени стал отличаться от разговорных языков этой страны, именуемых *пракритами*.

Санскрит в 5 в до н.э. перестал употребляться в повседневной жизни как средство общения, оставаясь в дальнейшем орудием интеллектуальной и религиозной жизни. Именно к стремлению к сохранению точности воспроизведения священных гимнов вызвало появление языкознания у древних индейцев. Санскрит как литературный язык с особыми нормами нуждался в специальном изучении. С этой целью начали составляться описательно-нормативные грамматики, которые не только содержали правила произношения, но и указывали как употреблять санскритские формы.

Неизвестной остается начало исследований индийцев, однако уже в самих памятниках ведической литературы (ведангах) трактуются некоторые вопросы языкознания. Одна из веданг касается вопросов фонетики и орфографии, вторая – стихосложению, третья (Вьякарана) содержит материал грамматики, четвертая – лексики. Грамматика у индийцев называлась «вьякарана», что означает анализ, расчленение. За тысячу лет до новой эры появились первые словари, содержащие списки непонятных слов в Ведах. В 5 до н.э. индийский грамматист Яска составил комментарии к языку Вед.

Грамматика Панини

Одним из известных языковедов Древней Индии был Панини, живший в 4 в до н.э. ставший автором грамматики классического санскрита.

1.1.1. Грамматика Панини «Восьмикнижие» состоит из 4 тысяч кратких стихотворных правил (сутр), которые заучивались наизусть. В этом труде дан абсолютно точный и тщательный анализ морфологии санскрита и детальное описание его звукового состава.

Анализ языка древние индийцы строили на выявление сходств и различий в языковых явлениях. Метод расчленения и сопоставления оказался при делении слова на значимые части. **Морфологию** рассматривали в качестве учении о классификации слов (части речи), образовании слов и изменении слов. Индейцы различали четыре части речи: имя, глагол, предлог и частицы.

При анализе слов индийцы брали разные формы одного и того же слова и подвергали их сравнению. При сравнении сходных по форме и звучанию слов выделялись составные части слова: корень, суффиксы и окончания.

Обратили внимание на внутреннюю флексию, ввели понятие нулевой морфемы, отметили роль ударения и интонации в языке.

У имен индийцы различали 7 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, отложительный и местный, хотя этих терминов не употребляли, а называли падежи по порядку: первый, второй, третий и тд.

Фонетика достигла высокого развития. Индийские фонетисты дали не только тонкое описание артикуляции отдельных звуков, но и создали правильный принцип их классификации.

Различали гласные и согласные звуки, смычные и фрикативные согласные, полугласные звуки, долготу и краткость звуков, слоги, слияние звуков (синдхи). У Панини было множество учеников и продолжателей. В 13 н.э. индийский грамматист Вопадаева составил новую санскритскую грамматику. Составлялись также грамматики разговорных языков –пракритов.

Значение древнеиндийской традиции

Лингвистические труды древнеиндийцев оказали большое влияние на соседние народы. С распространением буддизма грамматические идеи индийцев проникают в Китай. Далее их идеи (с 11 в.) оказывают на арабскую науку. На европейцев индийское языкознание стало оказывать влияние с конца 18 века (Джонс английский востоковед).

1.2. Языкознание в Древней Греции и Риме.

Если в Древней Индии исследование носило эмпирический и практический характер, то в Древней Греции проблемы языкознания заняли видное место в рассуждениях философов (до возникновения Александрийской школы). Философский подход наложил отпечаток как на существо обсуждаемых проблем, так и на их решение.

Философская трактовка проблем языкознания (спор о правильности имен, вопрос о роли аналогии и аномалии в языке, происхождении языка).

Наибольший отзвук получила дискуссия об отношении между мыслью и словом, между вещами и их именами.

Спор о природном или условном характере слов разделил древнегреческих мыслителей на два лагеря. Этот спор возводят к взглядам Гераклита и Демокрита. Гераклит Эфесский (540 – 480 гг. до н. э) считал, что каждое имя неразрывно связано с той вещью, названием, которой оно служит, что в именах раскрывается сущность вещей, что имя отражает природу обозначаемой вещи, подобно теням предметов и т.д. Демокрит из Абдеры (460 – 370 гг. до н.э) в противоположность Гераклиту, учил, что вещи обозначаются словами не сообразно природе самих вещей, а согласно обычаю, по установлению людей. Об этом по его мнению, свидетельствуют многие несоответствия между вещами и их названиями: 1) многие слова имеют несколько значений, то есть обозначают разные вещи; 2) многие вещи имеют по несколько названий, что было бы невозможно при природном характере языка; 3) с течением времени одно название вещи может заменяться другим; 4) многие понятия не имеют словесных обозначений.

Этот спор об отношениях между предметами и их названиями отражен в знаменитом диалоге Платона (428 – 348 гг. до н.э.) «Кратил». Сам этот диалог, содержащий конфронтацию обоих традиционных воззрений на природу названий, был шагом вперед в развитии взглядов на язык. Гермоген и Кратил участвуют в качестве собеседников, Сократ – арбитром.

Кратил утверждает, что «у всякого существующего есть правильное имя, врожденное от природы, и что не то есть имя, чем некоторые люди, условившись так называть, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам, и варварам, одно и то же у всех». Гермоген напротив, «какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя; ведь никакое имя никому не врождено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тех, которые этот обычай установили и так называют».

Сократ занимает среднюю линию. По его мнению, вначале между звуками слова и обозначаемыми понятиями существовала какая-то внутренняя связь (символика звуков, ономастопозитический принцип). От этих первоначальных слов люди образовали такое множество слов, что теперь уже нельзя усмотреть внутреннюю связь между звуком и значением. Связь слова с предметом была закреплена общественной традицией.

Дискуссия не привела к определенному результату, но она имела большое значение для развития языкознания.

Грамматическое учение Аристотеля.

Аристотель (384 – 322 гг до н.э) рассматривал грамматические вопросы в тесной связи с логикой. Его взгляды оказали огромное влияние на проблему выделения и классификации грамматических категорий.

Гласные и полугласные (согласные), по мнению Аристотеля, «различаются в зависимости от формы рта, от места их образования, густым и тонким придыханием, долготой и краткостью, кроме того, острым, тяжелым и средним ударением».

Речь, согласно Аристотелю, – это изъяснение посредством слов. Мысли, которые содержатся в речи, представляются через говорящего и возникают по ходу речи. Это очень важное положение. Не готовая мысль облекается в языковую и речевую форму. Мысль формируется в процессе выражения.

Речь имеет следующие части:

1. Буква. Автор отождествляет ее со звуком, но не со всяким звуком, а только с таким, который «является» в человеческой речи как осмысленный. Буквы бывают гласные (слышимые звуки), полугласные (слышимые звуки при толчке языком), безгласные (те, которые сами по себе звука не дают, но становятся слышимыми рядом с другими звуками). Звуки различаются по месту образования, по придыханию (густоте и легкости), по долготе и краткости, по ударности и безударности.
2. Слог. Определяется как незначащий звук, сложенный из букв, например. Из гласной и согласной.
3. Связка. Звук, также незначащий, который создает из нескольких значащих звуков один значащий звук. Скорее всего – это соединительные гласные или согласные.
4. Артикль или союз.
5. Имя. Это звук сложный и значащий. К именам относятся существительные, прилагательные, местоимения. Имена существительные бывают простые и сложные. Примером сложного существительного является имя Феодор (богоданный), состоящее из двух простых корней, обозначающих «бог» и «дар».
6. Глагол. Также сложный и значащий звук. Признаком глагола является время, например, настоящее или прошедшее, ср. *человек идет; человек пришел*.
7. Отклонение. К нему относятся падеж, число (отклонения имени), ср. *человека, человеку; человек – люди*; вопрос, приказание (отклонения глагола), ср. *пришел? иди!*
8. Высказывание (logos) – сложный значащий звук, части которого сами по себе значимы. Высказывание состоит из имен и глаголов или только из имен.

Данная классификация частей речи стала эталоном грамматик разных языков на многие столетия. Следует заметить, однако, что современные грамматик, оперируя термином "части речи", подводят под него, главным образом, *части вокабуляра*. (Фефилов Александр Иванович. Феномен языка в философии и лингвистике. Учебное пособие)..

Языкознание в Древнем Риме.

Грамматика в качестве самостоятельной дисциплины возникает в Риме в середине II в. до н.э.

К этому времени уже создана большая литература, которая нуждается в грамматическом комментировании. Латинский язык требует нормативной коррекции – усиливается диалектная дифференциация, в нем много дублетных форм, диалектизм, грецизм. В этот период происходит знакомство римлян с греческой культурой. В 168 г. Рим посещает стоик **Кратет из Малла**, который познакомил римлян с дискуссиями по вопросам природы имени, аналогии и аномалии.

В последний век Республики (130 – 30 гг. до н.э.) языкознание выдвигается на одно из первых мест в науке.

Школьные грамматики в Риме создаются по образцу стоических и имеют трехчастную структуру: 1) фонетика и письмо, 2) части речи и их акциденции, 3) достоинства и недостатки речи.

Один из выдающихся грамматистов Рима – **Марк Теренций Варрон** (116 – 27 г. до н.э.).

Известен его трактат «О латинском языке», еще несколько грамматических работ.

Для него характерен синтез философского и грамматического подхода, соединение синхронного и диахронного анализа: «Речь по природе троечастна, и первая часть ее как слова были установлены для вещей, вторая – как они, отклонившись от этих последних, приобрели различия, третья – как они, разумно соединяясь между собой, выражают мысль».

По мнению грамматиста, в языке существует два начала – установление имен и склонение имен. Установление имен – создание простых, непроечных слов в их исходной, «прямой» форме (например, глагол – в 1 лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения активного залога, имя – в форме именительного падежа, единственного числа; склонение имен – все виды изменений слов. В склонении имен грамматист видит проявление тенденции к экономии речевых усилий.

Грамматическая система Европы, вплоть до 19 века, основывалась на грамматическом учении греков, в его измененном виде на римской почве. Доказательством этого является терминология, которая осталась почти такой же как в древности.

Александрийцы сделали грамматику самостоятельной дисциплиной, они накопили грамматический материал и установили основные категории имени и глагола. Греки заложили основы фонетики, морфологии, синтаксиса, этимологии, определили слово в предложении, установили части речи.

Зависимость их учения от философии часто приводила к смешению логических и грамматических территорий. Они не занимались изучением других языков, считая все прочие языки варварскими. В античную эпоху отсутствовал исторический подход к языку, не было понимания того, то звуки формы языка подвергаются изменению во времени.

Тема 2. Языкознание средних веков и эпохи Возрождения.

Первые попытки установления родства языков и их исторического изучения. Создание сравнительных словарей и каталогов известных языков. Универсальная грамматика Пор-Рояля и ее роль в становлении общего языкознания. Вопросы философии языка в трудах Ф.Бэкона, Р.Декарта, Д.Локка, Г.Лейбница.

Под средними веками условно понимают целое тысячелетие в истории человечества от 476 г., когда варвары разграбили и сожгли Рим, до 1492 г. – времени открытия Колумбом Америки. Эпоха характеризуется умственным застоєм во всех областях, в том числе и в языкознании. Распространение христианства привело к распространению письменности у многих бесписьменных народов.

Единственным изучаемым языком Эпохи средневековья была латынь. Латынь изучалась в чисто практических целях, т.к латинский яз. Был универсальным языком науки основного пособия по лат языку данного времени являются книги римских грамматистов Доната и Присциана.

Эпоха Возрождения (ЭВ) выдвинула 3 основные проблемы в языкознании (по мнению Реформатского):

1) создание и развитие национальных языков 2) изучение и освоение различных языков Востока в международном масштабе 3) пересмотр античного и средневекового лингвистического наследия.

Распад феодальных отношений, развитие капитализма исключали сохранение раздробленных местных диалектов и мёртвого латинского языка - латыни. В 13-14 вв. начинается процесс создания национальных яз.

Данте Алигьери одним из первых заинтересовался вопросами языкознания в трактате «О народной речи», касается вопроса. О происхождении языка, указывает на то, что для передачи др. др. своих мыслей людям необходимо иметь разумный и чувствительный знак т.е. язык. Данте считал, что язык имеет двустороннюю природу: чувственную – звучание, и рассудочную – способность языка. Обозначать, означать впервые в истории культуры Данте ставит вопрос о народном и литературном языках.

Грамматист Эпохи Возрождения П. Раме (Рамус) выступил против схоластики Аристотеля. Он написал грамматики греческого, латинского и французского языков. Аурус в своей работе «О буквах две книги» он даёт систематическое определение звуков речи и способов их образования. Его называют первым фонетистом нового времени.

С 16 в. В России начинается разработка грамматических вопросов, в частности в работах Максима Грека. Первой собственно славянской грамматикой, на которой сказалось влияние западноевропейских учений, была «Грамматика славянская» Лаврентия Зизания: автор, пользуясь греческими образцами даёт 10 склонений и 2 спряжения. Несколько раз переиздавалась грамматика М.Г. Смирницкого. На её основе позже были созданы грамматики Ф. Максимова.

Особенность всех грамматик 14-17 в. – описательный характер. В основе национальных грамматик положены схемы латинской грамматики, но изложение грамматических особенностей национальных языков не укладывалось в эти схемы, что вело к выявлению специфических особенностей различных языков и содействовало развитию грамматики.

Основные принципы «Всеобщей рациональной грамматики» Пор-Рояля

В XVII в. крупным научным центром Европы становится монастырь Пор-Рояль вблизи Версаля под Парижем, прославившийся тем, что в его стенах была создана уникальная грамматика. В этом монастыре в 1660 г. логик Антуан Арно и языковед Клод Лансло написали ученый трактат под названием «Грамматика всеобщая и теоретико-критическая, содержащая основы искусства речи, которые изложены ясным и простым языком; логические основы всего того, что есть общего между всеми языками, и главные различия между ними, а также многочисленные замечания по французскому языку», более известная под названием «Универсальная и рациональная грамматика».

Основные задачи «Грамматики Пор-Рояль» сводились к следующему: 1) исследовать природу слов, их строение и различные свойства, отношения между словами, их значения; 2) в результате исследования выявить общие, универсальные языковые принципы; 3) дать объяснение явлениям, лежащим в основании строения и функционирования языка; 4) выявить соотношения, связи между категориями и явлениями языка и категориями мышления.

Грамматика Пор-Рояля основывалась на положениях спекулятивной грамматики и стремилась показать единообразие структуры анализируемых языков. Авторы стремились создать систему описания, пригодную для любого языка. Они подчеркивают, что «логика у всех народов едина, поэтому на основе логики можно составить одну универсальную грамматику», пригодную для всех языков. Грамматика построена на материале древнегреческого, древнееврейского, испанского, итальянского, латинского и французского языков. К основным положениям данной грамматики можно отнести следующие: язык существует для выражения мыслей человека. У знаков можно выделить две стороны: *внешнюю* и *внутреннюю*. Первая, внешняя сторона (структура знака) – это то, чем они являются по природе, - звуки или буквы, т.е. «обозначения». Звуки и буквы — это средства выражения мыслей. Вторая, внутренняя сторона – это тот способ, посредством которого человек использует их для выражения своих мыслей, т.е. «значения». Внутренняя структура знака, единая для всех людей, — значение слова; внешняя структура знака — звуки и буквы.

Грамматика состоит из двух частей: фонетической и грамматической. Первая часть, в которой речь идет о буквах и *графических знаках* (письменности), состоит из шести глав. *Глава V. О буквах, рассматриваемых как знаки письменности.*

Вторая часть: Слова делятся на два типа: слова первого типа называют ПРЕДМЕТ мысли, к ним относятся существительные, артикли, местоимения, причастия, предлоги, наречия. Слова второго типа называют ХОД мысли, к ним относятся глаголы, союзы, междометия. В разделе «Синтаксис» рассматриваются отдельно учение о словосочетании и предложении (Сорокина 2003:21-23).

Грамматика определяется авторами как искусство речи (говорения). «Говорить - значит выражать свои мысли с помощью знаков, производимых людьми с этой целью. Наилучшим образом это достигается при использовании звука голоса. Чтобы звуки сохранились и передавались во времени, были изобретены буквы».

«Всеобщая и рациональная грамматика», лингвистическая теория, изложенная аббатами монастыря Пор-Рояль А. Арно и К. Лансло в книге «Общая и рациональная грамматика» (1660). Разрабатывалась для серии учебников Пор-Рояля параллельно с логикой (во многих аспектах с ней связана, вплоть до повторения разделов). Создана на основе идей картезианства и средневековых учений о языке, анализирует проблему соответствия грамматического логическому. Согласно этой теории, людям присуща единообразная мыслительная и речевая способность, в основе всех языков лежит единая идеальная логическая схема, но ни один конкретный язык не тождествен этому потенциально данному человеческому языку. Задача грамматики — установить принципы, общие всем языкам, и основные различия между ними. Конкретные языки конвенциональны, для борьбы с логическими ошибками можно создать новый язык или установить чёткие однозначные уподобления словам данного языка. Эта теория, называется «философской грамматикой», противопоставлялась описательным и нормативным грамматикам и получила в 17—19 вв. широкое распространение в логике и лингвистике (Г. В. Лейбниц, Дж. Харрис, Г. Я. Герман, Э. Гуссерль). Сравнительно-историческим языкознанием грамматика Пор-Руайяля была отвергнута как антинаучная, но с начала 60-х гг. 20 в. находит отражение в работах по языковым универсалиям и порождающей грамматике как имеющая существенное значение в развитии науки о языке.

Вопросы философии языка в трудах Ф.Бэкона, Р.Декарта, Д.Локка, Г.Лейбница.

Уже в конце Средневековья в экономических, социальных, политических и духовных условиях жизни европейского общества начали происходить коренные сдвиги, занявшие ряд последующих столетий. Они были обусловлены борьбой старого (феодалного) и нового (капиталистического) хозяйственных укладов. Было изобретено книгопечатание. Совершались великие географические открытия в разных странах света.

Объектами исследования оказывались языки как своего народа, так и других народов Европы, а также языки народов экзотических стран; языки письменно-литературные и народно-разговорные. Росла потребность в создании грамматик отдельных языков, эмпирических по методу и нормализаторских по целям, и универсальных грамматик, т. е. грамматик Человеческого языка вообще, являющихся по своему характеру теоретическими, дедуктивными. В этот период происходит бурное накопление эмпирических знаний о языках разных стран света. Возникает необходимость не только их описать, но также решать вопросы о различиях в их строении, об отношениях между ними, о принципах их классификации. Появляются первые созданные европейскими учеными и миссионерами грамматики таких языков, как армянский, турецкий, персидский, китайский, японский, малайский, ацтекский, кечуа и др. При их описании латинская грамматика используется как эталон ("матрица").

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716) фиксирует родство между

финским и венгерским, пытается нащупать их связи с тюркскими и монгольскими языками. Он отказывается считать древнееврейский праязыком. Им подчеркивается необходимость сперва изучать современные языки, а потом исследовать прошедшие стадии их развития. Исторические переходы, по его мнению, являются постепенными.

В 16-18 вв. частым было обращение к существующим рядом с естественными языками коммуникативным системам: **Фрэнсис Бэкон** (1561-1626) подчеркивал неединственность языка как средства человеческого общения. Г.В. Лейбницем был выдвинут проект создания искусственного международного языка на логико-математической основе. О живучести этой идеи свидетельствует создание в 17-20 вв. около 1000 проектов искусственных языков как на априорной, так и на апостериорной основе (т.е. либо независимо от конкретных языков, либо с использованием их материала), из которых признание получили очень немногие: волапюк, разработанный в 1879 г. Иоганном Мартином Шлейером (1842-1912); эсперанто, созданный в 1887 г. Людвигом Лазарем Заменгофом (1859-1917); продолжающий в виде модификации эсперанто идо, предложенный в 1907 г. Л. Бофроном. Тем самым были заложены основы интерлингвистики как дисциплины, изучающей принципы лингвопроектирования и процессы функционирования искусственно созданных языков. Получила развитие типология искусственных языков. Было обращено внимание на специфику философских (понятийных), звуко-символических и т.п. языков. Стали исследоваться пазилалии как письменно-звуковые системы и пазиграфии как проекты чисто письменных языков. Предлагались проекты международных жестовых языков, языков музыкальных и т.п. При этом опыт проектирования искусственных международных языков нашел применение в создании символических языков наук, языков программирования (алгоритмических языков) и т.п. Таким образом, занятия искусственными языками сыграли заметную роль в формировании теоретических основ современной семиотики и теории коммуникации.

В 16-18 вв. активно разрабатывались вопросы природы и сущности языка, его происхождения и т.п., причем это делалось исключительно в работах философов. Так, представитель философской грамматики **Ф. Бэкон** (1561-1626) противопоставлял его по целям и задачам грамматике "буквенной", т. е. практической. **Джамбаттиста Вико** (1668-1744) выдвинувший идею объективного характера исторического процесса, который проходит в своем развитии три эпохи -божественную, героическую и человеческую, а также конкретизирующую то же общее направление и те же смены эпох идею развития языков. Первым выдвинул идею искусственного языка **Рене Декарт** (1596-1650). **Джон Локк** (1632-1704) связывал изучение значений с познанием сущности языка. Г.В. Лейбниц (1646--1716) отстаивал звукоподражательную теорию происхождения языка, как и **Вольтер / Франсуа Мари Аруэ** (1694-1778). **М.В. Ломоносов** (1711-1765) связывал язык с мышлением и видел его назначение в передаче мыслей. **Жан Жак Руссо** (1712-1778) выступил как автор теории о двух путях происхождения языка на основе социального договора и из эмоциональных проявлений (из междометий). **Дени Дидро** (1713--1784) искал истоки языка в общности для определенной нации навыков выражать мысли голосом, заложенных в людях богом. Много внимания проблемам философии языка уделял **Иммануил Кант** (1724-1804).

В 16-18 вв. были подытожены ценные достижения всего предшествующего развития лингвистической мысли в области создания систем письма, приемов интерпретации старых текстов, выработки принципов лексикографического описания языка, эмпирического описания лексического состава и грамматического строя многих языков, построения концептуального аппарата теоретической грамматики, экспликации некоторых приемов лингвистического анализа, каталогизации и первоначальной классификации языков мира.

Тема 3. Истоки и становление русской грамматической мысли.

Краткое описание. Распространение письменности, первые сведения о русской грамматической науке. Появление первых сочинений по грамматике. Грамматика Псевдодамаскина – первая грамматика церковнославянского языка. Филологическая деятельность Максима Грека, связь между грамматикой, риторикой и философией. «Букварь» Ивана Фёдорова – первое печатное руководство для начального обучения чтению и грамматике церковнославянского языка (1574 г.). Двухязычная (греко-церковнославянская) грамматика «Адельфотис» (1581 г.). Генрих Лудольф и его «Русская грамматика» (1696 г.) как пособие по разговорному русскому языку. Противопоставление русского и церковнославянского языков. Ломоносов и грамматическая традиция в России второй половины XVIII века. Ломоносов как филолог и языковед. Создание национальной русской грамматики. Связь исторического развития общества и цивилизации с историей развития языка. Жизнь языка как динамический процесс. Представление о разной степени генетической близости между разными языками. Первые опыты анализа типологических связей между языками.

В древнерусском государстве к X-XI в.в. культура и образованность достигли достаточно высокого уровня. Просвещение проникло не только в церкви и монастыри, которые были центрами образования и культуры, но и в светские круги. Государству требовались грамотные и знающие люди.

Грамматическая литература начинает распространяться на Руси с XV-XVI в.в. в период формирования великорусской, белорусской, украинской народностей. Церковнославянский язык используется в качестве литературного языка быстро возвышавшегося Московского государства. Москва становится центром православной церкви и славянской культуры. Следствием этого явилась работа по исправлению церковных книг, которая была невозможна без единой грамматической основы.

Самым ранним сводом элементарных грамматических рассуждений в XV-XVI в.в. была существовавшая в нескольких рукописях краткая церковно-славянская грамматика **Иоанна Дамаскина**. Древнейший список грамматик относящийся к XV веку носит название «Книга философская о осмих частех слова». Эта первая церковнославянская грамматика оказала сильное влияние на последующие грамматики и все они испытывали сильнейшее влияние античной грамматической традиции (греческой и латинской). От Грамматики Псевдодамаскина до начала XVI в. не было филологических работ, написанных более или менее систематически, если не считать азбуковников (словарей), довольно широко распространенных на Руси. К XVI в. относятся филологические труды **Максима Грека** (ок. 1480-1556), прибывшего Россию в 1518 г. для перевода церковных книг. В своих трактатах «О грамматике», «Беседование о пользе грамматики» Максим Грек показывает связь между грамматикой, риторикой и философией.

Большой интерес представляет славянский период латинской грамматики, переведённой в 1522 г. **Дмитрием Герасимовым**, по прозвищу Толмач. Первой печатной книгой на Московской Руси был «Букварь» (известен также под названиями Азбука, Грамматика; 1574) **Ивана Фёдорова** (ок. 1525-1587) – русского и украинского первопечатника, автора наиболее раннего руководства для начального обучения чтению и грамматике церковнославянского языка. В 1581 г. Во Львове появляется грамматика, написанная на двух языках – греческом и славянском. Первая славянская грамматика, с приложением краткого словаря старославянского языка с переводом на «простой русский диалект», была напечатана в 1596 г. в Вильно **Лаврентием Зизанием**.

Наиболее выдающимся филологическим сочинением начала XVII в. явилась славянская грамматика **Мелетия Герасимовича Смотрицкого** (ок.1578-1633), напечатанная в 1619 г. под заглавием «Граматики словенская правильное синтагма...». В ряду с «Русской грамматикой» Генриха Лудольфа (1655-1712) и Руководением **Копиевича**, грамматика Смотрицкого составляла труды к началу XVIII в.

В реформаторскую эпоху Петра I возникла потребность в литературной обработке разговорного русского языка. В этот период и позднее наиболее значительными трудами

были грамматики **Ивана Семеновича Горлицкого** (1688-1777), **Василия Кирилловича Тредиаковского** (1703-1768), **Александра Петровича Сумарокова** (1717-1777).

Со второй половины XVII в. начинается формирование русского национального языка и закрепление его в письменности. Требовалось создание норм литературного языка, разработки и изучения его грамматики.

М.В.Ломоносов и грамматическая традиция второй половины XVIII в.

Михаил Васильевич Ломоносов – ученый-энциклопедист. Наиболее значительные исследования лингвистов в так называемую Ломоносовскую эпоху. Отсутствие концепции изучения языка с философской точки зрения в Ломоносовскую эпоху.

Русская филологическая наука к 30 годам XVIII в. накопила некоторый опыт создания практических грамматик и пособий. Но ряд теоретических вопросов для построения грамматики русского литературного языка еще не был решён. Эта задача выпала на долю Ломоносова. Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765) вошел в историю науки как ученый-энциклопедист, оставивший глубокий след во многих областях знания. Практическое знание ряда древних и новых европейских языков, позволяют Ломоносову глубже подойти к рассмотрению грамматической структуры русского языка во всем разнообразии его диалектов. В этот период он активно занимается лексикографической деятельностью, вопросами русского стихосложения и прозы.

Филологическая деятельность постепенно подводила Ломоносова к необходимости выработать грамматические нормы современного ему русского литературного языка. После опубликования Риторики («Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обою красноречия, т. е. оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки», 1748) он начинает работу над «Российской Грамматикой» (1755, опубл. 1757). В работе над Грамматикой Ломоносов использовал методы, выработанные им при занятиях естественными науками. Основным материалом для анализа служила, прежде всего, *народная разговорная речь и устная народная поэзия*. К теоретическим обоснованиям относятся такие как материалистическое понимание отношений языка, мышления и действительности, роль языка в развитии человеческого общества. *Язык, утверждает Ломоносов, выполняет коммуникативную функцию, имеет диалектную основу. играет объединяющую роль на территории России*. В работах по изучению славянского и родственных ему языков Ломоносов пользуется неизвестным до него методом *сравнительного анализа*, что является его величайшей заслугой.

В Грамматике Ломоносов унифицировал орфографические правила, орфоэпические нормы и изложил морфологическую структуру русского литературного языка. В этом труде получают подробное освещение грамматические категории. В Грамматике и особенно в Риторике предметом пристального внимания являются проблемы синтаксиса. Самая поздняя филологическая работа Ломоносова, «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758), завершила исследования в области филологии.

Все последующее развитие русской грамматической мысли вплоть до 20-30-х годов XIX века, до появления грамматик А.Х.Востокова Н.И.Греча, можно назвать Ломоносовским. Опираясь на теоретические установки «Российской грамматики», лингвисты- последователи (Н.Г.Курганов, В.П.Светов, А.А.Барсов,) не только повторяли разработанные правила, но и углубляли изучение грамматических проблем. Слабым моментом в этих работах было отсутствие призыва Ломоносова изучать язык с философской, т. е. теоретической точки зрения. Интерес ученых сосредоточивался на сборе дополнительного материала, на разработке специфических особенностей грамматической системы русского языка.

Откликом на Ломоносовский призыв употреблять при изучении явлений языка «общее философское понятие о человеческом слове», которое открывает «безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море», стала деятельность выдающегося

русского просветителя Александра Николаевича Радищева (1749-1802). Радищев удивительно точно понял философское значение разделов «Российской Грамматики». В «Слове о Ломоносове» (1780), завершающем «Путешествие из Петербурга в Москву», он, в конспективной форме изложив Ломоносовское «философское рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном», отмечает заслуги Ломоносова как первого «основателя истинных правил нашего и ... разыскателя естественного расположения всяческого слова».

Раздел 2. Направления языкознания XIX в.

Тема 4. Возникновение сравнительно-исторического языкознания

Предпосылки возникновения сравнительно-исторического метода. Ф.Бопп, Я.Гримм, Р.Раск - основоположники европейского сравнительно-исторического языкознания. Характеристика их основных трудов, направления лингвистических исследований.

Открытие сравнительно-исторического метода было вполне подготовлено всем ходом развития языковедческой науки. Бопп, Востоков, Гримм и Раск фактически независимо друг от друга пришли к аналогичным, взаимно дополняющим один другого выводам в отношении сравнительно-исторического метода. У каждого были свои положительные стороны, свои отличительные черты. Востоков, например, в отличие от Гримма и Боппа тщательно исследовал фонетический строй сравниваемых языков древнейшей поры, много занимался вопросами синтаксиса.

Историю сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков можно подразделить на четыре основных периода:

- 1) От зарождения сравнительно-исторического языкознания до формирования взглядов младограмматической школы (первая четверть 19 в. - 1870);
- 2) Период господства младограмматических воззрений (70-90-е гг. 19 в.);
- 3) От младограмматиков до появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и расшифровки хеттских памятников (конец 19 и первые десятилетия 20 в.);
- 4) От распространения идей Соссюра до нашего времени.

Периодизация условная, но совпадает с движением общетеоретических воззрений на язык как на предмет изучения.

Раск строил свои выводы прежде всего на данных фонетики. Сравнительно-исторический метод исследования в соответствии с идеей его создания применим только в отношении родственных языков, т. е. языков, имеющих общее происхождение. Под последним подразумевается восхождение этих языков к единому источнику, праязыку (языку-основе). В лингвистическом исследовании реконструируются, т. е. воссоздаются, с известным приближением, языковые факты родственных языков, относящиеся к дописьменным периодам истории их развития, выдвигаются гипотезы относительно этапов разделения праязыка, устанавливаются общие тенденции развития вновь образовавшихся из праязыка языков, тенденции, которые были заложены еще в эпоху их единства в рамках праязыка.

Франц Бопп (1791 – 1867) по сложившейся в лингвистике традиции считается родоначальником сравнительно-исторического языкознания. В своих исследованиях Бопп ставит перед собой 2 основные задачи: детально обследовать и доказать родство индоевропейских языков; раскрыть тайну возникновения флексий. Первый ученый, приступивший к созданию сравнительной грамматики на основе сближений между санскритом и языками Европы. Первый труд появляется в 1816 г. во Франкфурт-на-Майне «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков». Заслугой Боппа считается тот факт, что при сравнении языков он берет за основу грамматический строй, опирается при доказательстве языкового родства на сходство флексий, поскольку последние относятся к элементам, которые редко заимствуются из одного языка в другой. Он сумел на основе материала родственных языков построить общую теорию. Став в 1821 г. профессором в

Берлинском университете, продолжал свои исследования. В 1833-1852 г. Бопп издал в трех томах свою главную работу «Сравнительная грамматика санскрита, зендского, армянского, греческого, латинского, старославянского, готского и немецкого языков». Бопп создал *теорию агглютинации*, по которой глагольные корни в словах – это носители реального значения, а местоименные корни – источники образования флексий, причем личные окончания глагола рассматриваются как суффиксированные личные местоимения, выражающие субъект.

Расмус Кристиан Раск (1787 – 1832) – автор многочисленных грамматик испанского, итальянского, фризского, древнеанглийского, шведского и других языков (Раск владел 25 языками). В 1811 г. он издал свою первую работу «Руководство по исландскому языку», в которой выступил против логической грамматики. Основным трудом Раска в области сравнительного описания языков является «*Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка*» (в 1814 г, но опубликован в 1818 г.). В этой работе Раск доказывает родство готских, т. е. германских, языков с фракийскими, т. е. латинским и греческим языками. Вторая часть работы в немецком переводе была опубликована в 1822 г. под названием «О фракийском языковом классе». Основным методическим приемом, по Раску, является упор на установление грамматических соответствий.

Раск открыл сходство германских языков с греческим, латинским и балто-славянскими языками. Реабилитировал этимологию. Он исследовал связи скандинавских языков с другими индоевропейскими языками, не стремясь при этом к восстановлению первоначальных форм сравниваемых языков.

Якоб Гримм (1785 – 1863) – выдающийся немецкий ученый, один из основоположников сравнительно-исторического метода, автор первой фундаментальной сравнительной грамматики германских языков. Первый труд «История немецкого языка» появилась в 1848 г.

В историю языкознания Гримм вошел, прежде всего, как автор 4-томной «*Немецкой грамматики*». В основе данного исследования лежит сравнение на исторической основе всех германских языков, сравнение, охватывающее языковой материал, начиная с первых письменных памятников.

В своём «Немецком словаре» Гримм стремился охватить словарный состав от Лютера до Гете.

Тема 5. Сравнительно-историческое языкознание в России

А.Х. Востоков, его работа "Рассуждение о славянском языке". Определение места и роли старославянского языка в кругу славянских языков, установление ряда фонетических соответствий славянских языков и их объяснение. Значение трудов Востокова для русского славяноведения.

Александр Христофорович Востоков – выдающийся филолог, основатель русского славяноведения, относится к основоположникам сравнительно-исторического метода на славянском языковом материале. Долгие годы заведовал Депо манускриптов Публичной библиотеки. Основные труды: «Рассуждение о славянском языке» (1820), «Русская грамматика» (1831), «Опыт словаря областного великорусского языка» (1852), «Словарь церковнославянского языка» (1858-1861).

А.Х. Востоков родился в 1781 году на острове Эзеле (Саарема) бывшей Лифляндской губернии. Он был внебрачным сыном знатного остзейского дворянина, барона Х.И. Остен-Сакена, майора русской армии. Как незаконнорожденный, он был отдан на воспитание в приёмную семью в Ревель, и первым его языком стал немецкий, но ещё в раннем детстве Востоков выучил русский, и всю жизнь считал его родным. Впрочем, и Востоковым он тогда не был: Х.И. Остен-Сакен, не желая признавать отпрыска, отправил

его в Петербург – и дал семилетнему мальчику фамилию Остенек. Фамилия ребенку очень не нравилась; по окончании обучения он переименовал её на Востоков.

Учился Александр Христофорович в 1-м Сухопутном кадетском корпусе, но был не кадетом, а «гимназистом». В гимназисты принимали детей недворянского происхождения и готовили из них корпусных учителей. В кадетском корпусе Востоков проучился шесть лет, а потом был отчислен. Он с детства заикался; в подростковом возрасте заикание стало усиливаться, сделав его непригодным к преподаванию. Эта болезнь, усугублённая исключительной застенчивостью Востокова, обрекла его впоследствии на всю жизнь почти на полную немоту. Он объяснялся преимущественно на письме и только с очень близкими людьми мог говорить более или менее плавно.

Как ни странно, физический недостаток совершенно не мешал А.Х. Востокову обзаводиться друзьями и создавать кружки, жившие литературными интересами. Видимо, настолько привлекателен был Александр Христофорович: начитанностью, многогранными талантами и прекрасными душевными качествами. Из кадетского корпуса он попал в Академию Художеств и закончил её с медалью за архитектурные проекты. Там сложился круг «друзей на всю жизнь»: И.А. Иванов, А.И. Ермолаев, скульптор С.И. Гальберг, на чьей сестре Востоков впоследствии женился. Близки к Востокову были Н.И. Уткин – знаменитый русский гравёр, В.И. Демут-Малиновский, О.А. Кипренский.

Профессия архитектора не привлекала Востокова: некоторое время он служил помощником библиотекаря в Академии Художеств, потом перешёл в Комиссию составления законов на должность переводчика.

Научная и литературная деятельность Александра Христофоровича протекала вне службы. В 1808 году он вошёл в только что организованное Общество любителей изящного, вскоре переименованное в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, в котором стал, по свидетельствам современников, «непререкаемым авторитетом в вопросах литературного мастерства и эстетического вкуса». Его мнением дорожили Гнедич, Жуковский и Дельвиг. Именно по просьбе Дельвига Востоков перевёл и напечатал в «Северных цветах» за 1825 год некоторые сербские песни из сборников, изданных В. Караджичем. О влиянии переводов Востокова на «Песни западных славян» Пушкина писал Б. Томашевский.

Не менее важной была работа Востокова в области теории поэтики. В 1812 году он напечатал «Опыт о русском стихосложении», который положил начало изучению русского стиха.

С 1810 года Востоков полностью отдаётся занятиям лингвистикой. К этому времени он владеет не только немецким, французским и итальянским, но и греческим, латинским и всеми славянскими языками. Но сравнительное изучение славянских языков было сильно затруднено, часто носило случайный характер из-за отсутствия необходимых пособий и источников – книг и рукописей.

С 1809 года А.Х. Востоков мечтает устроиться на службу в создающуюся Публичную библиотеку. Она официально открылась в 1814 году, но работы велись, штат был набран – и Востоков настойчиво добивался поступления. В течение двух с половиной лет (1809–1811 годы) он 16 раз приходил к директору библиотеки А.Н. Оленину справляться о месте. Оленин писал министру просвещения: «Г-н Востоков имеет нещастье быть весьма косноязычен, и сие только меня останавливало в отношении его...» В 1814 году Александр Христофорович получил доступ в библиотеку как читатель, а 1 декабря 1815 г. был принят туда на службу помощником хранителя (заведующего) Депо манускриптов (Отделения рукописей). В 1828 году Востоков был назначен на место хранителя, которое и занимал до марта 1844 года, когда, уже будучи академиком, уволился, дабы целиком посвятить себя научной деятельности в Академии наук. В библиотеке Востоков получил, наконец, возможность успешно и плодотворно заняться любимой наукой. Большое собрание памятников древней славянской и русской письменности обеспечило полноту и широту его исследований. Первым итогом работы

Востокова с источниками стало напечатанное в 1820 году «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам». «Рассуждение...» до сих пор называют краеугольным камнем славянской филологии: Востоков открыл древний церковно-славянский язык, указал его основные отличительные черты и определил его как древний болгаро-славянский язык. Чешский филолог И.Добровский (о нем мы рассказывали в статье, посвященной Краледворской рукописи) признал приоритет мнения Востокова и отказался от своей теории о сербско-македонском происхождении древнеславянского языка. Востоков превратился в учёного с мировым именем, признанного авторитета в славянской филологии. 5 июня 1820 года за «Рассуждение...» Востоков был избран членом Российской Академии наук.

Но следует отметить, что параллельно с филологическими исследованиями Александр Христофорович принимал активное участие в организации работы Публичной библиотеки.

Его докладные записки по разработке каталогов, можно сказать, опередили время: так, например, он предлагал весьма прогрессивный на то время отказ от разделения всего каталога по языкам: «только для тех языков нужны особые каталоги, которые имеют особый алфавит, а именно для Русского, для Греческого, для Еврейского и для прочих восточных языков. Все же Европейские языки, употребляющие Латинскую азбуку, могут войти в один каталог».

Публичная библиотека от такого предложения отказалась, но время подтвердило правоту учёного: именно так сейчас организованы каталоги на иностранных языках в наших библиотеках.

Опыт каталогизации, приобретённый Востоковым в Публичной библиотеке, помог ему и в последующих трудах по описанию рукописей в частных собраниях, в том числе в самом крупном – Румянцевском. Ещё в 1822 году Н.П. Румянцев предоставил Востокову свободное пользование своей библиотекой, а впоследствии сделал его библиотекарем. После смерти Румянцева А.Х. Востоков был назначен заведующим Румянцевским музеем. На этом посту он оставался также до 1844 года.

Список научных трудов Александра Христофоровича Востокова обширен: от огромных этимологических словарей до публикаций источников на церковно-славянском языке. В конце 1820-х гг. Востокову Министерством народного просвещения было поручено составить учебник по русскому языку. Подготовка учебника заняла три года. В 1831 г. вышла его «Сокращённая грамматика для употребления в низших учебных заведениях» и одновременно «Русская грамматика по начертанию сокращённой грамматики, полнее изложенная» (так называемая «полная грамматика»). Обе грамматики Востокова были составлены на материале живого для того времени языка. В.Г. Белинский считал грамматику Востокова лучшей из всех до тех пор изданных. До издания грамматики Востокова, в преподавании прежде всего использовалась грамматика Н.И. Греча, составленная по образцам учебных пособий Франции и Германии. В грамматике Греча анализировались не свойства живого русского языка, а литературная речь, которую развивал в своих произведениях Н.М. Карамзин. Полная грамматика Востокова была переиздана двенадцать раз (последнее издание в 1874 г.) и стала крупнейшим вкладом в русское языкознание.

Тема 6. Лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта

Философские основы лингвистической концепции Гумбольдта. Основной труд Гумбольдта "О языке кави на острове Ява" с теоретическим введением "О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода". Учение Гумбольдта о сущности языка, его происхождении и развитии. Проблема соотношения языка и мышления. Учение о внутренней форме языка. Морфологическая классификация языков. Антиномии языка по Гумбольдту.

Лингвистические взгляды В. Гумбольдта тесно связаны с его историко-философской концепцией и отражают положения классической немецкой философии. Философские основы лингвистической системы Гумбольдта хорошо вскрыл выдающийся русский философ-материалист Н.Г. Чернышевский: "Должно однако же не забывать, что он [Гумбольдт] хотя много занимался философией и науками, наиболее близкими к ней, не имел сил выработать самостоятельный образ мыслей по тем очень широким вопросам, исследованием которых специально занимаются мыслители, называемые философами; он подчинялся влиянию господствовавшего тогда в Германии метафизического направления философии. Он только разделял увлечение тогдашнего образованного немецкого общества фантастическими мудрствованиями Канта, Фихте, Шеллинга".

Основными положениями немецкой философии, которые оказали влияние на формирование лингвистических взглядов Гумбольдта были, прежде всего, философские построения знаменитого немецкого философа, видного естествоиспытателя И. Канта. Философские взгляды Канта изложены в трактатах "Критика чистого разума", "Критика практического разума" и "Критика способности суждения". По мнению Канта, существует не зависящий от нашего сознания (от ощущений, от мышления) мир вещей; Кант называет их "вещами в себе". Познание начинается с того, что "вещи в себе" действуют на органы чувств и вызывают ощущения. Отсюда следует, что первичным являются вещи материального мира. Однако, переходя к исследованию вопроса о формах и границах познания, Кант утверждает непознаваемость "вещей в себе".

О непознаваемости тех или иных явлений языка очень часто говорит Гумбольдт, например: "...нам не дано познать форму языка в ее цельности". Подчеркивая неразрывную связь и даже тождественность языка и "народного духа", Гумбольдт утверждает, что эта связь "недоступна для нашего разумения", что она "остаётся для нас необъяснимой тайной".

Кант считает, что знание представляет собой соединение (синтез) ощущений с понятиями, причем высшее условие такого синтеза заключается не в материальном единстве самого предмета, а в априорном единстве самосознания, т.е. предшествующем возможности всякого соединения чувственных созерцаний. Единство является формальным, так как оно не зависит от конкретного содержания самих чувственных созерцаний. Гумбольдт также пытается выяснить, каким образом с помощью априорных форм разума образуется язык и достигается единство отдельных языков: "...порождение языка есть синтетический процесс в самом точном понимании этих слов, так как синтез создает нечто, чего не было ни в одной из связанных частей".

Из исследований Канта, посвященных критике "идей" разума, большое влияние на дальнейшее развитие философии оказало учение о противоречиях (антиномиях) чистого разума. По мнению Канта, всякая попытка разума дать теоретический ответ на вопрос о том, что такое мир как безусловное целое, приводит к противоречащим друг другу ответам на этот вопрос, а именно: можно доказать, что мир не имеет начала во времени и границ в пространстве, но и можно также доказать, что мир начал существовать в какой-то момент времени и что он пространственно ограничен. Эти противоречия возникают в разуме неизбежно, следовательно, разум по своей природе противоречив. Этот вывод о необходимом существовании диалектических противоречий составляет заслугу Канта.

Всем своим анализом языка Гумбольдт показывает, что "язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в частном, а целое обладает всепроникающей силой". Давая различные, зачастую противоречивые определения языка, он пытается установить диалектическую природу языка, выявить те противоречия (антиномии), которые выражают его сущность.

Кант специально не занимался вопросами языкознания, но в работе "Антропология с прагматической точки зрения" отметил противоречивый характер языка, который проявляется в том, что "те, кто может и говорить, и слышать, не всегда поэтому понимают себя или других; именно отсутствием способности обозначения или ее ошибочным

применением... объясняется то, что люди, говорящие на одном и том же языке, бесконечно далеки друг от друга по понятиям". Это положение Канта легло в основу гумбольдтовской антиномии понимания и непонимания.

На признание Гумбольдтом диалектического характера языковых процессов большое влияние оказала и философия И. Фихте, который в рамках субъективного идеализма развивает диалектическое восприятие процесса деятельности.

Основным в лингвистической концепции Гумбольдта является учение о тождестве "духа народа" и его языка (язык народа "есть его дух, и его дух есть его язык — трудно себе представить что-либо более тождественное"). В этом положении сказывается влияние идей Ф.Шеллинга и Г.Гегеля. Философия природы Шеллинга и его трансцендентальный идеализм основывались на тождестве духа и природы. В работе "Изложение моей системы философии" идею тождества Шеллинг признает основной проблемой всей философии. Кроме понятия абсолютного разума, утверждает он, нет ничего. В абсолютном разуме субъект и объект неразрывно связаны. Разум перестает быть чем-то субъективным или объективным, так как объект возможен только по отношению к мыслящему субъекту. Философия приходит к тождеству субъективного и объективного. Именно так подходит к пониманию языка и Гумбольдт: "Выступая по отношению к познаваемому субъективным, язык по отношению к человеку объективен. Субъективный характер всего человечества становится для него чем-то объективным. Ибо объективное остается тем, что, собственно, и должно быть постигнуто, и когда человек субъективным путем языкового своеобразия приближается к этому, он должен приложить новое усилие для того, чтобы отделить субъективное и совершенно вычленив из него объект".

Следует отметить, что учение Гумбольдта о "духе народа" является преломлением учения Гегеля об абсолютной идее, изложенного в его "Феноменологии духа". Первоначальное тождество, образующее субстанциональную основу мира, является, по мнению Гегеля, тождеством бытия и мышления. Мышление — это не только субъективная человеческая деятельность, но и объективная сущность, первоисточник всего существующего. Мышление, утверждает Гегель, "отчуждает" свое бытие в виде материи, природы, которая есть "инобытие" этого объективно существующего мышления, названного Гегелем абсолютной идеей. Высшую ступень развития абсолютной идеи составляет абсолютный дух — человечество, человеческая история. Эту идеалистическую концепцию абсолютного духа как мистического, вне человека существующего мышления — абсолютной идеи — Гумбольдт переносит на язык: "Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом"; "Язык представляет собой одну из тех причин, которые стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности"; "Язык и духовные силы функционируют совместно и в равной степени составляют нераздельную деятельность разума". Понятие "духа народа" является самым неопределенным, самым расплывчатым во всей лингвистической системе Гумбольдта.

В исследовании диалектического характера исторического процесса Гегель отводит языку важное место. Считая язык созданием теоретического ума, поскольку он есть его внешнее выражение, Гегель выделяет два этапа в развитии языка: "...языки, на которых говорили народы в их неразвитом состоянии, достигали весьма высокой степени развития... Далее, является фактом, что с прогрессом цивилизации в обществе и в государстве... язык становится... более бедным и менее расчлененным". Гегелевская теория двух периодов в жизни языка также оказала большое влияние на Гумбольдта.

При построении своей концепции языка Гумбольдт не только воспринял основные теоретические положения немецких философов, но и унаследовал достижения языковедов предшествующего периода.

В последние годы жизни ученый работал над трудом «**О языке кави на острове Ява**», который не успел завершить. Была написана его вводная часть «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества», опубликованная

посмертно в 1848 г. Это, безусловно, главный лингвистический труд В. фон Гумбольдта, в котором наиболее полно изложена его теоретическая концепция. Работа сразу стала очень знаменитой, и уже спустя десятилетие появился её русский перевод, хотя и не бывший достаточно адекватным. В этой работе ученый наиболее полно излагает свое объяснение онтологии языка, основные положения своей антропологической концепции, в соответствии с которой род человеческий рассматривается как совокупность народов, которые при всем их различии обнаруживают фундаментальное единство природы и разные пути восхождения к общему идеалу. По убеждению Гумбольдта, «различность» и множественность форм проявления будь то в языке или культуре, - залог прогресса, фактор, обеспечивающий взаимное обогащение и совершенствование (в форме и содержании).

Одно из проявлений человеческого единства - это язык, представленный во всем многообразии его «организмов», наиболее доступная наблюдению и исследованию манифестация человеческого разума и его творческой силы. Здесь наиболее наглядно предстают разнообразие в единстве и достоинства каждой индивидуальной сущности:

«Создание языка обусловлено внутренней потребностью человека. Он не только внешнее средство общения людей в обществе, но заложен в природе самих людей и необходим для развития их духовных сил и образования мировоззрения, которое человек только тогда может достичь, когда свое мышление ясно и четко ставит в связь с общественным мышлением. Если каждый язык рассматривать как отдельную попытку, а ряд языков как совокупность таких попыток, направленных на удовлетворение указанной потребности, можно констатировать, что языкотворческая сила человечества будет действовать до тех пор, пока в целом или по частям она не создаст того, что наиболее совершенным образом сможет удовлетворить предъявляемым требованиям.

В соответствии с этим положением даже и те языки, и языковые семейства, которые не обнаруживают между собой никаких исторических связей, можно рассматривать как разные ступени единого процесса их образования. А если это так, то эту связь внешне не объединенных между собой явлений следует искать в общей внутренней причине, которой может быть только развитие творческой силы. Язык является одним из тех явлений, которые стимулирует общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности. Выражаясь другими словами, в данном случае можно говорить о стремлении раскрыть полноту языка в действительности. Проследить и описать это стремление составляет задачу лингвиста в ее конечном, но и первостепеннейшем итоге».

[цит. по 17,69-70]

Работа состоит из 38 глав, которые в общем числе можно разделить на 5 части:

1) Общие вопросы о языке, включающие исследование о месте обитания и культурных отношениях малайских племен; проблему взаимодействия цивилизация, культура и образование; вопросы о форме языка, природе и свойствах языка вообще.

2) Вопросы о фонетике, включающие исследование о звуковой системе языков и природа членораздельного звука, в которые входят вопросы об звуковых изменениях; о распределении звуков между понятиями; об обозначении общих отношений; о звуковой форме языков; также исследуется внутренняя форма языка и соединение звука с ней;

3) Вопросы о морфологии, изучающие родство слов и словесной формы; изоляцию слов, флексию и агглютинацию;

4) Вопросы о синтаксисе, рассматривающие словесное единство, систему ключевых слов в предложении, средства обозначения словесного единства, членение предложения.

5) Вопросы о различии языков, характере языков, причинах развития языков.

В первой части Гумбольдт дает обобщенные понятия об индейских и индоевропейских языках, на основе которых он выделяет наряду с тремя типами братьев Шлегелей еще один - инкорпорирующий. Так же ученый утверждает о необходимости языка как такового в обществе, так как «создание языка обусловлено внутренней потребностью человека», как пишет сам Гумбольдт. «Язык - не просто внешнее средство общения

людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения...» Язык не отделим от духовной жизни человека - «Язык - одно из тех явлений, которые стимулируют человеческую духовную силу к постоянной деятельности». Это духовная сила проявляется в духе народа. «Разделение человечества на народы и племена, и различие его языков и наречий, конечно, тесно связаны между собой, но вместе с тем и, то и другое непосредственно зависит от третьего явления более высокого порядка -- действия человеческой духовной силы, выступающей всегда в новых и часто более совершенных формах... Выявление человеческой духовной силы, в разной степени и разными способами совершающееся в продолжение тысячелетий на пространстве земного круга, есть высшая цель всего движения духа, окончательная идея, которая должна явственно вытекать из всемирно-исторического процесса». Гумбольдт уверенно утверждает, что отдельный человек всегда связан с целым - с целым своего народа, расы, к которой он принадлежит, всего рода человеческого. И я не могу не согласиться с этим, потому что жизнь человека, с какой бы стороны ее не рассматривали, всегда связана с общением. «Духовное развитие, даже при крайней сосредоточенности и замкнутости характера, возможно только благодаря языку, а язык предполагает обращение к отличному от нас и понимающему нас существу... Отдельная индивидуальность есть вообще лишь явление духовной сущности в условиях ограниченного бытия». Так же дается два понятия (Erzeugtes и Erzeugung) согласно которым язык следует рассматривать не как мертвый продукт (первое), а как созидающий процесс (второе). «Но как только мы вступаем на такой путь исследования, мы тотчас, же сталкиваемся с существенной трудностью: язык предстает перед нами в бесконечном множестве своих элементов - слов, правил, всевозможных аналогий и всякого рода исключений, и мы впадаем в немалое замешательство в связи с тем, что все это многообразие явлений, которое как его не классифицируй, все, же предстает перед нами обескураживающим хаосом, мы должны возвести к единству человеческого духа» - пишет Вильгельм фон Гумбольдт. Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). Два греческих слова, употребленные В. фон Гумбольдтом, с тех пор часто рассматривались многими лингвистами и не редко употребляются как термины без перевода. Понимание языка в качестве Energeia было новым в науке о языке. Как верно определил В. фон Гумбольдт, вся европейская лингвистика, начиная, по крайней мере, со стоиков и александрийцев сводила язык к множеству правил, устанавливаемому в грамматиках, и множеству слов, записанных в словарях. Ориентация на изучение продукта деятельности была отчасти связана и с преимущественным, особенно в Средние века и в Новое время, вниманием к письменным текстам в ущерб устному. Ещё в большей степени она определялась аналитическим подходом к языку. Языковед моделировал деятельность слушающего, а не говорящего. Раскрывая свойства языка, утверждает, что язык - орган, образующий мысль, тем самым рассматривая связь языка с мышлением, указывая на их тесную связь. Цель языка - выражение мысли. «Понятие не может отрешиться от слова, как человек не может скинуть с себя физиономию. Захотев сбросить слово с себя, понятие лишь переменяло бы одно слово на другое, все равно явилось бы в слове».

Во второй части Вильгельм фон Гумбольдт исследует звуковую систему языков. Основу всех звукосочетаний языка составляет артикуляция отдельных звуков. Говоря о звуковой стороне языка, Вильгельм фон Гумбольдт исходил из не очень развитого состояния фонетики его времени и даже смешивал звук с буквой. И в то же время у него присутствуют высказывания, предвосхищающие идеи сложившейся лишь почти столетие спустя фонологии: «В языке решающим фактором является не обилие звуков, а, скорее, наоборот, -- гораздо существенней строгое ограничение числа звуков, необходимых для построения речи, и правильное равновесие между ними. Языковое сознание должно, поэтому содержать... предчувствие всей системы в целом, на которую опирается язык в данной индивидуальной форме. Здесь уже проявляется то, что, в сущности, проявляется

во всем процессе образования языка. Язык можно сравнить с огромной тканью, все нити которой более или менее заметно связаны между собой и каждая -- со всей тканью в целом». Под словами ученый понимает знаки отдельных понятий. Исходя из этого, он различает три способа обозначения понятий:

- Непосредственное подражание, когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки в состоянии передать нечленораздельные. Этот способ обозначения как бы живописный: подобно картине, обозначающей зрительный образ предмета, язык воссоздает его слуховой аппарат.

- Подражание не непосредственному звуку или предмету, а некому внутреннему свойству, присущему им обоим. Можно назвать этот способ обозначения понятий символическим, хотя понятие символа в языке, несомненно, шире.

- Сходство звуков в соответствии с родством обозначаемых понятий. Словам со сходными значениями присуще также сходство звуков, но при этом, не принимается во внимание присущий самим этим звукам характер. Этот способ обозначения понятий, в котором аналогия понятий и звуков в их собственных сферах проводится так, что достигается их полная гармония, можно назвать аналогическим.

Звуковая форма - та форма, которая создана языком для выражения мысли. Ни звуковая, ни внутренняя форма языка не создают язык сами по себе, необходим их синтез: «Соединение звуковой формы с внутренними языковыми законами придает завершенность языкам, и высшая ступень их завершенности знаменуется переходом этой связи, всегда возобновляющейся в одновременных актах языкотворческого духа, в их подлинное и чистое взаимопроникновение. Начиная со своего первого элемента, порождение языка -- синтетический процесс, синтетический в том подлинном смысле слова, когда синтез создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых». Этот процесс завершается, только когда весь строй звуковой формы прочно и мгновенно сливается с внутренним формообразованием. Благотворным следствием этого является полная согласованность одного элемента с другим. Фактически здесь речь идет о том, что позднее получило название двусторонности знака, и ещё раз здесь Вильгельм фон Гумбольдт подчеркивает системность языка, взаимосвязанность его элементов. В связи с внутренней формой языка Вильгельм фон Гумбольдт затрагивает проблему, которая позже стала трактоваться как различие значения и смысла слова; с точки зрения образования понятия «слово -- не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь -- главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета: так, в санскрите, где слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким, каждый раз подразумевая один и тот же предмет, тремя словами обозначены три равных понятия. Поистине, язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них». Позднее в отечественной традиции начиная с Потебни термин «внутренняя форма» стал употребляться в суженном по сравнению с Вильгельмом фон Гумбольдтом значении: говорится не о внутренней форме языка, а о внутренней форме слова в связи с тем, как в морфемной структуре слова или же в его этимологической структуре отражаются те или иные смысловые признаки.

В третьей части исследуется родство слов и словесной формы, производя анализ, обнаруживается, что родство слов оказывается тройным, а именно: существует родство звуков, логическое родство понятий и родство, возникающее в результате обратного воздействия слов на дух. Гумбольдт утверждает, что нельзя рассматривать словарный запас языка как готовую, застывшую массу. И то так и есть, потому что постоянно образуются новые слова и словоформы, словарный запас человека постоянно обогащается. «Язык живет в речи народа» - пишет ученый, раскрывая там самым взаимодействие языка и речи. Гумбольдт первым из лингвистов стал последовательно разграничивать язык и речь. «Язык как масса всего производимого речью, ни одно и то же, что сама речь в устах народа». Под языком понимается все то, что говорится. «Язык

является принадлежностью всего человечества, но действительную жизнь получает в живом употреблении - речи говорящего». Речь - воспроизведение того что есть в языке. Язык - результат деятельности, определенная система. Раскрывает понятие суффикса, утверждая, что слово может оформляться двумя способами - путем внутренней модификации или путем внешних наращений, также помимо внутренней модификации и сложения существует третий тип оформления слов - по средствам так называемого пристраивания. Принципы сложения и пристраивания противоположны друг другу. Сложение стремится к сохранению нескольких корневых слогов в их значимой звуковой форме, а пристраивание - к уничтожению их значения как такового. Вводит понятие агглютинативного языка, ни один язык не является полностью агглютинативным, и в отдельных случаях часто нельзя определить, какую роль играет чувство флексии для того или иного предполагаемого суффикса. «Во всех языках, действительно обнаруживающих склонность к слиянию звуков или хотя бы не полностью ее отвергающих, в отдельных случаях видно стремление к флексии. Однако надежная оценка этого явления в целом возможна лишь после анализа всего строения каждого такого языка». Делит языки на совершенные и несовершенные (флективные - совершенные (индоевропейские), агглютинативные - несовершенные).

В четвертой части Гумбольдт рассматривает словесное единство, которое имеет в языке двоякий источник: оно коренится во внутреннем, соотнесенном с потребностями мыслительного развития, языковом сознании и в звуке. Оба этих фактора - внутреннее языковое сознание и звук - взаимодействуют между собой, причем последний приспособляется к потребностям первого, и трактовка звукового единства тем самым превращается в символ искомого определенного понятийного единства. Средствами обозначения словесного единства Гумбольдт называет паузу, изменение букв и акцентуацию. Пауза - остановка голоса в конце слова для разграничения элементов мысли. Внутри слова допускается разнообразные изменения букв, добиваясь красоты звучания, языковое чувство применяет тогда к этой внутренней сфере слова всеобщие и частные законы благозвучия и гармоничного сочетания элементов. Акцентуация присуща всем языкам, хотя в мертвых языках место ударения нам известно только там, где беглое произношение зафиксировано понятными нам знаками. Вообще в слоге различают три фонетических свойства: специфическое значение входящих в него звуков, меру времени, то есть долготу, и ударение. Два первых определяются природой самого слога и составляют его телесный облик, в отличие от них ударение зависит от свободы говорящего, оно является некой частицей силы, непосредственно вкладываемой говорящим в звуки. Принцип акцентуации возвышается над речью как непосредственное выражение той значимости, которую говорящий хочет придать своей речи и отдельным ее частям. Взятый сам по себе каждый слог способен принять ударение. Но когда из нескольких слогов только один действительно выделяется по тону, ударение непосредственно сопровождающих его других слогов тем самым снимается и этим снятием создается связь между ударными (господствующими) и потерявшими ударение (подчиненными) слогами. Оба этих явления - снятие ударения и связь между слогами - обуславливают друг друга, и одно из них непосредственно и естественно влечет за собой другое. Так возникают акцентуация слова (Wortaccent) и создаваемое ею словесное единство (Worteinheit). Никакое самостоятельное слово немислимо без ударения, и никакое слово не может иметь больше одного главного ударения. Имея их два, оно распалось бы на две самостоятельные единицы и превратилось бы в два слова. Зато в одном и том же слове могут быть, конечно, вторичные ударения, вызванные его, либо ритмическим устройством, либо необходимостью подчеркнуть нюансы значения. Гумбольдт рассматривает предложение не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово.

Наконец в последней пятой части своей работы Гумбольдт пишет о различии строения языков, о характере языков и о причинах развития языков. Не отрицает развития языка.

«Язык как он есть в действительности представляется непрерывно текущим и переходящим с каждой минутой». Язык - процесс, развитие которого идет по законам духа. В ходе своего развития все языки испытывают одновременное воздействие двух факторов, взаимно ограничивающих друг друга: это, с одной стороны, начало (Princip) языка, самобытно определяющее его направленность, а с другой -- влияние накопленного материала, власть которого находится в обратно пропорциональном отношении к определяющей силе начала. Свой характер каждый язык развивает преимущественно в литературные эпохи и в предшествующие им подготовительные периоды. Характер народов разного мировосприятия отражается в значении слов. Вильгельм рассматривает два проявления языка, которые решительным образом противостоят друг другу - поэзия и проза. «Если рассмотреть поэзию и прозу одновременно и с предельно конкретной, и с идеальной стороны, то мы увидим, что они идут разными путями к одинаковой цели». Проза останавливается на простом описании действительности с чисто внешней целью, быть лишь сообщением о тех или иных вещах, не пробуждающим мысли и чувства. Перед поэзией и прозой стоят одни и те же общезначимые требования. В обеих дух должен быть приподнят и увлечен внутренним порывом. Человек в полном обладании всей своей самобытностью должен проникать мыслью, как во внешний, так и во внутренний мир и, схватывая частности, вместе с тем оставлять за ними ту их природную форму, которая связывает их с целым. Гумбольдт вводит понятие «акт самостоятельного полагания в языках», объясняя его тем, что в грамматическом строе языков есть точки, в которых синтез и порождающая его сила выступают как бы обнаженной и непосредственной и с которыми все остальное в языковом организме по необходимости находится в самой тесной связи. Этот синтез есть не качество и даже, собственно, не действие, но поистине ежемгновенно протекающая деятельность, постольку для него не может быть никакого обозначения в самих словах и уже одна попытка отыскивать такое обозначение свидетельствовала бы об ущербности синтетического акта ввиду непонимания его природы. Такой акт Гумбольдт называет актом самостоятельного полагания через соединение (синтез). Далее ученый рассматривает глагол, который резко отличается от имени и других частей речи, которые могут встречаться в простом предложении. Глагол отличается от других частей речи тем, что ему одному придан акт синтетического полагания в качестве грамматической функции. В языках, где глагол не имеет или имеет лишь весьма несовершенные признаки его настоящей функции, он сам по себе более или менее совпадает с атрибутивом, то есть с именем, а собственно глагол, являющийся настоящим воплощением мысли, должен, как глагол быть, восстанавливаться между субъектом и этим атрибутивом. Такое опущение глагола там, где к вещи просто прилагается признак, не чуждо также и самым развитым языкам. Так, оно часто встречается в санскрите и латыни, реже -- в греческом. При наличии развитого глагола такое опущение не имеет никакого отношения к характеристике глагола, а представляет собой просто один из способов построения предложения. Напротив, некоторые из языков, испытывающих затруднения с выражением глагола, придают этим конструкциям особую форму и тем самым до некоторой степени втягивают их в структуру глагола. Так, в мексиканском языке 'я люблю' может быть выражено как ni-tlazotia или ni-tlazotla-ni. Первое - соединение глагольного местоимения с корнем глагола. Второе - то же с причастием, постольку поскольку определенные мексиканские глагольные прилагательные, имеющие активное, пассивное или рефлексивное значение, можно все же назвать причастиями, хотя они и не выражают понятия протекания действия (элемента, только в результате соединения, которого с тремя стадиями времени возникает собственно грамматическое время). Правильное и отвечающее требованиям языка образование союзов, как и глагола, основывается в языках на действии той же самой силы языкотворческого духа. Менее развитые языки испытывают обычно недостаток в союзах либо используют в соответствующих целях слова, лишь опосредованно подходящие для такого употребления, не полностью ему подчиненные, и очень часто оставляют

предложения не связанными друг с другом. Ich sehe, daß du fertig bist ('я вижу, что ты готов'), то это, очевидно, не что иное, как Ich sehe das: du bist fertig ('я вижу это: ты готов'), с той единственной поправкой, которую позднее внесло правильное грамматическое сознание, символически обозначив зависимость придаточного предложения перестановкой глагола. Самым трудным для грамматического рассмотрения является синтетическое полагание, осуществляющееся в относительном местоимении. Два предложения должны быть связаны таким образом, чтобы одно являлось выражением всего лишь свойства какого-либо имени другого. Слово, посредством которого осуществляется эта операция, должно, поэтому быть одновременно местоимением и союзом, представлять имя путем его замещения и управлять предложением. Вместо того чтобы сказать: «Человек, верящий в милость божию, получит ее; то, во что ты ныне веришь, ты в будущем въяве увидишь на небесах; я пойду по пути, по которому ты меня поведешь», говорят: «Он верит в милость божию, этот человек ее получит; ты ныне веришь, это ты в будущем въяве увидишь на небесах; ты поведешь меня, по этому пути я пойду». Сущность значения относительных предложений - а именно то, что слово должно восприниматься только с учетом содержащегося в относительном предложении определения,- в этих конструкциях не только сохраняется, но и получает в известной мере символическое выражение.

Исследуя происхождение языков, Гумбольдт приходит к выводу что, язык помогает человеку познавать мир, и в то же время это познание зависит от языка: «Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне, человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей... Человек преимущественно -- да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, -- живет с предметами так, как их преподносит ему язык... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка». Таким образом, Вильгельм фон Гумбольдт ставит вопрос о языковых картинах мира, высказывая точку зрения о том, что многое в представлении каждого человека о мире обусловлено его языком. Гумбольдт в связи с этим выделяет два способа освоения иностранного языка. Если мы освоили его адекватно, то такое освоение можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира». Однако чаще этого не происходит, поскольку «мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное представление языке». В пределах европейской культуры подобный перенос не приводил к трудностям во взаимопонимании из-за очень сходных языковых картин мира. Однако при исследовании, например, индейских языков такая проблема стала серьезной.

Тема 7. Языкознание в России в 30-60-е гг. XIX в.

Сравнительно-историческая проблематика в трудах И.И. Срезневского. Работа ученого "Мысли об истории русского языка". Ф.И. Буслаев как представитель логико-грамматического направления в русском языкознании. Значение для русского языкознания работ Буслаева "О преподавании отечественного языка" и "Опыт исторической грамматики русского языка". Лексикографическая деятельность В.И. Даля.

Срезневский Измаил Иванович.

Измаил Иванович Срезневский (1812-1880) – филолог-славист, этнограф, академик Петербургской АН. Родился Срезневский 1 июня 1812 г. в г. Ярославле, однако, он из рязанского рода (отец и дед у него - Рязанцы). Занимался библиографией, археологией, историей древнерусской литературы; исследовал памятники славянской письменности, изучал современную народную речь, поэзию и быт славянских народов.

Срезневский И.И. выпускник Харьковского университета. Путешествуя по славянским землям, стремился познать историю и национальный характер языка. Тщательное описание диалектов русского языка, материалы о географическом распространении фонетических и грамматических особенностей русского языка с полным основанием дают право назвать Срезневского основоположником лингвистической географии в России.

Научное наследие Срезневского велико (библиография его сочинений включает 389 названий). Значимая работа – «Мысли об истории русского языка» (1849), в которой впервые определялись основные этапы истории русского языка.

Срезневский считает, что «язык есть собственность нераздельная целого народа», народ и язык существуют нераздельно. Народ выражает себя в языке. Меняется народ, а значит, меняется язык. Язык не подвержен случайностям, его изменение происходит по определенным законам. Задача науки – узнать, как и по какому пути идет изменение языка, выяснить законы его развития. Такая наука может быть только исторической. История языка, по утверждению Срезневского, должна входить в науку как ее необходимая часть.

Делается попытка выяснить причины, обуславливающие изменение языков. Срезневский отмечает внешние обстоятельства (социальные, экономические, политические, родственные, религиозные), которые воздействуют на язык. Внутренние обстоятельства – выявление действующих противоречий, выяснение того, какие грамматические формы необходимы в языке, а какие не нужны. Срезневский выдвигает важное положение о неравномерности развития составляющих языка. В силу этой неравномерности в языке наблюдается существование различных слоев, одновременно образованных, древних и новых. Наличие в языке новых и старых элементов, борьба между «постоянными уступками старины новизне» определяют постепенное изменение языка, проявляющееся в изменении всего его строя. Также язык подвержен изменениям из-за языковых контактов, когда «сроднение народа с народом» может привести языки к совершенному их изменению. В результате такого констатирования может образоваться новый язык, по формам своим похожий и не похожий на те, из которых он произошел. Срезневский убежден в существовании общего праязыка у определенной семьи языков. Установление родства языков важно не только для выявления общности происхождения, но и для выявления их природы, их естественных свойств. Срезневский считает необходимым дополнить сравнение языков изучением их истории. Только история языка может показать, каким был язык народа в момент отделения от той или иной языковой общности как он изменялся у данного народа.

Срезневский делит историю языка на народный и книжный. Раньше эти языки были близкими, но с течением времени они разошлись. Народный язык распадался на говоры и наречия, язык же богослужбных книг был устойчив. С развитием письменности, народные элементы все больше проникают в книжный язык и тем самым сближают его с народным языком. Таким образом, по мнению Срезневского, возникают как бы два книжных языка: один более древний, архаический, другой – новый, результат смешения старославянского с живым народным языком.

С историей языка тесно связана история словесности. Периоду образования русского языка в его древнем, первоначальном виде соответствует период образования народной словесности. Периоду отделения книжного языка от народного соответствует период отделения книжной литературы от народной словесности. Затем по мере сближения книжного языка с народным происходит сближение книжной литературы с народной словесностью.

Содержащиеся в «Мыслях об истории русского языка» Срезневского идеи о сравнительно-историческом изучении русского языка воспринимались как программа дальнейших исследований. Эта работа знаменовала собой один из важнейших этапов в истории русского языкознания: «В ней впервые высказывается убеждение в необходимости исторического изучения языка в связи с историей народа, впервые

поднимается вопрос о древности наречий русских и времени их образования, разбираются особенности древнего русского языка в его постепенных изменениях, даются указания для работ по подготовленному материалу для составления истории русского языка при посредстве подробного пересмотра древних памятников, изучения народных наречий и современного языка литературы и образованного общества».

Буслаев Федор Иванович.

Федор Иванович Буслаев (1818-1897) – русский языковед, фольклорист, историк искусства, педагог. Родился 13 (25) апреля 1818 году в городе Керенске Пензенской губернии в семье судебного чиновника. В 1833 году окончил пензенскую гимназию и поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета (окончил в 1838 году).

Использование сравнительно-исторического метода в исследовании звуковой системы русского языка и его грамматических форм, включение русского языка в круг сравнительного индоевропейского языкознания, привлечение диалектного материала для воссоздания истории языка - все эти вопросы получили глубокое освещение в работах выдающегося русского языковеда Ф.И. Буслаева.

Книга «Опыт исторической грамматики русского языка» в середине XIX в. имела такое же большое значение для закрепления норм русского литературного языка, какое имела для середины XVIII в. «Российская грамматика» Ломоносова. В грамматике Буслаева впервые соединены историческое и описательное начала при рассмотрении русского языка. В ней обобщены все достижения русской грамматической мысли первой половины XIX в.

Буслаев полагает, что «во всяком языке должно отличать основные законы, которыми определяются существенные его свойства, от отдельных форм, к которым законы прилагаются».

В рассмотрении общих вопросов языка Буслаев исходит из того, что язык есть живой организм. Организмом же он называет и индоевропейский праязык. Буслаев указывает на то, что «все построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл значение каждому из этих членов». Такое отношение между этими членами он называет организмом языка, но несомненно, что Буслаев склонялся к пониманию языка как системы.

Буслаев склонен признать наличие в языке разновременных явлений.

И с этой точки зрения «история языка стоит в теснейшей связи с современным его состоянием, ибо восстанавливает и объясняет то, что теперь употребляется бессознательно». Так в русском языкознании утверждается очень важное положение о тесной связи исторического (диахронического) и современного (синхронного) состояний языка.

Языковед считал, что грамматика русского языка должна учитывать разнообразный материал в современном его состоянии. Заслугой Буслаева является то, что он привлек для исследования не только церковнославянский материал, но и диалектную лексику («провинциализмы»), служащую источником пополнения литературного языка, а также книжный язык.

По Буслаеву, книжный язык – это «не только слог высокий (чем ограничивалась старинная практическая грамматика), но и речь разговорную, в сочинениях содержания повествовательного, драматического».

На уровне современного Буслаеву состояния науки история позволяла поставить вопрос об изучении законов языка. Понимание законов языка неразрывно связано с пониманием сущности языка. Поскольку язык, по Буслаеву, есть выражение мысли с помощью членораздельных звуков, то он подчиняется, с одной стороны, законам логики, с другой - законам самого выражения, законам сочетания членораздельных звуков (он называл эти законы внутренними законами развития языка).

Конечно, Буслаев не отрицал важности разработки грамматического строя языка, в том числе и русского. Сравнительно-историческое языкознание сравнение грамматических форм сделало основой нового подхода к языку. Буслаев упоминает законы склонения и спряжения, согласования и управления. В грамматике он предлагает отличать закон от правила, усматривая разницу между ними в том, что грамматические правила основываются на современном употреблении книжного языка, а законы — на свойствах языка, постоянных и независимых от употребления. Законы и правила иногда противоречат друг другу. В употреблении языка надо руководствоваться правилами, но чтобы понять правило, необходимо знать закон. А уяснить закон помогают история и сравнение. Только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка, и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе мы употребляем ту или иную форму.

Буслаев подчеркивает, что для изучения законов русского языка важно принимать во внимание не только книжный язык, но и язык разговорный в его диалектных разновидностях. Поскольку «господствующее центральное наречие не могло оставаться чуждым влиянию областных», то необходимо исследовать «провинциализмы». Областные наречия, по мнению Буслаева, отражают историю народа. Диалекты, позволяя глубже изучить историю языка, служат в то же время источником пополнения литературного языка.

Понимание их делает возможным функционирование русского языка на всей необъятной территории. Как изучение старинного нашего языка роднит нас с нашими предками, замечает Буслаев, так и изучение провинциализмов сближает и дружит нас с нашими соотечественниками во всех концах России. Диалекты отражают наиболее древний период в истории русского языка, поэтому они могут оказать большую помощь при сравнении русского языка с другими индоевропейскими языками, а также для понимания мировоззрения народа. Благодаря привлечению диалектного материала Буслаеву удалось объяснить многие формы русского языка, которые до этого считались неправильными. Привлечение Буслаевым данных разговорного языка и диалектов для научного освещения истории русского литературного языка было, по словам Е.Ф. Будде, «делом пророческого чутья и глубокого понимания науки с ее перспективами».

Современный русский язык представляется Буслаеву совокупностью грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава. Такое разнообразие форм объясняется историей языка, понять которую помогает историческая грамматика русского языка. Буслаев следующим образом формулирует ее принципы:

1) Историческая грамматика изучает русский язык в неразрывной связи с церковнославянским. «Эта древняя основа составляет необходимейший предмет учебника русской грамматики... во-первых, при объяснении законов языка, дает науке преимущества сравнительно-исторического метода, в сближении форм русского языка с формами одного из славянских наречий, ранее прочих усвоившего себе письменность и потому сохранившего в большей полноте и чистоте первоначальные свойства славянского языка; во-вторых, служит источником для объяснения многих как этимологических, так и синтаксических форм нашей книжной речи, образовавшихся под влиянием церковнославянской письменности».

2) Историческая грамматика опирается на данные как литературного, так и разговорного языка. Иначе говоря, «грамматические особенности, замечаемые в сочинениях образцовых писателей, она влагает в обширную раму, которая объемлет всю область языка русского, как разговорного, по местным его видоизменениям, так и книжного, в его историческом движении».

3) Историческая грамматика подробно анализирует морфологические формы, чтобы извлечь оттуда грамматические законы. Чтобы объяснить грамматические формы современного русского языка, необходимо исторически рассматривать их первоначальный вид и позднейшие изменения, подводя и то и другое под общие законы.

4) Историческая грамматика объединяет филологический и лингвистический способы изучения языка. Филологический способ проявляется в подробном и тщательном изучении языка образцовых писателей, а лингвистический – в том, что историческая грамматика, основываясь на законах языка, открытых сравнительно-исторической лингвистикой, расширяет область филологической грамматики отчетливым исследованием форм языка на основании исторического их развития.

Таким образом, в трудах Буслаева предстает картина исторического развития русского языка, его связей с другими индоевропейскими языками, основанная на исторической преемственности между языком древних памятников и языком современных писателей. Буслаев первым в России показал необходимость привлечения диалектов как необходимой составной части сравнительно-исторической грамматики, развил высказанное Тимковским и традиционное для русского языкознания положение о тесной связи истории языка с историей народа.

Вышедший в 1858 г. «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева подводил итог предшествующему развитию русской грамматической мысли. Работа представляла собой не собрание отдельных рубрик со множеством правил и исключений, а связный очерк грамматических категорий, форм и конструкций русского языка в их историческом освещении. Основанная на многочисленных фактах древнерусского языка, литературных памятников XVIII-XIX вв., на данных диалектов, эта Грамматика поражала обилием материала, предлагала новые принципы его анализа.

Заслуга Буслаева заключалась в том, что он применил исторический метод к изучению русского языка. «Историческая грамматика русского языка» Буслаева положила конец длительному господству в русском языкознании логического направления, характерной чертой которого был логико-семантический подход к частям речи и предложению. Грамматика Буслаева была восторженно принята современниками. Отмечалось, что книга Буслаева учила понимать язык и строить грамматику только на основании его же формы, а не на основании предвзятых теорий, указывала русской грамматике новые пути развития. Про Буслаева писали, что он «по своим трудам и влиянию в языкознании для нашего времени может быть назван вторым Ломоносовым».

Владимир Иванович Даль (1801-1872) вошёл в историю России как автор «Толкового словаря живого великорусского языка». Его полувековой труд можно с полным правом назвать подвигом, совершённым во славу русского народа.

Творчество Даля было во многом подготовлено эпохой предшествовавшего и современного ему языкового развития. Оно являлось, с одной стороны, последовательным продолжением возникшего ещё в XVIII в. Интересы к «коренным», «первообразным или первобытным» словам русского языка, а с другой – оно было отражением стремительного процесса сближения литературного языка с живой устной речью. В этих условиях возникает неудовлетворённость старыми словарями русского языка («Словари Академии Российской» 1789-1794 гг. и 1806-1822гг.), которые по преимуществу канонизировали лексику славяно-русского языка и столичной интеллигентской разговорной речи, крайне ограничивая материал из широких демократических масс, особенно из крестьянского языка и из профессиональных диалектов городского мещанства. Словарь Даля снимал эти ограничения. Являясь самым полным по словнику словарём русского языка (более 200 тыс. слов), словарь Даля представляет собой разнообразное собрание лексики живого разговорного языка первой половины XIX в., поскольку в нём нашли отражение не только территориальные диалекты, но и социальные (язык охотников, рыбаков, моряков, ямщиков, торговцев, шерстобитов и др. ремесленных групп). Используя слова В.Г. Белинского, можно с полным основанием сказать, что Словарь Даля явился «энциклопедией русской жизни», сокровищницей народной мудрости, народного быта, обычаев и традиций.

Тема 8. Натуралистическое направление в языкознании.

«Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков» А.Шлейхера. Учение Шлейхера о природе и развитии языка. «Биологическая» концепция языка. Понятие праязыка и теория родословного древа. Теория волн Шмидта как попытка создания синхронно-генеалогической классификации индоевропейских языков.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Научная деятельность профессора Йенского университета Августа Шлейхера (1821—1868) характеризуется широтой и многообразием интересов. Исследованиям в области сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков посвящены такие его работы, как «Морфология церковнославянского языка» (1852), «Руководство по изучению литовского языка» (1855—1857), «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков» (1861—1862). Последняя работа как бы завершала первый период развития сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков: в ней для каждого языкового явления было определено место, найдена его исходная индоевропейская форма и включена в единое целое на основе принципа более высокого порядка. Общие вопросы языковедческой теории Шлейхера изложены во вводных частях его работ: «Сравнительно-лингвистические исследования» — ч. 1 «К сравнительной истории языков» (1848), ч. 2 «Языки Европы в систематическом освещении» (1850), — «Немецкий язык» (1859). Натуралистическая концепция языка с наибольшей полнотой отражена в книгах Шлейхера «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863) и «Значение языка для естественной истории человека» (1865).

Для Шлейхера «язык есть мышление, выраженное звуками», «язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления», «язык имеет своей задачей создать звуковой образ представлений, понятий и существующих между ними отношений, он воплощает в звуках процесс мышления. Язык посредством имеющихся в его распоряжении точных и подвижных звуков может с фотографической точностью отобразить тончайшие нюансы мыслительного процесса»¹; «язык — это воспринимаемый ухом симптом деятельности целого комплекса материальных отношений в построении мозга и речевых органов с их нервами, костями, мускулами и др.»². В этих определениях Шлейхер стремится подчеркнуть материальную основу речевой деятельности.

Шлейхер, подразумевая единство языка и мышления, пытался установить определенные отношения между структурой языка и строением мышления. В мысли, пишет он, следует различать материал и форму: материалом являются понятия и представления, форму создают взаимоотношения понятий и представлений. Понятие и представление, получив звуковое выражение, образуют значение. Сущность любого языка и определяется, по Шлейхеру, тем, как выражены в нем значение (т. е. понятие и представление) и отношение. Положение, которое занимают относительно друг друга выражение значения и выражение отношения, Шлейхер называет формой. Значение выражается в корне слова, а отношение — в суффиксах; значение и отношение вместе образуют слово. «... Сущность слова, а тем самым и всего языка, — пишет Шлейхер, — определяется тремя моментами: звуком, формой и функцией».

На основе указанных положений Шлейхер предложил морфологическую классификацию языков. Характеризуя языки по выражению в них значения и отношения, он выделяет три возможных типа языков:

1. В языке выражено только значение: слово здесь представляет собой нерасчленимое устойчивое единство, напоминающее кристалл. К таким односложным (корневым, изолирующим) языкам Шлейхер относил китайский и бирманский языки.

2. В языке звуками выражается не только значение, но и отношение: слово здесь распадается на части, но они не образуют тесно спаянного единства. К этому

типу языков относятся агглютинирующие языки (например, тюркские, финно-угорские), в которых слово напоминает растение.

3. 3. В этом типе языков слово, передавая и значение, и отношение, является единством в многообразии составных элементов и уподобляется животному организму. Это характерно для флективных языков. В концепции Шлейхера флективность — высшая ступень строя языков.

В морфологической классификации языков Шлейхера чувствуется влияние немецкой классической философии, в частности идей Г. Гегеля. Заслуга Гегеля состоит в том, что он впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, развитии. Однако, как идеалист Гегель все многообразие форм движения сводил к трем ступеням (этапам) развития — это так называемая гегелевская «триада». Взаимоотношения между тезисом, антитезисом и синтезом характеризуются тем, что на втором этапе происходит снятие характерных черт первого этапа, на третьем этапе снимаются черты второго этапа и происходит как бы возврат к первому этапу, но на качественно новой основе, т. е. третий этап — это как бы следующая ступень развития первого этапа. Сравним теперь эти положения с мыслями Шлейхера; он пишет: «Если в первом классе языков мы встречали недифференцированную тождественность значения и отношения, чистое бытие значения в себе, если во втором классе дифференцируются звуки, обозначающие значение и отношение, отношение выступает в обособленном звуковом бытии для себя, то в третьем классе это различие включается в единство, но в единство, бесконечно более высокое, потому что оно выросло из различия, имеет его своей предпосылкой и включает его в себя, как снятый момент»¹. Шлейхер подчеркивал, что между тремя четко дифференцированными типами языков, хотя эти типы и исчерпывают все возможные случаи, существуют переходные ступени.

Выделение трех типов языков выражает три ступени развития языка, «то же самое можно сказать о природе: в системе природных тел три вида — кристалл, растение, животное — представляют собою эпохи в развитии земли»; «мы можем с полным правом рассматривать в процессе исторического развития минеральный организм как первый, растение — как второй, животное — как третий»². Шлейхер, увлекавшийся ботаникой, стремился в развитии языка найти аналогии с органическим миром. Так, три периода развития языка соответствуют трем царствам природы (минеральному, растительному, живот- f ному), знаменующим три ступени развития.

По Шлейхеру, языки, отнесенные к трем типам, созданы в доисторический период, когда возник и собственно язык. Придерживаясь, как и большинство его современников, теории двух периодов в развитии языка, Шлейхер определял эти этапы так: «1) Развитие языка — доисторический период. <...> Все высшие формы языка возникли из более простых: агглютинирующие из изолирующих, флективные из агглютинирующих. 2) Распад языка в отношении звуков и форм, причем одновременно происходят значительные изменения в функциях и строении предложения — исторический период».

Теория двух периодов языкового развития, возникшая под влиянием трактовки исторического процесса в духе учения В. Гумбольдта, у Шлейхера также связана с гегелевским пониманием процесса развития. В своей книге «Феноменология духа» Гегель утверждает, что первоначальной причиной развития является абсолютная идея, абсолютный дух, который все объясняет, но сам не объясним. Абсолютный дух отчуждает свое бытие: природа представляет собой его инобытие, т. е. воплощение. Пока дух пребывает в природе, природа развивается, она преисполнена творческих возможностей; когда же прекращается инобытие духа, природа перестает развиваться. То же Шлейхер наблюдает между духом и языком: «В языке дух человечества в целом, как и каждого народа, является нам в своем инобытии... Точно так же всемирный дух является нам в природе в своем инобытии. Поэтому, когда дух возвращается к себе, начинается бытие для себя, исчезает его инобытие... То, чем является дочеловеческий период в истории

земли, тем же является доисторический период в истории человека... В первом периоде дух был связан в природе, в последнем — в звуке; отсюда — там творчество в царстве природы, здесь — в царстве звуков. Иначе обстоит дело в наш период... Природа, преисполненная творческой потенции в предыдущий период, в наш период принизилась до воспроизводства; она уже не создает ничего нового после того, как всемирный дух в человеке вернулся к себе из инобытия; с тех пор, как дух человеческий... вернулся к себе в истории, пресеклась плодотворность бессознательного созидания его конкретного вида, языка. Чем свободнее разворачивается дух в истории, тем больше он высвобождается из языка. Поэтому звуки языка изнашиваются, язык утрачивает богатство форм. Исчезает все, без чего может обойтись язык; всюду выявляется тенденция к упрощению»¹.

Перенесение положений Гегеля на язык представляет исторический процесс в резком противоречии с научными положениями современной теории развития языка, согласно которой язык является продуктом ряда эпох. В советском языкознании уже отмечалось, что гегелевская трактовка развития опирается на принципы объективного идеализма и поэтому находится за пределами подлинной науки. Однако, хотя и построенная на ложных

¹ Цит. по кн.: Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959, с. 37.

² Там же, с. 38.

предпосылках, шлейхеровская классификация языков и теория развития языка представляют тем не менее стройную и цельную систему положений и с этой точки зрения заслуживают интереса.

«БИОЛОГИЧЕСКАЯ» КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКА

Стремление А. Шлейхера выявить действующие в языке закономерности побудило его определить место языкознания в системе наук. Шлейхер исходил из того, что язык не зависит от отдельного лица; в языке действуют определенные законы, которые воля человека не может изменить. С таким же действием законов мы встречаемся только в области естественных наук. «Подделать» объект языкознания, говорил Шлейхер, так же невозможно, как и объект естествознания. Объект языкознания дается лингвисту непосредственно, он не подвержен субъективизму исследователя. Отсюда Шлейхер делает вывод: языкознание составляет часть истории человека. Филология, также изучающая язык, по мнению Шлейхера, противопоставляется языкознанию, так как она имеет дело с историей, которая начинается там, где проявляется свободная воля человека. Филология анализирует литературные тексты, поэтому филолог, занимаясь критикой текстов, проявляет к ним свое субъективное отношение.

Прибегая к образным сравнениям, Шлейхер различает филолога и языковеда. Филолог подобен садовнику: для него существеннее всего практическая ценность растения, его красота и т. п. Языковед же выступает как естествоиспытатель, он относится к языкам так же, как ботаник к растениям. Ботаник должен рассмотреть все растительные организмы, изучить законы их строения и развития, а эстетическая и практическая оценки растения для него безразличны. В другом месте Шлейхер сравнивает филолога с земледельцем, у которого есть пара лошадей, а языковеда — с зоологом. Если земледелец должен знать силу своих лошадей, их индивидуальные особенности, привычки и т. п., то зоолога интересует отличие биологического вида «лошадь» от других видов того же семейства, того же отряда. Для этого зоологу необходимо представлять себе всю систему видов животных в целом. Точно так же и языковед, изучая отдельный язык, должен сравнить его с другими языками, понять, какова вообще система языков и какое место в ней занимает данный язык.

Разделяя языкознание и филологию, Шлейхер указывал, что есть области, где филология и языкознание смыкаются. К ним, например, относится синтаксис, зависящий от мышления и воли индивида и в то же время испытывающий действие объективных законов. Четкое различие целей и задач филологии и языкознания имело большое значение для дальнейшего развития языковедения. Если представители классической филологии, изучавшие греческую и латинскую грамматику и тексты, с недоверием относились к сравнительному языкознанию, то для языковедов, по убеждению Шлейхера, большой интерес представляет изучение и бесписьменных языков (например, языков американских индейцев), и народных говоров. Бесписьменные языки и диалекты выдвинуты как объекты языкознания в процессе обоснования Шлейхером своей концепции языка.

«Биологическая» концепция языка впервые была изложена Шлейхером в 1850 г. в труде «Языки Европы в систематическом освещении», где язык уподоблялся организму. Почти через 10 лет, в книге «Немецкий язык», он уже признает язык организмом: «Языки, эти образованные из звуковой материи природные организмы, притом самые высшие из всех, проявляют свои свойства природного организма не только в том, что они классифицируются на роды, виды, подвиды и т. д., но и в том, что их рост происходит по определенным законам»; «жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов — растений и животных. Как и эти последние, он имеет период роста от простейших структур к более сложным формам и период старения, в который языки все более и более отдаляются от достигнутой наивысшей степени развития и их формы терпят ущерб. Естествоиспытатели называют это обратной метаморфозой». При этом следует помнить, что в термин «организм» Шлейхер вкладывал отнюдь не биологическое содержание. Он понимал «организм» как развивающуюся структуру, которая образовалась естественно, без вмешательства человеческой воли. Именно в этом смысле Шлейхер называет язык природным организмом (Naturorganism), сопоставляя его с организмами, существующими в природе.

На Шлейхера огромное впечатление произвела теория Ч. Дарвина о происхождении и изменении видов. В своей работе «Теория Дарвина в применении к науке о языке» он прямо указывал, что «законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы, по крайней мере в главных чертах своих, и к организмам языков»¹. По его мнению, разделения и подразделения в области языков, в сущности, такого же рода, как и в царстве естественных организмов. Так, виды одного рода у нас называются языками, подвиды — диалектами; разновидностям соответствуют местные говоры, или наречия, наконец, отдельным особям соответствует образ выражения отдельных людей. Шлейхер подтверждает для языков установленный Дарвином закон изменчивости видов: «Те языки, которые, по выражению ботаников и зоологов, следовало бы обозначить видами одного рода, мы считаем за детей одного общего основного языка, из которого они произошли путем постепенного изменения. Из племен языков, нам хорошо известных, мы точно так же составляем родословные, как это старался сделать Дарвин для видов растений и животных»¹.

Основываясь на закономерностях развития животного и растительного мира, Шлейхер стремится установить общие законы возникновения и развития языка. Как органический мир развивался из одноклеточных организмов, так и все языки мира ведут свое происхождение от таких простейших языков, в которых еще не выражены ни глаголы, ни имена, ни спряжения, ни склонения. «...Употребляя форму уподобления, — пишет Шлейхер,— я могу назвать корни простыми клеточками языка, у которых для грамматических функций, каковы имя, глагол и т. д., нет еще особых органов и у которых самые эти функции (грамматические отношения) столь же мало различны, как, например, у одноклеточных организмов или в зародышевом пузырьке высших живых существ,— дыхание и пищеварение»². Таким образом, продолжает он, мы принимаем для всех языков

по форме одинаковое происхождение. Но звуковой материал, жизненные условия у различных людей были неодинаковы, что и объясняет многообразие языков.

Шлейхер переносит на языки также положение Дарвина о борьбе за существование в природе, согласно которому выживают лишь наиболее приспособленные, жизнеустойчивые виды, в то время как слабые исчезают. Это положение Шлейхер применяет к языкам без всякого изменения; он полагает, что «в настоящем периоде жизни человечества победителями в борьбе за существование оказываются преимущественно языки индогерманского племени; распространение их беспрерывно продолжается, а многие другие языки ими вытеснены»³.

Таковы основные особенности «биологической» концепции языка Шлейхера. Здесь необходимо отметить, что Шлейхер был весьма далек от отождествления языка с явлениями органического мира. Его аналогии между языком и органическим миром сейчас кажутся наивными; не слишком серьезно относился к ним и сам Шлейхер. Находясь на уровне современного ему состояния науки, он понимал, что только наблюдение составляет основу знания. А где можно установить верное, строго объективное наблюдение? Только в природе, наблюдая совершающиеся по определенным законам изменения живых организмов. А потому «только точное наблюдение организмов и законов их жизни должно служить основанием и нашей науке»⁴. Такими точными и строгими методами наблюдения во времена Шлейхера обладали лишь естественные науки. На основе изучения закономерностей в развитии живых организмов Шлейхер пытался познать исторические закономерности развития языков. Тем самым, используя прием сравнения, он уподоблял язык явлениям органического мира. Подчеркивая независимость языка от воли индивидуума, Шлейхер стремился обосновать возможность закономерного в языке. В поисках этих закономерностей, аналогичных закономерностям органического мира, заключается сущность его «биологической» концепции языка. ""

¹ Цит. по кн.: Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания, с. 39-40.

¹ Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке. Спб., 1864, с. 5.

Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке, с. 6. ² Там же, с. 11. Там же, с. 14. ⁴ Там же, с. 3.

ПОНЯТИЕ ПРАЯЗЫКА И ТЕОРИЯ РОДОСЛОВНОГО ДЕРЕВА

А. Шлейхер был первым языковедом, предложившим генетическую классификацию родственных языков индоевропейской языковой семьи. Он считал, что невозможно установить общий праязык всех языков земного шара; скорее всего существовало множество праязыков, но родственные языки всегда происходят из одного языка-основы. Языки, происходящие из одного праязыка, образуют языковой род, или языковое дерево, оно затем делится на языковые семьи, или языковые ветви. Задача лингвиста, по словам Шлейхера, заключается в том, чтобы «восстанавливать на основе доступных нам более поздних форм существовавшие в прошлом формы языка-основы семейства или же праязыка всего рода». Это гипотетическое восстановление звуков, форм, слов праязыка называется реконструкцией праязыка (восстанавливаемые элементы обозначаются стоящей-перед ними звездочкой, чтобы показать их теоретический, не зафиксированный ни в одном из письменных памятников характер).

Шлейхер был твердо убежден, что реконструировать праязык возможно. Он не поддерживал мнения Ф. Шлегеля, который первоисточником всех индоевропейских

языков считал санскрит, но воссоздаваемый им праязык должен был обладать идеализированной структурой санскрита, ибо в этом древнем языке ясно обнаруживалось соотношение элементов, выражающих значение и отношение.

В основу реконструкции звукового состава индоевропейского праязыка Шлейхер положил схему чередования гласных, разработанную древнеиндийскими учеными. Звуковому строю праязыка он приписывал строгую математическую симметрию. Прибавлением гласного [a] (по древнеиндийской терминологии *guna* — «качество») к трем основ-Уным гласным [a], [i], [u] получались дифтонги: [a]+[a]=[a]; [a]+—'+ li] = [ai (ë)]; [a] + [u]=[au (0)Г. Повторное присоединение гласного [a] к первому элементу дифтонга (древнеиндийский термин *vrddhi* — «приращение») приводило к удлинению дифтонга: [a]+[a]=[aa]; [a] + [ai]=[ai]; [a] + [au]=[au]. По этой схеме каждый гласный мог двигаться только в рамках своего ряда. Таким образом, утверждал Шлейхер, вокализм индогерманского праязыка, состоявший из ЗХ ХЗ звуков, был в высшей степени прост, но и в высшей степени правильный и строго симметричный. Кроме гласных в индоевропейском праязыке, по мнению Шлейхера, было 15 согласных.

Эта заманчивая по своей простоте и логической стройности схема не отражала архаического праиндоевропейского состояния языка, так как Шлейхер не принимал во внимание влияние ударения на изменение качества гласного, игнорировал характерное для праязыка чередование [e/o] (типа *несу* — *ноша*) и другие факты индоевропейской фонетики. Ошибочность трактовки вокализма в индоевропейском праязыке в шлейхеровской сравнительной грамматике объяснялась тем, что он исходил из предвзятого убеждения в древности санскритских форм.

Что касается морфологической характеристики праязыка, то здесь Шлейхер занимал в основном позицию, близкую позиции Ф. Боппа. Он строго различал основу, суффикс, полагая, что цель исследования состоит в разложении тесно сросшихся элементов слова. Так, например, предполагаемую индоевропейскую форму творительного падежа множественного числа **varkais* — «волками» он считал возникшей из **varkabhis*, а **varkabhi-s* из еще более древней формы **vark-a-bhi-sa*, составленной из корня *vark-*, именной основы *varka*, падежного суффикса *-bhi-* и суффикса множественного числа *-m*. Конечно, это была искусственно созданная форма.

Разделяя учение Боппа об агглютинации, Шлейхер утверждал, что реe суффиксы восходят к самостоятельным словам, а личные окончания глагола произошли из местоимений. Так, он считал, что окончание *-a* 1-го лица единственного числа перфекта якобы восходит к местоименному корню 1-го лица **ma: babhara* он выводил из **ba-bhar-ma*.

По мнению Шлейхера, в праязыке было девять падежей (именительный, винительный, отложительный, родительный, местный, дательный, инструментальный 1-й, инструментальный 2-й и звательный), три числа (единственное, двойственное и множественное) и три рода (мужской, женский, средний).

Характерно, что в своем стремлении показать простоту и стройность индоевропейского праязыка Шлейхер зачастую прибегал к произвольному оперированию звуковыми изменениями, схематическому построению морфологической структуры слова и т. д. Чтобы доказать верность своей реконструкции, он написал басню на реконструированном им праязыке¹. Работы последующих поколений компаративистов показали, что это сочинение было грубым приближением к формам праязыка, потому что Шлейхер слишком ориентировался на санскрит. Но сам метод реконструкции праформ широко применялся впоследствии лингвистами.

Рассматривая вопрос о дальнейшем развитии языка, Шлейхер говорит, что языки, возникшие первыми из праязыка, можно называть языками - основами; почти каждый из них дифференцируется в языки, а отдельные языки могут далее распадаться на диалекты, а диалекты — на поддиалекты. Эти диалекты и поддиалекты с течением времени настолько обособляются, что превращаются в отдельные языки, которые, в свою очередь,

дробятся на диалекты и языки. При таком процессе дифференциации языков. Шлейхер полностью исключает возможность перекрестного скрещивания языков и диалектов. Для иллюстраций' процесса распада индоевропейского праязыка он предлагает схему родословного дерева индоевропейских языков:

На основе теории родословного дерева Шлейхер делает следующие выводы: а) языки, относящиеся к одной и той же ветви родословного дерева, во всех отношениях ближе друг к другу, чем к языкам других ветвей; у языков относящихся к разным ветвям родословного дерева, общими могут быть только такие черты, которые уже существовали в праязыке; б) чем восточнее живет индоевропейский народ, тем на более древнем уровне остался его язык, и чем западнее, тем менее древних черт и более новообразований он содержит. Оба эти вывода не выдерживали критики с точки зрения реальных фактов индоевропейских языков. Во-первых, потому, что одинаковые фонетические процессы (например, переход [s] в Ш) захватывали языки, принадлежащие к разным ветвям родословного дерева, а во-вторых, в восточном древнеиндийском языке, санскрите, который считался эталоном праязыка, наряду с архаическими чертами обнаруживается немало специфических новообразований. Кроме того, факты показывают, что индоевропейские языки уже в глубокой древности вступали в контакты между собой, а не были отделены друг от друга.

¹ См.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 1, с. 122.

Теория волн Шмидта

В 1872 г. немецкий языковед, ученик Шлейхера И. Шмидт в своей книге «Отношения родства между индоевропейскими языками» в противовес шлейхеровской гипотезе родословного дерева выдвинул теорию «волны, которая распространяется концентрическими кругами, становящимися более слабыми по мере удаления от центра распространения новообразований». Схема Шмидта выглядит следующим образом:



Шмидт подчеркивает большую связь балтийских языков с германскими, чем со славянскими, а славянских с индоиранскими и т. д., т. е. все индоевропейские языки оказываются связанными друг с другом цепью взаимных переходов. Шлейхеровской концепции последовательного дробления индоевропейского праязыка Шмидт противопоставил теорию постепенных, незаметных переходов между не имеющими четких границ диалектами праязыка. «Теория волн», несмотря на то, что она более последовательно выражала отношения между языками—диалектами праязыка, тем не

менее тоже заключала в себе существенный недостаток, ибо она снимала вопрос о диалектном своеобразии отдельных частей индоевропейской языковой общности. Однако в зарубежном языкознании концепция Шмидта приобрела чрезвычайную популярность.

В лингвистической концепции Шлейхера были и положительные, и отрицательные моменты. И лучше всего эти противоречия отметила советский языковед А. В. Десницкая: «Шлейхер как мыслитель стоял на уровне прогрессивных идей своего времени. Он несомненно принадлежал к тем гегельянцам, которые, как Л. Фейербах, пришли к материализму. Слова, сказанные Ф. Энгельсом о Л. Фейербахе, могут быть применены также к Шлейхеру, который строил свое понимание материальных основ речевой деятельности как непосредственной реализации мыслительного процесса, осуществляемого в мозгу, на положениях естественнонаучного материализма и который отрицал наличие особого духовного начала. Шлейхер мыслил столь же материалистически, как и Фейербах. Он стремился создать последовательно материалистическую теорию языка, освобожденную от влияния философского идеализма и основанную на объективных методах изучения фактов, получаемых путем наблюдения. Главным недостатком теоретической концепции Шлейхера было отсутствие понимания общественной сущности языка и историко-материалистических закономерностей его развития. Нет, однако, оснований считать вульгарным материалистом ученого, который — первый и единственный из лингвистов XIX в.— пытался поставить вопрос о материальных основах речевой деятельности и при этом не отрывал языка от мышления»¹.

«Вопросы языкознания», 1971, №6, с. 8.

Тема 9. Психологические концепции в языкознании

Психологическая трактовка сущности и процессов развития языка. Обоснование тесных связей между языкознанием и психологией в трудах Г.Штейнталь. Взаимодействие индивидуальной речи и индивидуального мышления как определяющий момент концепции Штейнталь. Индивидуальная и коллективная (народная) психология в трудах Штейнталь и В.Вундта. А.А. Потемня - языковед-мыслитель. Философские основы лингвистической концепции. "Мысль и язык", "Из записок по русской грамматике" - основные труды Потемни. Потемня о связи языковой формы и речевого творчества с формами мышления и познания мира. Учение о слове. Внутренняя форма слова. Слово, предложение, части речи - формы языка, определяющие познавательную деятельность коллектива. Учение о предложении (теория стадильности в развитии языка). Соотносительность частей речи и членов предложения. Старое и новое в системе языка и задачи языкознания.

Основателем психологического направления считается Гайман Штейнталь (1823 - 1899). Главными его работами являются: «Классификация языков как развитие языковой идеи» (1850), «Происхождение языка» (1851), «Грамматика, логика и психология» (1855), «Характеристика важнейших типов языкового строя» (1860). Более подробно концепция Штейнталь будет рассмотрена ниже. Отрицая лингвистический биологизм Шлейхера и логический грамматизм Беккера, Г. Штейнталь развил учение о языке как деятельности индивида и отражении народной психологии. Он считал, что законы движения представлений сводятся к изучению образования и развития языка и мышления индивида

(то есть речи - говорения и способности говорить) и происхождения и развития языка в обществе (то есть совокупности языкового материала у отдельных народов), так как «язык является самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа». Языкознание должно опираться не только на психологию индивида, изучая его речь, но и на психологию народов, изучая их языки.

Влияние работ Штейнталя можно обнаружить не только у Поттебни и Пауля, но и у Бодуэна де Куртенэ и де Соссюра, Сепира и Щербы. Однако лингвистический психологизм развивался неоднородно.

Штейнталь считает, что «предметом языкознания является язык или язык вообще, то есть выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». Совокупное содержание внутреннего мира, которое мыслится предшествующим языку и должно быть выражено посредством языка, - второй тезис Германа Штейнталя. Таким образом, в концепции Штейнталя основным и определяющим оказывается взаимодействие индивидуальной речи и индивидуального мышления. Психологическая концепция языка Г. Штейнталя противопоставляется, с одной стороны, опытам построения логической грамматики, получившим наиболее яркое выражение в книге К. Беккера «Организм языка», 1841, а с другой стороны, биологическому натурализму А. Шлейхера. Г. Штейнталь при этом старался опереться на философию языка В. Гумбольдта, но фактически во многом отошел от нее.

Во многих своих работах Г. Штейнталь психическими законами ассимиляции, апперцепции и ассоциации. На основе этих законов Г. Штейнталь старается объяснить, как происхождение языка, так и процессы его развития. При этом он категорически отвергает участие мышления в становлении языка («Категория языка и логики несовместимы и так же мало могут соотноситься друг с другом, как понятия круга и красного»). Все внимание исследователя сосредоточивается, таким образом, на индивидуальном акте речи, рассматриваемом как явление психическое. Через посредство изучения явлений индивидуальной психологии Г. Штейнталь стремится постичь «законы духовной жизни» в разного рода коллективах – в нациях, в политических, социальных и религиозных общинах – и установить связи типов языка с типами мышления и духовной культуры народов (этнопсихология). Выполнение этой задачи стимулирует, по его мнению, то обстоятельство, что внутренняя форма языка (которая и обуславливает национальный тип языка) непосредственно доступна наблюдению только через его внешнюю форму, то есть главным образом через звуковую сторону языка, почему она в первую очередь и должна приниматься во внимание при изучении языка и его характерных особенностей («Мы не имеем права говорить о языковых формах там, где им не соответствует изменение звуковой формы»).

Некоторые положения лингвистической теории Г. Штейнталя были усвоены и развиты младограмматиками. Учение Гумбольдта о сложных взаимоотношениях между языком, сознанием и действительностью подменяется субъективизмом, индивидуализмом. Для объяснения связи между индивидуальными языком и мышлением Штейнталь использовал ассоциативную психологию Иоганна Фридриха Гербарта (1776 -1841), исходившего изучения субъективного идеалиста Фихте. Гербарт сводил всю деятельность человеческого сознания к самодвижению представлений, управляемому законами ассимиляции (то есть объединения и закрепления тождественных или близких представлений), апперцепции (определяемости нового восприятия массой уже имеющихся в сознании представлений) и ассоциации (установления связей различного рода между представлениями). Исходя из этих законов движения представлений, Штейнталь пытался объяснить образование и развитие языка и мышления у индивида; те же законы, по его мнению, вызвали происхождение и развитие языка в человеческом обществе. При подобном психологическом и индивидуалистическом подходе к языку оставалась без внимания его общественная сущность, фактически язык отрывался от соплеменника, и

возникшая отсюда новая мысль принадлежала как тому, так и другому, подобно тому как дитя принадлежит отцу и матери. Сходная физическая организация и сходные впечатления, получаемые извне, производят сходные чувства, склонности, желания, а эти в свою очередь – сходные мысли и сходный язык. В индивидууме возникают психические образования, комплексы представлений, которые без влияния других людей или вовсе не возникли бы в нем, или же возникли бы очень поздно (как, например, доказать теорему Пифагора впервые или же выучить ее по учебнику). Подобная «психология народов» (этнопсихология) оказывается далекой от общественной деятельности людей. Таким образом, в борьбе двух основных направлений общего языкознания – сторонников теории, что язык есть физическое, естественное явление, и их противников, утверждавших, что язык есть психическое явление, - на время победило последнее. Младограмматическая школа исходила из тезиса Штейнтала: «Так как дух народа живет только в индивидах и не имеет существования, особенного от индивидуального духа, то и в нем естественно совершаются, как и в последнем, только те же основные процессы, которые ближе разъясняет индивидуальная психология». За Штейнталем следует в своей теоретической книге «Принципы истории языка» (1880) глава младограмматиков Герман Пауль.

Психология народов В. Вундта

В России сторонники естественно-научной и гуманитарной психологии вели между собой борьбу, в которой оказались победители и побежденные, но места для этнопсихологии среди других отраслей психологии не нашлось. А в Германии обе ориентации пересеклись в творчестве одного исследователя — В. Вундта (1831–1920), создателя не только построенной по образцу физиологии экспериментальной психологии сознания, но и *психологии народов* как одной из первых форм социально-психологического знания.

Первую этнопсихологическую статью Вундт напечатал в 1886 г., затем переработал ее в книгу, которая в переводе на русский язык была издана в 1912 г. под названием «Проблемы психологии народов». Последние двадцать лет своей жизни ученый полностью посвятил созданию десяти томной «Психологии народов». Предшественниками Вундта в создании новой науки были Лацарус и Штейнталь, вначале его разногласия с ним были едва уловимы, но затем он серьезно отклонился от предложенного ими пути.

Во-первых, как мы помним, для Лацаруса и Штейнтала изучение народного духа сводится к изучению тех же психологических явлений, что и изучение составляющих народ индивидов. Вундт согласен с ними, что *душа народа*¹ вовсе не является бестелесной, независимо от индивидов пребывающей сущностью. Более того — она ничто вне последних. Но он последовательно проводит основополагающую для социальной психологии мысль, что совместная жизнь индивидов и их взаимодействие между собой должны порождать новые явления со своеобразными законами, которые хотя и не противоречат законам индивидуального сознания, но не содержатся в них. А в качестве этих новых явлений, иными словами, в качестве содержания души народа, им рассматриваются общие представления, чувства и стремления многих индивидов². Из этого можно сделать только один вывод: для немецкого ученого психология народов — самостоятельная наука, которая не только пользуется услугами индивидуальной психологии, но и сама оказывает помощь последней, предоставляя материал о духовной жизни индивидов и таким образом влияя на объяснение индивидуальных состояний сознания.

Во-вторых, Вундт стремится сузить программу изучения психологии народов, предложенную Лацарусом и Штейнталем. Хотя, по его утверждению, в реальных исследованиях невозможно полностью разграничить описание и объяснение, наука о душе народа призвана объяснять общие законы ее развития. А описывать психические свойства отдельных народов должна этнология, являющаяся для психологии народов

вспомогательной дисциплиной. Кстати сказать, Штейнталь в своих поздних трудах согласился с точкой зрения Вундта по этому вопросу и отдал описательную психологическую этнологию на откуп этнографам.

В-третьих, по мнению Вундта, общие представления многих индивидов проявляются в языке, мифах и обычаях, а остальные элементы духовной культуры вторичны и сводятся к ним. Так, искусство, науки и религия долгое время в истории человечества были связаны с мифологическим мышлением, поэтому как предмет изучения они должны быть исключены из психологии народов. Правда, в своем многотомном труде Вундт не всегда последователен, например, довольно часто он рассматривает религию и искусство как часть психологии народов.

Но в ранних работах немецкого ученого мы находим четкую структуру продуктов творческого духа народов:

язык содержит общую форму живущих в душе народа представлений и законы их связи;

мифы, понимаемые Вундтом в широком смысле как все первобытное мирозерцание и даже начала религии, таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями;

обычаи включают возникшие из этих представлений поступки, характеризующиеся общими направлениями воли и зачатками правового порядка.

«Язык, мифы и обычаи представляют собою общие духовные явления, настолько тесно сросшиеся друг с другом, что одно из них немыслимо без другого. <...> Обычаи выражают в поступках те же жизненные воззрения, которые таятся в мифах и делаются общим достоянием благодаря языку. И эти действия в свою очередь делают более прочными и развивают дальше представления, из которых они проистекают» [Вундт, 1998, с. 226].

После знакомства с основными идеями Вундта легко догадаться, что основным методом психологии народов он рассматривает анализ конкретно-исторических продуктов духовной жизни, т. е. языка, мифов и обычаев, которые, по его мнению, представляют собой не фрагменты творчества народного духа, а сам этот дух. Конечно, продукты духовной культуры изучаются и другими, в частности историческими, науками. Более того, психологические и исторические исследования идут рука об руку. Но психология народов — как наука объяснительная — анализирует их со стороны выражающихся в них общих законов духовного развития. Она стремится к тому, чтобы психологически объяснить законы, объективно проступающие в языке, мифах и обычаях. Если психолог изучает культ духов деревьев, существующий у германских и славянских народов, ему необходимо ответить на вопросы, какие психологические причины лежат в основе этого культа и связанных с ним представлений и как психологически можно обосновать изменения представлений с развитием культуры.

А.А. Потебня (1835-1891) – выдающийся отечественный представитель психологизма – профессор Харьковского университета, член-корреспондент АН России, лауреат многих наград за филологические труды, признанный заруб. и отечеств. авторитет. [Лингв. психологизм ощущается в трактовке Потебни о сущности языка, которая видится ему в непрерывной духовной деятельности. Язык появляется как результат духовной деятельности человека, как воплощение духовной жизни в языке и далее существует как непрерывная деятельность по совершенствованию форм, обновлению, развитию, как непрерывное словесное творчество. В связи с этим интерес исследователя должен быть сосредоточен не на застывших готовых языковых конструкциях, а на функционировании языка. Изолированное слово мертво, оно не обнаруживает всех своих качеств. Только в речи оно приобретает свой истинный (только один) смысл, соответствующий данному акту мысли. Т.о., каждый акт речи индивидуален и неповторим, как индивидуальна и неповторима психическая деятельность человека. Содержание речи субъективно, понимание тоже, т.к. мысли говорящего и слушающего различны. Потебня разделяет

точку зрения Гумбольдта о том, что «всякое понимание есть непонимание». При этом Потебня развивает мысль Гумбольдта, у которого эта фраза означает отклонение от мысли говорящего. Потебня считает, что это не отклонение, а понимание по-своему, привнесение слушающим в высказываемую мысль своего опыта, восприятия мира, психологических особенностей, творчества и т.д. Услышанное для слушающего – не способ передачи мысли от 1 человека к другому, а повод для появления своих мыслей. «Говорить значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли». Психологизм ощущается в трактовке Потебни проблемы языка и мышления. В отличие от Гумбольдта, Потебня разводит эти понятия. Это разные вещи в онтологическом плане (по происхождению). Язык возникает на базе достаточно развитого мышления, явлением духовной жизни, предшествующим языку. На определенном этапе они неизбежно и объективно получают воплощение в языковой форме; возникнув, язык оказывает влияние на духовную деятельность. Язык и мышление различны и по своему функционированию. «Область языка далеко не совпадает с областью мысли», например, в творческой деятельности большое место занимает бессловесное общение. Вместе с тем только в слове мысль получает свое место в системе человеческих знаний. «Бессловесное» мышление базируется на мышлении, ассоциируемом со словом.]

Потебня о связи языка и мышления.

При решении языковедческих проблем, особенно при анализе соотношения языка и мышления, у А. А. Потебни много противоречий, которые обусловлены внутренней противоречивостью его философской концепции, включающей в себя и материалистические, и идеалистические положения.

Опираясь на мнение Штейнталя, Потебня считает, что «область языка далеко не совпадает с областью мысли», ибо бывали периоды в истории человечества, когда язык не был связан с мышлением. Однако в других местах своей работы «Мысль и язык» Потебня прямо указывает, что «язык есть необходимое условие мысли отдельного лица, даже в полном уединении», поскольку только через словесную оболочку мысль перестает быть исключительной принадлежностью одного лица и становится достоянием многих лиц. Мысль, по словам Потебни, вскармлена словом.

В интерпретации Потебни **взаимосвязь языка и мышления** выглядит следующим образом: прежде всего существуют объекты мышления – предметы и вещи объективной действительности, объекты мышления включают в себя и взаимоотношения между предметами объективного мира, существующие независимо от субъекта и находящиеся с ним во взаимодействии. Все это влияет на органы чувств и является причиной возникновения процесса мышления, а также образов и понятий как результатов мышления.

Процесс мышления – проекция на внешний объект познания деятельности субъекта, результатом чего является образ познаваемых предметов и понятий о них, представляющий собой синтез субъективного и объективного.

Предмет в совокупности своих признаков образует для мысли постоянную величину, чувственный образ предмета, в котором какой-нибудь признак преобладает. **Внутренняя форма** – это преобладающий признак, центр образа.

В каждом слове действие мысли состоит в **сравнении двух мысленных комплексов**: вновь познаваемой и прежде познанной, представляющей собой уже готовый запас мысли.

Понятие — это высшая форма деятельности мозга, известное количество суждений, совокупность актов мысли.

Развитие взаимоотношений между мышлением и языком, по мнению Потебни, определяется следующим образом: от дословесного мышления образами через образное мышление, ассоциированное со словом, до мышления понятиями с помощью слов, причем все эти этапы тесно между собой связаны:

1. Дословесное - мышление образами, когда мы не знаем, почему, каким признаком обозначено в данном слове известное значение – поэтическое.

2. Образное, ассоциируемое со словом.

3. Мышление с помощью понятий, состоящее в разложении известного предмета на его признаки – **прозаическое**. Одним из видов прозаического мышления, является **научное** мышление с характерной для него способностью к анализу и критике.

Признается **первенство языка по отношению к мышлению, слова — к понятию**. Диалектика взаимосвязи между словом и понятием не получила у Потебни достаточно последовательного развития. Односторонность решения этой проблемы заключается в том, что Потебня непременно искал примата либо слова, либо понятия. Объясняется это двойственностью понимания взаимосвязи языка и мышления. Но очень важна его мысль о том, что переход от наглядного, внешнего изображения предметов к обобщенному их обозначению возможен только при помощи абстрагирующей силы слова.

Учение о слове.

В лингвистической теории Потебни центральное место занимает *учение о внутренней форме слова*. По мнению Потебни, внутренняя форма слова является тем механизмом, при помощи которого происходит соединение языкового значения и языковой формы. Под внутренней формой Потебня понимает первоначальное, этимологическое значение слова, воплощение в слове нашего представления об объекте, обозначенном в этом слове. Поскольку языкознание – непрерывная деятельность, то на это первоначальное значение, внутреннюю форму слова, накладываются новые смыслы. Слово получает дальнейшее значение. Этимолог. значение забывается, хотя и остается в слове. На слово наслаивается кроме дальнейшего значения и субъективное впечатление. Однако, первопричиной воплощения того или иного значения в данной форме остается его этимолог. значение, т.е. внутренняя форма.

Слово – единство членораздельного звука и значения, либо «звуковое единство с внешней стороны и единство представления и значения с внутренней. Именно это единство и обеспечивает функционирование слова.

Определение слова как единства звука и значения предусматривает еще наличие третьего элемента – **представления** – это содержание мысли, или способ изображения данного значения.

«Слово состоит из трех элементов: членораздельного звука, представления, значения слова.»

Развитие языка, как утверждает Потебня, и состоит в утрате первоначального образа и возникновении в силу этого новых слов. Всякое слово создает вместе с новым значением и новое представление. Поэтому **в слове мы различаем: внешнюю форму, т. е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание.**

Одним из первых в русском яз. пытается решить с философских позиций вопрос об отношении формы и содержания в слове.

Концепция внутренней формы претерпевала у Потебни определенные изменения. Первоначально внутренняя форма выступает как синоним понятий этимологического значения слова и представления. В дальнейшем Потебня уже разграничивает представление и внутреннюю форму.

Внутренняя форма обозначает ближайшее значение слова и выступает как совокупность нескольких значений, в то время как представление выражает один признак. Внутренняя форма всегда сохраняется в слове, в то время как представление может исчезать.

Следует обратить внимание на **двухступенчатую природу внутренней формы**. Внутренняя форма выступает у Потебни не только как центр образа; она в какой-то мере уже обобщает отдельные признаки предмета, создавая из них единство образа, давая значение этому единству. Таким образом, **внутренняя форма «есть не образ предмета, а образ образа».**

Учение Потебни о внутренней форме слова тесно связано с понятием знака. Внутренняя форма (этимологическое значение) есть знак, заменяющий для нас субъективное значение. Следовательно, знак – уже представитель значения, выражающий определенный признак.

Внешняя форма слова – это не просто членораздельный звук, а звук значимый. Именно внешняя форма находится в тесной связи с внутренней формой как первоначальным значением, она нераздельна с внутренней, меняется вместе с ней, без нее перестает быть сама собою.

Представление – в процессе исторического развития языка прежнее содержание забывается, превращается во внутреннюю форму. Поскольку старое содержание теряется, постольку звук слова становится носителем более актуального значения.

Потебня считает, что **слово приобретает смысл лишь в предложении и потому имеет только одно значение**. Более того, **любые синтаксические изменения** функции слова в предложении и связанные с этим морфологические изменения **означают возникновение** нового значения, т. е. **нового слова**.

Язык — система, «нечто упорядоченное, всякое явление его находится в связи с другими. Задача языкознания и состоит именно в уловлении этой связи, которая лишь в немногих случаях очевидна».

Грамматические категории, по мнению Потебни, теснейшим образом связаны с вещественным, лексическим значением, поскольку «вещественное и формальное значение данного слова составляют... один акт мысли». Грамматическое и лексическое значения мы разрываем только тогда, когда слово делается предметом исследования; в процессе же говорения они едины.

Грамматическая форма – есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением. Нельзя принимать за форму внешний знак, ибо «форма есть значение».

Грамматические формы могут выражаться не только формальными элементами слова, но и его синтаксическими связями. Грамматическая форма – синтез семантических и синтаксических элементов.

В названиях ягод «черника», «голубика» явно просматривается внутренняя форма «черный», «голубой», которая отражает наше представление об этих ягодах. Оно и является этимологическим значением этих слов, хотя сейчас мы можем и не считать цвет их главным признаком. Тем более, что он чаще всего забывается, утрачивается. % «брусника» - «красный». Внутр. форма слова является основой, на которой происходит соединение функции и значения в языке. Значительное место в его теории занимает *учение о предложении*. Эволюция предложения также связана с эволюцией психической деятельности. Ранний этап психической деятельности характеризуется конкретностью восприятия => первичными предл. были именные конструкции (не моя печаль), глагол появляется позже. По этой же логике развивались и части речи: сначала появляется сущ., которые отражали предметное мышление, затем прил., которые отражали признаки и качество объектов, что было важно для практической деятельности, потом появляется глагол как отражение действий и процессов.

Тема 10. Младограмматическое направление в языкознании

Индивидуальный психологизм как основа лингвистической концепции младограмматиков. Предисловие К. Бругмана и Г. Остгофа к первому тому "Морфологических исследований" как манифест младограмматиков и "Принципы истории языка" Г. Пауля как наиболее полное изложение их взглядов. Учение о фонетических законах и аналогии как методологическая база изучения развития языка. Тезис о необходимости изучения живых языков и диалектов для познания законов развития языка. Создание фонетики как самостоятельной научной дисциплины. Зарождение семасиологии.

Возникновение школы младограмматиков относится к последней трети XIX в. Сторонники нового направления выступили с резкой критикой взглядов старшего поколения языковедов, и за свой молодой задор они получили название «младограмматиков», которое стало обозначением целого направления. Становление младограмматического направления связано с именами таких лингвистов, как Август Лескин (1840 – 1916), Карл Бругман (1849

– 1919), Герман Остгоф (1847 – 1909), Герман Пауль (1846 – 1921), Бертольд Дельбрюк (1842

– 1922) и др. Эти ученые были связаны с Лейпцигским университетом, поэтому младограмматиков называют также Лейпцигской школой языкознания. К этому течению примкнули языковеды других стран: французский языковед Мишель Бреаль (1832 – 1915), датские исследователи Карл Вернер (1846 – 1896) и Вильгельм Томсен (1842 – 1927), итальянский ученый Грацидио Асколи (1829 – 1907), американский языковед Вильям Уитни (1827 – 1894), лингвисты Казанской и Московской школ во главе с И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатовым. Поэтому в широком смысле младограмматизм охватывает всех, кто в основном разделял новую методологию и практику сравнительно-исторического исследования.

Манифестом младограмматиков стало предисловие К. Бругмана и Г. Остгофа к первому тому неперiodического издания «Морфологические исследования» (1878). Принципы младограмматического исследования отражены в книге Г. Пауля «Принципы истории языка» (1880), в работе Б. Дельбрюка «Введение в изучение индоевропейских языков» (1880), в шеститомном издании К. Бругмана и Б. Дельбрюка «Основы сравнительной грамматики индогерманских языков» (1886 – 1900), в «Грамматике древнеболгарского (церковнославянского) языка» (1909) А. Лескина. В наиболее полном и последовательном виде концепция младограмматиков сформулирована в «Принципах истории языка» Г. Пауля, эту книгу называют иногда энциклопедией младограмматизма.

По своим взглядам на природу языка, предмет языкознания и методику научного исследования младограмматизм представляет сравнительно-историческое психологическое языкознание. Характерной чертой лингвистической концепции младограмматиков является стремление избегать философии. «Языкознание вступило из философского периода в исторический», – замечает Дельбрюк. Историзм – один из основополагающих принципов концепции языка Пауля. Он считает, что невозможно с успехом рассуждать о языке, не добывая сведений о его историческом становлении. По мнению Пауля, как только исследователь выходит за пределы простой констатации единичных фактов, как только он пытается уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории. Языкознание относится к науке культурно-исторической, а поскольку важнейшим признаком культуры, по мысли Пауля, является психическое начало, то принцип историзма предполагает психологическое понимание сущности языка. Поэтому языкознание должно быть психологическим насквозь, даже там, где речь идет о простой констатации единичных фактов. Пауль считает, что всякие психические образования появляются лишь в душе индивида и в действительности существует лишь индивидуальная психология, никакой этнопсихологии не существует. Отсюда подлинной реальностью в его концепции выступает лишь индивидуальный язык. Так как каждый индивид обладает собственным языком, а каждый из этих языков – собственной историей, то Пауль приходит к выводу, что «на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов». Это же положение подчеркивается Бругманом и Остгофом: «Язык не есть вещь, стоящая вне людей и над ними и существующая для себя; он по-настоящему существует только в индивидууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов» (39, 193 – 194, ч. 1). Таким образом, историзм и психологизм определяют, по Паулю, еще один принцип в изучении языка – индивидуализм.

Центральным в концепции младограмматизма является представление о языке как об индивидуальной психофизической (психофизиологической) деятельности. Недостаток предшествующего языкознания младограмматики видят в том, что до них языкознание слишком много занималось языком и слишком мало человеком, как будто язык может существовать самостоятельно, отдельно от человека. «Никто не может отрицать, – указывали Отсгоф и Бругман, – что прежнее языкознание подходило к объекту своего исследования – индоевропейским языкам, не составив себе предварительно ясного представления о том, как живет и развивается человеческий язык вообще, какие факторы действуют при речевой деятельности и как совместное действие этих факторов влияет на дальнейшее развитие и преобразование языкового материала. С исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало говорящего человека» (39, 187, ч. I). Говорящий индивид выступает исходным пунктом и объектом изучения младограмматиков. В механизме человеческой речи они выделяют две стороны – физическую и психическую, протестуя против исключительного внимания к физической стороне речи и требуя должного внимания к изучению психических факторов речи. Несмотря на то, что реальной является только речь отдельного лица, индивидуальная речь является выражением общенародной речи. Это делает возможным общение с помощью языка. Оно основывается на общности психической жизни людей, звуки языка говорящего и слушающего вызывают в душах обоих один и тот же комплекс представлений. Вместе с тем причины и законы изменения языка лежат не в развитии человеческого общества, а в психике отдельного человека, все языковые изменения совершаются в «обычной речевой деятельности» индивида. Поскольку на язык оказывают влияние различные факторы, так или иначе затрагивающие психику человека, постольку основным приемом лингвистического исследования служит тщательное описание отдельных фактов и факторов. Именно этот эмпиризм, или, как позднее стали говорить, атомизм выступил еще одним принципом изучения языка, который считался младограмматиками признаком точности и научности. Научную ценность для них представляют только те положения, которые могут быть проверены на фактическом материале, причем из них не должно делаться никаких далеко идущих обобщений и выводов. Философской базой такого подхода к языку являлся господствовавший в то время позитивизм, который противопоставлял абстрактному мышлению позитивные данные опыта, а в области научной теории допускал только обобщения частного порядка, причем строго аргументированные эмпирическим материалом.

Двусторонний характер языка – физический и психический – нашел свое выражение в формулировании младограмматиками методов исторического изучения процессов развития языка. С одной стороны, следует вскрывать и описывать фонетические законы, отражающие физиологическую сторону жизни языка, с другой стороны – устанавливать новообразования по аналогии, основывающейся на психических законах ассоциации.

Фонетические законы развития языка характеризуются регулярными звуковыми изменениями, которые совершаются механически и осуществляются со строгой последовательностью, не знающей исключений.

Пауль подчеркивал, что понятие звукового закона не следует отождествлять с законами природы, с законами физики или химии. Звуковой закон констатирует лишь регулярность определенной группы исторических явлений и не содержит в себе указаний на то, что непременно должно наступить всякий раз при данных общих условиях. В отличие от законов природы, звуковой закон возникает «в известном языке и в известное время», он имеет силу только для этого языка и времени (современная лингвистика добавляет сюда еще «известные условия и территорию»). По мнению младограмматиков, «каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, т. е. направление, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового сообщества, кроме случая диалектного дробления, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук

находится в одинаковых условиях, участвуют в этом процессе» (39, 194, ч. I). Младограмматики считали, что изменчивость звуковой стороны языка в целом основана на отклонениях от узуса в индивидуальной речи. Их распространение приводит к постепенному превращению индивидуального в общее и узואльное. Такое превращение происходит незаметно, постепенно, незначительно. Носители языковых изменений даже не догадываются об их существовании. Пауль, например, подчеркивает, что в самом начале отклонение может оказаться ничтожным, оно повлечет за собой минимальнейший сдвиг моторного чувства, и лишь в результате накопления ничтожно малых сдвигов возникает заметная разница в произношении. На протяжении одного поколения могут произойти лишь очень незначительные изменения. Звуковые изменения могут происходить не только под действием фонетических законов, но и по аналогии, однако к ней «следует прибегать только тогда, когда нас принуждают к этому звуковые законы». Исследуя фонетические изменения, младограмматики установили и описали ряд звуковых законов (например, закон открытого слога, первую и вторую палатализации, воздействие J на гласные и согласные в церковнославянском языке – в работе Лескина), создали чрезвычайно стройную и удобную систему для нахождения звуковых соответствий как между отдельными языками, так и в пределах одного языка.

Закон аналогии исходит из признания активного характера речевой деятельности говорящего. Он основывается на ассоциативной комбинаторной деятельности, напоминающей решение пропорциональных уравнений, когда, зная ряд привычных пропорций, человек свободно создает по образцу этих отношений искомый второй член пропорции. Например, в латинском языке можно составить уравнение $animus: animi$

$senatus: x$, где $x = senati$. Или, зная три элемента отношения дом: домов = стол: x , можно легко образовать форму столов. Возникновение форм именно под влиянием аналогии происходит наиболее последовательно в детской речи.

Следовательно, фонетическое состояние языка обуславливают 3 фактора: фонетические законы, аналогия и заимствования.

Младограмматики отвергли положение о двух периодах в жизни языка — период расцвета форм (прогресс языка) и период из падения (регресс языка). Они признали единый процесс развития языка, который совершается по одним и тем же законам, которые могут быть вскрыты не на материале древних языков, известных только по письменным памятникам, а на материале живых языков, жизнь которых может быть прослежена достоверно от их древнейших памятников письменности (реальное исходное их положение) до современного состояния.

При изучении живых языков, которое делалось главной задачей языкознания, обнаружилось, что каждый язык, если он занимает более обширную территорию, обязательно дробится на диалекты. Именно в диалектах, по мнению младограмматиков, только и можно наблюдать настоящую жизнь языка, проявление действия его законов, так как диалекты, не в пример письменным литературным языкам, не скованы никакими писаными грамматическими правилами. Отсюда — особое внимание к диалектам, что дало мощный толчок для развития диалектологии, которая именно у младограмматиков оформилась как самостоятельная отрасль языкознания.

Увлечение санскритом, характерное для старшего поколения компаративистов и приведшее к "санскритизации" сравнительной грамматики индоевропейских языков, признание его наиболее древним из всех известных индоевропейских языков, заставило полагать, что в праязыке, как и в санскрите, было только 3 гласных: a, i, u . Исследования младограмматиков показали, что система гласных в санскрите — поздняя, что более архаична она, например, в древнегреческом языке, что в праязыке было 5 гласных — a, o, e, i, u .

Младограмматики обратили внимание на то, что корень и ос нова — это грамматические абстракции, являющиеся продуктом научного анализа, а не живые явления языка: они никогда не выступали и не выступают в живой речи как

самостоятельные единицы. В действительности же в реальном языке индивиды имеют дело с целыми словами, а потому образование новых форм надо рассматривать как результат преимущественно слияния целых слов.

Слабые стороны младограмматизма в сравнительном языкознании:

- история языка превращалась фактически в историю звуков и форм, недостаточно изучались лексика и синтаксис;
- в изучении языка господствовал атомизм: язык раздроблялся на отдельные мельчайшие явления, история которых и про слезивалась;
- атомизм у младограмматиков связывался с анатомизмом: изучаемое явление вырывалось из ряда других и исследовалось изолированно (как анатом вырезает из организма тот или иной орган и изучает его, не учитывая его взаимодействия с другими органами). Атомизм и анатомизм не позволяли изучать язык как систему; в истории языков главное внимание уделялось движению языкового материала от праязыка в последовательном расщеплении последнего на языковые ветви вплоть до новых современных языков; изменение этого материала в каждой ветви и каждом языке мыслилось происходящим по тем или иным фонетическим законам, этим языкам присущим, однако мало внимания уделялось взаимодействию языков внутри семьи, географически близко расположенных, не говоря уже о воздействии на индоевропейские языки языков других семейств;
- в установлении родственной связи между языками внутри семьи не учитывалась возможность самостоятельного, параллельного возникновения сходных явлений: если в близкородственных языках таковые явления обнаруживались, то считалось, что они уже были присущи языку-предку и от него унаследованы;
- праязык мыслился монолитным (без раздробленности на диалекты) и одноплановым: не учитывалась история праязыка до его распада.

Всех младограмматиков объединяет критика шлейхеровского натурализма, в частности, понимания языка как биологического явления. Для младограмматиков язык — результат человеческой деятельности, т. е. явление социальное, но это декларируемое новое понимание языка не только не подтверждалось их практикой, но и входило с ней в противоречие. Основной упор младограмматики делали на говорящего человека, тем самым, с одной стороны, этот факт дает основание признать младограмматизм одним из направлений лингвистического психологизма, с другой стороны, язык оказывался расчлененным на отдельные речевые акты, имеющие место в речевой деятельности индивида. Г. Пауль писал: "Всякий акт языкового творчества всегда является делом индивида. Правда, одно и то же может быть создано несколькими индивидами, но это не меняет существа акта творчества или его продукта. Никогда не бывает, чтобы несколько индивидов создавали в области языка что-то совместно соединенными усилиями, распределив между собой обязанности. Совершенно иначе обстоит дело в экономической или политической области".

Раздел 3. Школы и направления в языкознании в XX веке

Тема 11. Младограмматизм в России. Московская лингвистическая школа. Казанская лингвистическая школа

Ф.Ф. Fortunatov как создатель "формальной" школы языкознания. Рассмотрение Fortunatovым языка как общественного явления, разграничение внешней и внутренней истории языка. Грамматическая теория Fortunatova, базирующаяся на формальных языковых признаках. Понимание формы в языке. Учение о формах отдельных слов как предмет морфологии, учение о формах словосочетаний как предмет синтаксиса. Вопросы сравнительно-исторического языкознания в работах Ф.Ф. Fortunatova. Лингвистические взгляды А.А. Шахматова и М.М. Покровского. Бодуэн де Куртенэ - основатель Казанской лингвистической школы и крупнейший языковед. Основные

принципы школы: строгое разграничение звукового и графического планов языка, статике и динамике в языке, наблюдение над живыми языками, учет данных диалектологии, признание равноправности всех языков как объектов исследования, стремление к научным обобщениям. Труды представителей Казанской школы: Н.В. Крушевского - в области общего языкознания, В.А. Богородицкого - в области экспериментальной фонетики, русской и сравнительной грамматики.

На рубеже XIX – XX вв. в стенах Московского университета формируется группа языковедов, близкая по своим методологическим установкам к Лейпцигской школе и получившая название Московской лингвистической школы. Принимая основные положения индивидуального психологизма младограмматиков в качестве ведущего методологического принципа, Московская школа в своих лингвистических исследованиях значительную роль отводила изучению языка как социального феномена, много внимания уделяла проблеме становления литературного языка, что роднит ее с социологическим направлением и Пражским лингвистическим кружком. Основателем и главой школы явился Филипп Федорович Фортунатов (1848 –1914) – один из выдающихся русских языковедов конца XIX – начала XX века. Учениками и последователями Фортунатова были Виктор Карлович Поржезинский (1870 –1929), один из видных компаративистов; Александр Иванович Томсон (1860 –1935), специалист по общему языкознанию; Александр Матвеевич Пешковский (1878 –1933), известный грамматист; Дмитрий Николаевич Ушаков (1873 –1942), выдающийся лексикограф; Алексей Александрович Шахматов (1864 –1920), исследователь истории русского языка; Борис Михайлович Ляпунов (1862 –1943), специалист в области праславянского языка; Михаил Михайлович Покровский (1869 –1942), основатель сравнительно-исторической семасиологии, и ряд других видных лингвистов, среди которых немало зарубежных языковедов.

Ф. Ф. Фортунатов родился в Вологде, в семье учителя. Уже в раннем возрасте проявил интерес к изучению языка. В 1868 г. он окончил Московский университет, его главным учителем был Ф. И. Буслаев. В 1871 г. был командирован на два года в Германию, Францию и Англию, где изучал древнеиндийские Веды, слушал лекции Лескина и Курциуса в Лейпциге, М.Бреалья в Париже. В 1875 г. Фортунатов защитил магистерскую диссертацию, представляющую собой перевод на русский язык и комментарий одной из частей Вед –Самаведы. В январе 1876 г. он начал читать лекции в Московском университете и читал их до 1902 г., до переезда в Петербург (после избрания его в 1898 г. действительным членом Академии наук), где руководил работой Отделения русского языка и словесности Академии наук и редактировал академические издания. В разные годы Фортунатов читал в Московском университете лекции по готскому, литовскому и старославянскому языкам, санскриту, общим вопросам языкознания, сравнительной фонетике и морфологии индоевропейских языков. Он мало печатался, и свои идеи развивал в лекционных курсах.

Наиболее известными работами Фортунатова являются: «Сравнительное языковедение» (1898, 1900), «Сравнительная фонетика индоевропейских языков» (1902), «Сравнительная морфология» (1901), «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» (1919). Лишь после его смерти, в 1956 –1957 гг., удалось осуществить издание избранных трудов Фортунатова в двух томах, подготовленное его учениками – М. М. Покровским, Б. М. Ляпуновым и М. Н. Петерсоном (1885 –1962).

Научное наследие Фортунатова характеризуется, с одной стороны, младограмматическим подходом к языку, а с другой – интересом к общелингвистической проблематике и социальной стороне языка. В своих трудах Фортунатов выступает прежде всего, как крупнейший компаративист, внесший значительный вклад в разработку сравнительной фонетики и грамматики индоевропейских языков. С его именем связано описание первой и второй палатализации в славянских языках, разработка исторической акцентологии, открытие одновременно с Ф. де Соссюром закона передвижения ударения в

балтийских и славянских языках (закон Фортунатова – Соссюра). Значительное место в его работах занимают вопросы общего языкознания, такие, как соотношение языка и мышления, типологическая классификация языков, грамматическая теория.

Сравнительно- историческую грамматику индоевропейских языков Фортунатов рассматривает как часть общего языкознания, предметом которого «является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории».

Историческое изучение всех доступных для исследования отдельных языков является вместе с тем необходимо сравнительным изучением языков, так как, сравнивая историю отдельного языка с историей других языков, лингвист, по мнению Фортунатова, открывает то прошлое в жизни изучаемого языка, когда он составлял еще одно целое с другими родственными с ним языками. История отдельного языка может привести исследователя к той отдаленной эпохе, когда предки многих современных народов составляли один общий народ и пользовались одним общим языком.

Рассматривая язык как социально-историческое явление, Фортунатов указывает, что развитие языка в целом нельзя представлять только как его дробление на самостоятельные языки и диалекты, как дифференциацию.

Разъединение наречий может сопровождаться их постепенным объединением, интеграцией, когда распавшиеся связи того или иного общественного союза начинают возрастать. Особенно важную роль в этом процессе он отводит литературному языку, или, по терминологии Фортунатова, «литературному наречию». Именно литературный язык отличается особенной стойкостью и стремлением к единообразию, которые поддерживаются контролирующей и унифицирующей деятельностью людей.

Таким образом, историзм Фортунатова несколько отличен от исторического принципа Лейпцигской школы младограмматиков, в основу которого положено представление о языке как саморазвивающейся системе.

Тесная связь языка и мышления в учении Фортунатова выразилась и в понимании им суждения и предложения как психологической категории. По Фортунатову, отдельная мысль, образуемая объединением или отделением двух представлений, является суждением, в котором одно представление является господствующим, а другое подчиненным; одно представление является психологическим подлежащим, а другое – психологическим сказуемым. В реальном процессе мышления человек не отделяет суждения от предложения, мыслит суждениями - предложениями, тесно связанными между собой.

Большой интерес для общего языкознания представляет грамматическая теория Фортунатова, важнейшим элементом которой является учение о грамматической форме. Это учение считается одной из важнейших заслуг Фортунатова в истории языкознания, оно получило название формального направления в языковедении. Проблема формы в языке разрабатывалась Фортунатовым на протяжении всего периода его научной деятельности, причем понимание формы в языке менялось, так как автор искал более точное ее определение. В своей основной сути истолкование грамматической формы оставалось неизменным, оно покоится прежде всего на рассмотрении особенностей формы слова. По Фортунатову, формы языка представляют собой грамматические факты языка и различия слов в формах являются поэтому грамматическими различиями слов.

Грамматическую форму слова Фортунатов понимает морфологически – как членимость слова на основу и окончание, присутствие в слове этой членимости дает слову его форму. Формальная принадлежность слова – это какой-либо определенный аффикс, основная принадлежность – это основа слова. «Формой отдельных слов, – пишет Фортунатов, – называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова... Формами полных слов

являются, следовательно, различия полных слов, образуемые их различиями в их формальных принадлежностях, т.е. в тех принадлежностях, которые видоизменяют значения других, основных принадлежностей тех же слов».

Фортунатов вводит также понятие отрицательной формальной принадлежности, имея под этим в виду нулевые аффиксы. Например, в русском языке слова дом, человек имеют грамматическую форму именительного падежа единственного числа, причем формальной их принадлежностью в данной форме является отсутствие флексии (нулевое окончание) по сравнению с положительной формальной принадлежностью в косвенных падежах. Фортунатов выделяет два типа форм отдельных слов в зависимости от функций форм: выступают ли они как знаки отдельных предметов или обозначают отношения между последними. В первом случае вычленяются формы словообразования, во втором – формы словоизменения.

Идеи Фортунатова о формах словоизменения и формах словообразования получили почти единодушное признание в русской лингвистике.

Фортунатовцы строго разграничивали формы словоизменения и словообразования. Они многое сделали в разработке основ современной морфологии, заменившей «этимологию» с его зыбкими границами между современным и историческим словообразованием, между собственно этимологией и морфологией. Был заимствован бодуэновский термин морфема. Критерий морфологического строения слова использовался в типологической классификации языков, которой был придан динамический подход. Чисто генетический подход к реконструкции древнейшего состояния языка был заменён подходом генетико-типологическим. Получил развитие теоретический синтаксис (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон). Выделилась в самостоятельную дисциплину **семасиология**, исследующая законы семантических сдвигов с учётом системных связей - синонимии, места в семантическом поле, морфологического оформления (М.М. Покровский). Было принято противопоставление - вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ и Н.С. Трубецким - фонетики и фонологии. Наметилось разграничение сравнительно-исторической грамматики славянских языков и грамматики общеславянского языка, исторической грамматики и истории литературного языка. В научных исследованиях и университетском преподавании утверждался приоритет синхронического подхода к языку. Был создан ряд университетских курсов по введению в языкознание, продолжающих традицию фортунатовского курса сравнительного языковедения (А.И. Томсон, В.К. Поржезинский, Д.Н. Ушаков, А.А. Реформатский, О.С. Широков). Методы исследования, выработанные в фортунатовской школе, в нашей стране переносились в **финно-угроведение, тюркологию, кавказоведение, германистику.**

КАЗАНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА, сложилась в конце 1870-х – начале 1880-х годов в Казанском университете. Два главных ее представителя – И.А.Бодуэн де Куртенэ и Н.В.Крушевский. Поскольку оба были поляками, принято считать Казанскую лингвистическую школу направлением польской науки. Однако существовала она в России, ее представители писали по-русски (работы И.А. Бодуэна де Куртенэ на польском и немецком языках относятся к более позднему времени), а в состав школы входили и русские ученые, ученики И.А. Бодуэна де Куртенэ, прежде всего В.А.Богородицкий (1857–1941).

Бодуэн де Куртенэ начал преподавать в Казанском университете с 1874. В 1878 к нему присоединился Крушевский, ранее окончивший Варшавский университет. Концепция Крушевского подробно изложена в его докторской диссертации *Очерк науки о языке* (1883). Бодуэн де Куртенэ не оставил развернутого изложения своих идей, высказывая их часто лишь попутно в своих разнообразных по тематике статьях; к тому же в казанский период деятельности он печатался мало, а время формирования идей, высказанных им позже (например, о фонеме), не всегда легко установить.

На Крушевского оказала заметное влияние книга Г. Пауля *Принципы истории языка*, главный теоретический труд младограмматизма. Крушевский воспринял от

младограмматиков понятие языкового закона, которое, однако, было им значительно переосмыслено. Для младограмматиков законы могли относиться лишь к истории языка, единственному объекту научной лингвистики; законы понимались ими как очень конкретные правила развития отдельных языков или групп языков, прежде всего регулярные фонетические изменения. Крушевский понимал закон как общее правило, универсальное для всех языков, и выделял не только исторические, но и «статические» законы. Таковы «статический закон звука» («Всякий звук в одинаковых условиях акустически и физиологически приблизительно одинаков у всех индивидов данного говора и времени») и «статический закон звукового сочетания» («со звуком x может сочетаться только звук z_1 , но не может вовсе сочетаться звук z_2 »). «Однообразие звука и звуковой системы, – писал Крушевский, – а также однообразие звуковых сочетаний суть единственные законы, которым подчиняется каждое без исключения слово данного языка». Динамические законы – это прежде всего законы изменений артикуляций, от них производны законы перехода звуков.

Язык Крушевский рассматривал как одновременно физиолого-акустическое и психическое явление. Развитие языка, согласно его концепции, определяется двумя психическими ассоциациями: по сходству и по смежности; первая ассоциация укладывает слова в системы (в частности, объединяет разные формы одного слова), вторая строит слова (грамматически и семантически связанные) в ряды. Ассоциации по смежности воспроизводят слова в готовом виде, способствуют стабильности в языке; ассоциации по сходству дают возможность создавать новые слова, производить их заново. Развитие языка ученый рассматривал как «вечный антагонизм» между этими двумя силами. Многими своими идеями (разграничение «статики» и «динамики», выявление «статических законов», понимание языка как системы) концепция Крушевского предвосхищала идеи Ф. де Соссюра, а в ряд пунктов была более разработанной: так, законы исторического развития языков Соссюр понимал вполне традиционно, в духе младограмматиков. Концепция Бодуэна де Куртенэ казанского периода имела много точек схождения с концепцией Крушевского, но они решительно разошлись в двух пунктах. Бодуэн де Куртенэ считал язык исключительно психическим явлением и не принимал «законы», вообще скептически относясь к понятию закона в лингвистике. О более поздних взглядах Бодуэна де Куртенэ.

Активный период развития Казанской лингвистической школы продолжался чуть более десятилетия. После отъезда Бодуэна де Куртенэ из Казани в 1883, тяжелой болезни (1885) и ранней смерти (1887) Крушевского традиции школы более полувека продолжал работавший в Казани до конца жизни В.А. Богородицкий. Однако продолжателей у Богородицкого не было. Бодуэн де Куртенэ позже основал Петербургскую лингвистическую школу, отчасти подхватившую традиции Казанской школы.

Казанская лингвистическая школа оказала влияние на русскую, польскую и чешскую науку о языке, однако ее роль в развитии мировой науки о языке оказалась меньше, чем она того заслуживала (хотя главная работа Н.В. Крушевского и была переведена на немецкий язык). Американская исследовательница Н.В. Крушевского Джоанна Уильямс-Радваньска назвала его концепцию «потерянной парадигмой».

Тема 12. Критика младограмматизма. Эстетическая философия языка (неофилология). Неолингвистика (ареальная лингвистика).

Школа «слов и вещей», лингвистическая деятельность Гуго Шухардта. Проблема связи языкознания с другими науками и проблема подразделения науки о языке. Выделение в языкознании ономазиологии как особой науки о названиях. Языковое смешение как важнейшая причина изменения языка. Теория географической непрерывности языкового пространства. Карл Фосслер. Язык как историко-культурное образование. Законы развития языка – проявление деятельности духа, который определяет языковое

своеобразие. Связь языковых и интеллектуально-духовных процессов. Подлинная реальность языка – индивидуальное духовное творчество. Языкознание как составная часть эстетики, как инструмент открытия внутреннего мира человека. Неолингвистика (ареальная лингвистика). Лингвистическая деятельность Бартоли, Бертони, Бонфанте, Пизани. Язык как продукт эстетического творчества индивидов. Исследование языка с точки зрения территориального распространения языковых явлений. Понятие «лингвистической непрерывности» и положение о процессах смешения языков (субстрат, суперстрат, адстрат). Становление лингвистической географии как науки, основным объектом которой являются границы распространения языковых явлений. Установление изоглосс как основной метод исследования у неолингвистов. Понятие области, пучка и системы изоглосс.

Критика младограмматизма

Вначале XX в., когда вслед за крупными открытиями, сделанными в области языкознания с помощью младограмматических методов исследования, наступил период относительного затишья, поднимается ожесточенная критика младограмматизма. К этому периоду, который иногда определяется как период кризиса в языкознании, относится создание новых лингвистических школ, находящихся в резкой оппозиции к младограмматизму. Сюда относится школа «слов и вещей», с которой был связан Гуго Шухардт, возглавляемая Карлом Фосслером школа эстетического идеализма и оформившаяся несколько позднее так называемая неолингвистика. Все эти школы имеют общие точки соприкосновения, особенно в критике младограмматических доктрин, но вместе с тем обладают и рядом своеобразных черт.

Оформление школы «слов и вещей» относится к 1909 г., когда начал выходить издаваемый Р. Мерингером журнал «Wörter und Sachen» («Слова и вещи»), откуда и название этой школы. Эта школа ставила своей целью изучение истории слов не только на основе лингвистического анализа, а и в связи с историей вещи («Слово существует лишь в зависимости от вещи»). По характеру своей концепции она замыкалась в кругу проблем этимологии, лексикологии и семасиологии. Но главный представитель этой школы, австрийский лингвист Гуго Шухардт (1842 - 1928), в своем научном творчестве фактически был шире выдвинутых ею теоретических положений.

Г. Шухардт, которого иногда называли одним из виднейших языковедов всех времен, интересовался широким кругом проблем, смело шел навстречу самым сложным вопросам, выдвигал новые проблемы и неутомимо работал над изучением разнообразных языков, хотя основной областью его исследований были романские языки. Его перу принадлежит огромное количество работ, публиковавшихся главным образом в периодических изданиях. Извлечения из его основных работ по вопросам общего языкознания были изданы сборником в 1922 г. (Hugo Schuchardt-Brevier. Второе, расширенное издание -- в 1928 г. В 1950 г. Издательство иностранной литературы выпустило его «Избранные статьи по языкознанию»).

Г. Шухардт был сильнее в критике, чем в творческом создании; относительно он часто превращал в абсолютное, делал вывод о бессилии науки о языке, если оказывалось невозможным немедленно получить исчерпывающее решение проблемы говорящего индивида; положение, условия жизни индивида, его характер, культура, возраст и т. д. оказывают, по его мнению, прямое влияние на язык, создают определенный индивидуальный «стиль», который затем путем имитации генерализуется.

Основную причину языкового изменения Г. Шухардт видел в бесперывных языковых скрещенных. Позднее акад. Н. Я. Марр широко использовал этот тезис в своих теориях.

Г. Шухардт, выступая против младограмматиков, отрицал закономерность в звуковых изменениях, возможность деления истории языка на четко разграниченные хронологические периоды, наличие границ между отдельными говорами, диалектами и языками. Это последнее утверждение одной стороной направлено против фонетических законов (нет. пространственных границ их действия), а другой -- против генеалогической

классификации языков по принципу их родства. Вместо генеалогической классификации языков он выдвигал теорию «географического выравнивания» -- непрерывность переходов одного языка в другой в соответствии с их географическим положением -- и учение об «элементарном» родстве языков, построенном на общности психической природы людей.

Одна из его статей называется «О фонетических законах (против младограмматиков). В самом начале ее говорится: «Единственный тезис, который может быть признан безусловным и бесспорным достоянием так называемой младограмматической школы, -- это тезис о непреложности фонетических законов. Мы встречаем его также в работах, предназначенных скорее для учащихся и широкой публики, чем для специалистов, и притом иногда без всякого упоминания о тех энергичных возражениях, которые против него выдвигаются» (Шухардт, 1960, 304). И далее: «Характер отмеченного тезиса младограмматиков, что признано и ими самими, исключает возможность применения индуктивной системы доказательства. Попытки же доказать его правильность с помощью дедуктивной аргументации я считаю неудачными, так как они базируются на явно искусственных положениях: в них не учитываются едва уловимые, но тем не менее существующие различия; переходные формы считаются взаимно исключаящими друг друга; то, что найдено эмпирически, объясняется априорным, сложное -- простым» (Шухардт, 1960, 304). То есть, здесь говорится о том, что сами младограмматики оставляют свой основной тезис бездоказательным и не реагируют на замечания, которые пытаются этот тезис опровергнуть.

Далее Шухардт говорит, что основное положение младограмматизма о соотношении психического и физиологического уровней в бытовании языка также не выдерживает никакой критики: «Там, где изменение того или иного звука, будь то индивидуальное отклонение, или естественный, или благоприобретенный дефект речи, объясняется физиологической причиной, -- там, разумеется, обращаться к аналогии незачем; напротив, если мы сталкиваемся с исключениями по аналогии, то необходимо отказаться от мысли о действии чисто физиологических причин. Психологическая природа одного из скрещивающихся факторов указывает на такую же природу второго. Нечто подобное имел в виду, по-видимому, уже Курциус, у которого мы находим следующее: «Сила, создающая аналогию, должна обладать чертами сходства с той силой, на которую она оказывает воздействие».

Таким образом, на наших глазах ликвидируется противоречие между физиологическими и психическими факторами, и поскольку мы правильно понимаем их внутренние взаимоотношения, постольку нами уясняются также и внешние» (Шухардт, 1960, 306).

Критикуя выдвигаемую младограмматиками неоспоримость фонетических законов, Шухардт подчеркивает их самоограничение. «Считают, что учение о фонетической непогрешимости вносит в научное исследование большую строгость. Однако сторонники этого взгляда исходят здесь из ошибочного положения: строгость научного исследования должна проявляться не в объекте, а в субъекте его, не в установлении более строгого закона, а в более строгом следовании тому закону, без которого невозможна никакая наука и который обязателен для всякой науки, т. е. закону причинности. Это строгое следование данному закону вырабатывается само собой в неуклонном прогрессе науки, и оно же приводит к постепенному изменению ее характера: наука перестает быть описательной и переходит к истолкованию фактов. В языкознании вначале, прежде чем взяться в широком объеме за исследование причин возникновения тех или иных явлений, также много занимались собиранием фактов. Однако считать это временное самоограничение отрицанием принципа, что различные следствия имеют различные причины, кажется мне грубым искажением истины» (Шухардт, 1960, 307). В конце статьи Шухардт отмечает, что языкознание - общая наука и не следует разрывать ее на части, ограничивать их искусственно, отгораживаться от ранее выдвинутых идей, как

младограмматики: «Всякое частное языкознание переходит в общее, должно быть составной частью его, и чем выше будет подниматься в научном отношении общее языкознание, тем решительнее оно будет отбрасывать все случайное и эмпирическое. При самом тщательном исследовании частных вопросов мы обязаны не терять из виду общее, так сказать, самое общее; мы должны погрузиться в науку, чтобы затем подняться над нею, служить ей, чтобы овладеть ею» (Шухардт, 1960, 311).

Гуго/Хьюг Шухардт (1842-1927) – ученик Шлейхера. Занимался вокализмом вульгарной латыни. Делал акцент на социальную природу языка (**язык – социальное явление**), т.е. люди подражают друг другу, говоря на языке. Следовательно, развитие языка в определенной степени носит случайный характер. Журнал «*Слова и вещи*» (1909) – в основе журнала – идеи Шухардта.

Шухардт подчеркивал **важность языковых контактов (теория волн Шмидта)**, говорил, что смешение языков может происходить и с неродственными языками (креольские языки). Интересовался взаимовлиянием германских, итальянского и славянского языков. Большое внимание – **проблема языковых контактов**.

Важнейшая причина развития языка – языковое смешение - **теория «лингвистической непрерывности»** (отказ от понятия родословного древа): в мире не существует несмешанных языков, смешение языков всегда ведет к их изменению. Между языками нет границ, один переходит в другой. Причины языкового смешения всегда социального порядка, т.к. язык не самостоятельный субъект, а только продукт деятельности субъекта. Критиковал младограмматиков за то, что они не уделяли внимание лексике, а занимались лишь морфологией и фонетикой. Считал, что тезис младограмматиков о сходстве фонетических законов с законами природы несостоятелен - из фонетических законов существуют исключения. Фонетические изменения не всегда развиваются в одном и том же направлении; нельзя сводить развитие языка к чисто механическим факторам; закономерности развития языка определяются не только его физиологической стороной, но и психической.

Школа слов и вещей формировалась в полемике с младограмматиками. Младограмматики игнорировали лексику. Шухардт же интересовался распространением слов в результате культурных и языковых контактов. История слова зависит от истории вещи, которое оно обозначает. Вещь – предмет и абстрактная идея (денотат). Слово попадает в народ вместе с предметом. Следовательно, надо изучать развитие ремесел, архитектуры, т.е. историю материальной культуры.

Шухардт считается основоположником ономаσιологического подхода к изучению лексики: определяется понятийная сфера и изучаются способы номинации в этой сфере, т.е. движение идет от вещи к слову (при семасиологическом наоборот): названия цветов в народе.

Шухардт выделяет **2 случая изменения в области лексики:**

- вещь неизменна, меняется название (очи – глаза (все архаизмы))
- название неизменно, меняется вещь (стрелять: раньше – выпускать стрелы, сейчас – не только стрелы).

Так называемая школа эстетического идеализма, сложившаяся в Германии к началу XX в., занимала по отношению к младограмматизму не менее отрицательную позицию, чем это было характерно для взглядов Шухардта, но исходила в своей критике из несколько иных позиций (хотя некоторые точки пересечения между ними и могли наблюдаться). В определенной степени это сказалось и на терминологической стороне: Шухардт категорически настаивал на невозможности согласия с младограмматиками «до тех пор, пока мы не откажемся от термина “филология”», и подчеркивал целесообразность «говорить о языкознании, литературоведении или истории культуры как об отдельных науках», поскольку «языки, как бы далеко они ни отстояли один от другого, в научном смысле связаны между собой гораздо теснее, чем язык и литература, даже тогда, когда они принадлежат одному и тому же народу»[54]. Представители же эстетического

идеализма часто использовали для самоназвания термин «неофилология» (или «идеалистическая неофилология»), отмечая, что последнее «является своего рода знаменем». Да и сам основоположник рассматриваемой школы, профессор романской филологии Мюнхенского университета Карл Фосслер (1872–1949), был не только лингвистом, но и литературоведом, что в определенной степени сказалось на его научном мировоззрении.

Отрицательно относясь к философской базе младограмматиков – позитивизму (его вышедшая в свет в 1904 г. программная работа озаглавлена «Позитивизм и идеализм в языкознании»), Фосслер находился под сильным влиянием Гегеля, Гумбольдта и особенно итальянского философа Бенедетто Кроче (1866–1952), автора книги «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика», опубликованной в 1900 г. В этой работе Кроче утверждал, что эстетика изучает выражение, а язык также состоит из неповторимых выражений, поскольку языковой акт является всегда творческим. Отсюда делался вывод о том, что лингвистика и эстетика, будучи взяты в их подлинном научном значении, представляют собой одну и ту же дисциплину и на определенной ступени должны слиться, основываясь не на логическом, а на интуитивном познании.

Основной упрек, который адресовал мюнхенский романист своим младограмматическим оппонентам, заключался в том, что последние считают своей основной целью знание и описание фактического материала, тогда как идеалисты озабочены прежде всего установлением причинной связи. Считая язык «выражением духа», Фосслер вслед за Гумбольдтом указывал, что «автономным является не язык с его звуками, а дух, который создает его, формирует, двигает и обуславливает в мельчайших частностях». Подчеркивая, что язык есть непрерывная деятельность, Фосслер отмечает, что язык следует рассматривать как постоянное творчество. При этом первична для него индивидуальность: «...языковое выражение возникает в результате индивидуальной деятельности, но оно утверждается, если приходится по вкусу другим, если они его принимают и повторяют его, либо бессознательно, т. е. пассивно, либо точно также творчески, т. е. модифицируя, исправляя, ослабляя или усиливая, короче говоря, принимая коллективное участие. В момент возникновения или абсолютного прогресса язык есть нечто индивидуальное и активное, в момент покоя или утверждения – нечто пассивное (как в единичном, так и в общем), и в момент относительного прогресса, т. е. рассматриваемый не как творчество, а как развитие, язык есть коллективная духовная деятельность».

Исходя из сформулированных выше принципов, Фосслер упрекает «позитивистов» в том, что, рассматривая язык как нечто данное и завершенное, они производят над ним «анатомическую операцию», разлагая на якобы «естественные» единицы – предложения, их члены, слова, слоги и т. п. Между тем подобное членение является не наиболее «естественным», а просто наиболее удобным, поскольку «слоги, основы, суффиксы, слова и члены предложения являются, так сказать, суставами, по которым живая речь сгибается и движется. Но если утверждают, что звуки конструируют слоги, а эти последние – слова, а слова – предложения и предложения – речь, то тем самым... допускают нонсенс, который равносителен утверждению, что члены тела конструируют человека... В действительности имеет место причинность обратного порядка: дух, живущий в речи, конструирует предложение, члены предложения, слова и звуки – все вместе».

Отсюда К. Фосслер делает вывод о том, что, подходя к языку как к духовному выражению, следует понимать историю языкового развития как историю духовных форм выражения, т. е. историю искусств в широком смысле слова. «Грамматика – это часть истории стилей или литературы, которая, в свою очередь, включается во всеобщую духовную историю, или историю культуры». Поэтому начинать изучение языка следует со стилистики и лишь затем переходить к синтаксису.

Последний (как, впрочем, и морфология, и фонетика) сам по себе еще не составляет науки, поскольку вообще «рассматривать язык с точки зрения установлений и правил –

значит рассматривать его ненаучно». Любое языковое выражение – это прежде всего индивидуальное духовное творчество. Да и сама возможность общаться при помощи языка, согласно Фосслеру, обусловлена не общностью языковых установлений, материала, строя и т. д., а имеет место благодаря общей языковой одаренности. «Языковой общности, диалектов и т. п. в действительности вообще не существует. Эти понятия тоже возникли в результате более или менее произвольной классификации и являются дальнейшими ошибками позитивизма. Поставьте в условия контакта двух или нескольких индивидуумов, которые раньше принадлежали к самым различным “языковым общностям” и между которыми нет никаких общих языковых установлений, и они вскоре, в силу свойственной им языковой одаренности, станут понимать друг друга». Поэтому, по мнению Фосслера, язык может быть не изучен, а – используя гумбольдтовское выражение – только «разбужен». Что же касается момента «воспроизведения», то его можно приравнять к речи попугаев, у которых отсутствует творческое начало; поэтому его можно отнести к дефициту языковой одаренности, а отнюдь не превращать в самостоятельный принцип, на котором должна строиться наука.

Отрицательно относился Фосслер и к учению младограмматиков о причинах языковых изменений, отмечая, что «между фонетическим законом и аналогией идеалист не может признать качественного различия». Причиной любого языкового изменения является акцент – духовное явление, которое отнюдь не сводится к языковой стороне: «Акцент – это связующее звено между стилистикой или эстетикой и фонетикой; исходя из него, следует объяснять все фонетические изменения». Последние всегда в момент своего возникновения являются индивидуальными и отнюдь не действуют «со слепой необходимостью». Напротив, как подчеркивает Фосслер, «нет надобности в том, чтобы фонетическому изменению подчинялись люди или звуки. Ни с какой стороны изменение не является ни обязательным, ни закономерным; оно должно еще им стать».

Неолингвистика, или ареальная лингвистика

Неолингвистика, известная также как ареальная, или пространственная, лингвистика, формируется в качестве направления в языкознании в течение первых двух десятилетий XX в. К этому направлению принадлежат в первую очередь итальянские ученые М. Бартоли и Дж. Бертони. К ним примыкают Дж. Бонфанте, В. Пизани и др.

Наиболее активными пропагандистами идей неолингвистики являются Маттео Бартоли (1873—1946) и Джулио Бертони (1878 — 1942).

Исходные положения неолингвистики и термины «неолингвист» и «неолингвистика» были сформулированы М. Бартоли еще в 1910 г. [см. 67, 889; 68, 5].

Фундаментальное изложение принципов и метода неолингвистики дается в опубликованном в 1925 г. «Кратком очерке неолингвистики» [69], первая часть которого («Общие принципы») написана Дж. Бертони, а вторая («Технические критерии») — М. Бартоли. Суммарное изложение общетеоретических положений неолингвистики содержится также в двух других работах: «Введение в неолингвистику» М. Бартоли [68] и «Позиция неолингвистики» Джулиано Бонфанте [80].

Неолингвистика впитала в себя и переработала многие идеи В. Гумбольдта и Б. Кроче. В целом ряде отношений она очень близка к Эстетической школе и Школе «слов и вещей». Подобно К. Фосслеру, представители неолингвистики говорят о языке как о духовной деятельности и художественном творчестве; подобно Г. Шухардту, они подчеркивают решающую роль процессов языкового смешения.

Кроме того, положения и выводы неолингвистики согласуются в известной своей части с положениями и выводами так называемой лингвистической географии. Не случайно Бартоли во «Введении в неолингвистику» отмечает, что неолингвистическое направление основывается на идеях, содержащихся в «Лингвистическом атласе» Ж. Жильерона и в

работах ряда итальянских и за рубежных философов и лингвистов, особенно в работах Гумбольдта, Кроче, Шухардта, Асколи и др. [см. 68, 5].

Представители неолингвистического направления стремятся противопоставить себя младограмматикам даже в своем названии, указывая, что если последние были не столько лингвистами, сколько грамматистами, то они хотят быть собственно лингвистами, т.е. изучать Бесъ сложный комплекс фактов языка [см. 68, 5]. Отсюда и термины «неолингвист», «неолингвистика».

Неолингвисты, подобно Фосслеру, выступают против позитивистов-младограмматиков, которые, по их словам, ограничиваются исключительно сбором материала и составлением справочных пособий. Особенно показательны в этом отношении статьи Дж. Бонфанте, в которых он резко выступает против узости и догматизма младограмматиков.

Неолингвисты, заявляет Бонфанте, утверждают:

...Накопление материала, как бы тщательно и обширно оно ни было, никогда не сможет разрешить проблемы без живой искры идеи, которая выходит за пределы рассматриваемого процесса, с тем, чтобы погрузиться в пульсирующую реальность говорящего [цит. по: 21, 307].

В статье «Позиция неолингвистики» Бонфанте формулирует общую задачу, которую ставит перед собой неолингвистика:

484

Наше столетие настоятельно требует, чтобы была сделана попытка не только описать, но и понять как язык, так и жизнь [цит. по: 21, 307]. Для неолингвистов язык есть язык, т.е. совокупность эстетических выражений. Он обнаруживается во всей своей полноте в каждой строчке поэмы, в каждой речи, в каждой пословице [цит. по: 21,318—319].

Неолингвисты воспринимают язык прежде всего как продукт эстетического творчества индивидов [см. 75].

Человек, считают неолингвисты, создает язык духовно, по средством воли, воображения, мыслей и чувств. Язык отражает своего создателя. Исходя из этого, для каждого языкового изменения они ищут причины духовного порядка. Возникновение и распространение языковых новообразований основано у них на эстетическом отборе, как и в искусстве. Поэтому, по их мнению, одна лишь физиология языка (т.е. то, чем в первую очередь занимались младограмматики) не может послужить основой для вскрытия причин возникновения того или иного языкового явления.

Неолингвисты обвиняют младограмматиков в том, что последние, говоря словами Бонфанте, «рассматривают язык и лингвистическое изменение как коллективное явление, управляемое коллективными законами» [цит. по: 21, 299]. В действительности, по мнению неолингвистов, каждое языковое изменение создается говорящим индивидом и, следовательно, индивидуально по происхождению. Индивидуальность, единичность каждого изменения, согласно взглядам неолингвистов, доказывается тем, что понятие некоего языка — это абстракция. Точнее, это такая же фикция, как и понятие так называемого среднего человека. Речь же каждого конкретного человека, как они считают, никогда не в состоянии отражать полностью абстрактные нормы. Следовательно, не существует некоего человека, «говорящего по-английски» или «говорящего по-итальянски».

Неолингвисты решительно выступают против методики исследования и всех основных общетеоретических положений младограмматизма. Особой критике подвергаются положения о роли, которую играют механические звуковые законы в фонетике и психические процессы в морфологии.

Для неолингвистики неприемлем принцип физиологического объяснения происхождения фонетических изменений: для них всякое языковое явление — это свойственный только человеку Духовный, а не физиологический процесс.

Признавая язык в целом «духовным творчеством», неолингвисты усматривают порочность исследовательской практики младограмматиков и в том, что последние

разрушают единство языка, Проводя деление на фонетику, морфологию, лексику и синтаксис. Здесь неолингвисты следуют за Б. Кроче, который приравнивал языковой акт к творческому акту. Вслед за ним они выдвигают на первый план язык как выражение и, следовательно, делают упор на конкретном процессе говорения. Бонфанте пишет: Люди говорят словами, или, точнее, предложениями, а не фонема ми, морфемами или синтагмами, которые являются нашими абстракциями и не имеют самостоятельного существования [цит. по: 21, 304].

Следует, однако, отметить, что идеи Кроче и Фосслера играют лишь второстепенную роль в разработке неолингвистической концепции языка.

По мнению неолингвистов, эволюция любого языка определяется действием экстралингвистических факторов.

В соответствии с этим теоретическим положением неолингвистика рассматривает язык прежде всего с точки зрения территориального распространения языковых явлений. Теоретическая разработка этого вопроса принадлежит М. Бартоли, который первоначально назвал свою теорию термином «неолингвистика», а позднее — «пространственная лингвистика» (*linguistica spaziale*).

Название «ареальная лингвистика» связано с термином «ареал», введенным в научный оборот французским лингвистом Ж. Жильероном. По Жильерону, термин «ареал» (франц. *aïre*) означает распространение данного языкового явления в данную эпоху на данной территории в пределах либо одного языка или диалекта либо группы родственных языков или диалектов.

В концепции неолингвистов весьма значительное место занимают учение об ареалах, а также сама методика исследования и данные лингвистической географии. Лингвистическая география — это наука, основным объектом исследования которой являются границы распространения языковых явлений. Рост влияния лингвистической географии стал возможен лишь в результате больших успехов, которые были достигнуты ею прежде всего благодаря подготовке больших атласов европейских языков. Например, в последней четверти XIX в. Г. Венкером были собраны и частично опубликованы материалы лингвистического атласа Германии [см. 209; 210]. Работа над атласом началась в 1876 г., но вплоть до 1926 г. он существовал только в рукописи. Сокращенное его издание в виде «Немецкого лингвистического атласа» [211] Г. Венкера — Ф. Вреде вышло в 1926—1932 гг. в шести томах.

Впервые десятилетия XX в. один за другим появились «Лингвистический атлас Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона и «Атлас диалектов Италии и Южной Швейцарии» К. Яберга и И. Юда. «Лингвистический атлас Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона был издан в двенадцати томах в 1902—1910 гг. «Атлас диалектов Италии и Южной Швейцарии» К. Яберга и И. Юда был издан в восьми томах в 1928—1940 гг.

Французские и, шире, романские исследования в области лингвистической географии проводились на основе традиций «Лингвистического атласа Франции». Лингвистическая география явилась для французских ученых в первую очередь географией слов. Именно так и составлен «Атлас» Жильерона и Эдмона.

Основным методом исследования неолингвистов является установление изоглосс, т.е. линий, нанесенных на лингвистическую карту и показывающих границы и этапы распространения фонетических, грамматических и лексических новообразований. Области изоглосс называют районы с одинаковой трактовкой какого-либо явления, а линиями изоглосс — границы каждой трактовки. Пучок изоглосс приблизительно представляет границы между смежными диалектами, причем четких границ между диалектами или языками вообще не существует и, следовательно, перед исследователем налицо «лингвистическая непрерывность», из центра тральной области которой путем незаметных переходов распространяются передаваемые от индивида к индивиду отдельные инновации. Эта непрерывность представляет собой бесчисленное количество изоглосс. Каждый языковой факт образует свою изоглоссу, площадь распространения

которой обычно не совпадает с площадью распространения других изоглосс и может даже не совпадать с границами диалекта и иногда — языка. В результате образуется целая сеть изоглосс. Исходя из этого, неолингвисты определяют язык как систему изоглосс. В качестве иллюстрации приведем, на пример, следующее положение В. Пизани:

Называя изоглоссами элементы, которыми обладают члены данной лингвистической общности в данный момент времени, мы можем определить язык как систему изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты.

Для неолингвистов лингвистическая география — это не просто картографическое исследование диалектов, но прежде всего исследование распространения языковых явлений на весьма обширных территориях и фиксирование исходных точек инноваций (новообразований), что позволяет проводить методологически важное разграничение генезиса (т.е. возникновения) явления и его иррадиации (т.е. распространения) на соседние диалекты. Это распространение происходит путем субституций (подстановок, замен) — в случае звуковой инновации или путем заимствований — в случае лексической и морфологической инновации. Так как распространение явлений протекает во времени, по распространению нововведений в языковой области можно судить об их относительной древности.

Своими исследованиями лингвистическая география оказала влияние на дальнейшее развитие сравнительно-исторического языкознания.

Заслуга в распространении принципов лингвистической географии на сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков принадлежит в основном итальянским лингвистам, особенно М. Бартоли и В. Пизани.

В качестве главного они выдвигают положение о постепенной иррадиации отдельных языковых новообразований на смежные территории.

Как указывает Бартоли, инновации имеют место в центре лингвистической области, а затем распространяются на периферические ареалы. Всякое новообразование, по утверждению Бартоли, возникает в языке как результат контаминации каких-либо двух языковых фактов. Следовательно, для характеристики инноваций обязательно требуется определить, что существовало до них. А для этого необходимо установить, какой из двух сравниваемых фактов более ранний. Для сравнения, по его мнению, можно выработать систему строгих норм. Так, при отсутствии письменных свидетельств о времени появления того или иного явления более древней из двух языковых фаз (состояний) следует считать ту, которая сохранилась: 1) в изолированных ареалах; 2) в латеральных (окраинных) ареалах; 3) в ареалах преобладания, т.е. на более обширной территории; 4) в более молодых ареалах, т.е. в областях более позднего распространения данного языка.

Под термином «изолированный ареал» Бартоли подразумевает острова по отношению к материкам, горы по отношению к равнине. Термин «латеральный ареал» он относит, например, к Иберийскому полуострову и Дакии по их отношению соответственно к Галлии и Италии. Термин «более молодой ареал» распространяется им, например, на Иберийский полуостров и Галлию как на области, которые (по сравнению с Италией) включены в состав Римской империи на более позднем этапе ее существования.

Тема 13. Лингвистическая теория Ф. де Соссюра. Основные направления структурализма. "Курс общей лингвистики" и его значение для современного языкознания. Основные положения теории Соссюра. Язык как замкнутая в себе система знаков. Три аспекта языка: речевая деятельность, язык и речь. Учение о синхронии и диахронии. Знаковый характер языка. Внешняя и внутренняя лингвистика. Учение Соссюра как теоретическая база структурализма. Пражская лингвистическая школа. Глоссематика (копенгагенский структурализм). Дескриптивная лингвистика.

С 70-х годов XIX века развитие языкознания вступает в новый этап. Период глобальных философских систем и стремлений к широким обобщениям окончательно уходит в прошлое. Преобладающей доктриной в науке становится позитивизм.

В позитивизме не оставалось места ненаблюдаемым явлениям и не подтвержденным фактами концепциям. Широкие обобщения, свойственные Гумбольдту и его современникам, уже не находили отзвука у следующего поколения ученых.

Ведущим лингвистическим направлением тех лет становится школа немецких ученых, получившая название младограмматиков.

Их первоначальным центром был Лейпцигский университет. Оттуда ученые младограмматики разъехались по разным немецким университетам, создавая там собственные школы. Постепенно их идеи стали преобладающими не только в германской, но и в мировой науке о языке.

Впервые теоретические взгляды младограмматиков были четко сформулированы в книге Г. Остхофа и К. Бругмана «Морфологические исследования в области индоевропейских языков», вышедшей в Лейпциге в 1878 году.

Сравнительное языкознание получало общие представления о жизни языков, их развитии и преобразовании главным образом с помощью индоевропейских праформ. Но разве достоверность, научная вероятность тех индоевропейских праформ, являющихся, конечно, чисто гипотетическими образованиями, зависит прежде всего не от того, согласуются ли они вообще с правильным представлением о дальнейшем развитии форм языка и были ли соблюдены при их реконструкции верные методические принципы?.. Мы должны намечать общую картину характера развития языковых форм не на материале гипотетических праязыковых образований и не на материале древнейших дошедших до нас индийских, иранских, греческих и т. д. форм, предыстория которых всегда выясняется только с помощью гипотез и реконструкций. Согласно принципу, по которому следует исходить из известного и от него уже переходить к неизвестному, эту задачу надо разрешать на материале таких фактов развития языков, история которых может быть прослежена с помощью памятников на большом отрезке времени и исходный пункт которых нам непосредственно известен».

К началу двадцатого столетия росло недовольство младограмматизмом. Впрочем, надо говорить о недовольстве всей сравнительно-исторической парадигмой. Младограмматикам удалось в основном решить главную задачу языкознания XIX века — построение сравнительной фонетики и сравнительной грамматики индоевропейских языков. Вместе с тем становилось понятно, что задачи лингвистики не исчерпываются реконструкцией праязыков и построением сравнительных фонетик и грамматик.

В XIX веке был накоплен значительный фактический материал. Но для описания большинства языков не существовало разработанного научного метода.

В конце XIX века к таким неутешительным выводам приходят У.Д. Уитни и Ф. Боас в США, Г. Суит в Англии, Н.В. Крушевский и И.А. Бодуэн де Куртенэ в России. Однако решающий вклад внесла книга Соссюра «Курс общей лингвистики», давшая начало новому этапу в развитии мировой науки о языке.

Фердинанд де Соссюр (1857—1913) родился и вырос в Женеве, в семье, давшей миру нескольких видных ученых. В 1876—1878 годах Фердинанд учится в Лейпцигском университете. Затем, в 1878—1880 годах, он стажуется в Берлине.

В 1880 году, защитив диссертацию, Соссюр переезжает в Париж. Здесь он работает вместе со своим учеником А. Мейе. В 1891 году ученый возвращается в Женеву, где до конца жизни был профессором университета. Почти вся деятельность Соссюра в университете была связана с чтением санскрита и курсов по индоевропеистике. Только в конце жизни, в 1907—1911 годах, ученый прочел три курса по общему языкознанию.

В 1913 году Соссюр умер после тяжелой болезни, забытый современниками.

Единственной книгой Соссюра, изданной при жизни, был «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках». Она была закончена, когда автору исполнился лишь 21 год.

Ученый выдвинул гипотезу о существовании в праиндоевропейском языке так называемых ларингалов — особого типа сонантов, не сохранившихся в известных по текстам языках, введшихся исключительно из соображений системности.

Уже в этой ранней работе появляется идея системности языка, впоследствии ставшая для ученого основополагающей. Посмертная судьба Соссюра оказалась более счастливой. На основе сделанных студентами записей его лекций Ш. Балли и А. Сеше подготовили «Курс общей лингвистики», изданный впервые в 1916 году. Книга не была лишь воспроизведением студенческих конспектов. Балли и Сеше не только перекомпоновали материал, но и дописали значительные фрагменты. Их вклад в знаменитую книгу был весьма значительным.

«Курс общей лингвистики» очень скоро обрел популярность. В наши дни некоторые историки науки даже сравнивают значение этой книги со значением теории Коперника.

«Ф. де Соссюр, крайне неудовлетворенный состоянием современной ему лингвистической теории, строил свой курс на принципиально новых основах, — пишет В.М. Алпатов. — Курс открывается определением объекта науки о языке. В связи с этим вводятся три важнейших для концепции книги понятия: речевая деятельность, язык и речь.

Понятие речевой деятельности исходно, и ему не дается четкого определения. К ней относятся любые явления, традиционно рассматриваемые лингвистикой: акустические, понятийные, индивидуальные, социальные и т. д. Эти явления многообразны и неоднородны. Цель лингвиста — выделить из них главные...

Языку противопоставляется речь. По сути это все, что имеется в речевой деятельности, минус язык. Противопоставленность речи языку проводится по ряду параметров. Прежде всего язык социален, это общее достояние всех говорящих на нем, тогда как речь индивидуальна. Далее, речь связана с физическими параметрами, вся акустическая сторона речевой деятельности относится к речи; язык же независим от способов физической реализации: устная, письменная и пр. речь отражает один и тот же язык. Психическая часть речевого акта также включается Ф. де Соссюром в речь; здесь, впрочем, как мы увидим дальше, такую точку зрения ему не удастся последовательно провести. Язык включает в себя только существенное, а все случайное и побочное относится к речи. И, наконец, подчеркивается: «Язык не деятельность говорящего.

Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим». Нетрудно видеть, что такая точка зрения прямо противоположна концепции В. фон Гумбольдта. Согласно Ф. де Соссюру, язык — именно *ergon*, а никак не *energeia*.

Соссюр считает, что язык — «социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду» и что «язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению». Так формируется подход к языку как явлению, внешнему по отношению к исследователю и изучаемому с позиции извне.

Вот из чего согласно "Соссюру складывается язык: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а, следовательно, его можно сравнить с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем».

Отсюда лингвистика языка рассматривается Соссюром как главная часть еще не созданной науки, изучающей знаки вообще. Такой науке ученый дал название семиология. Если другие науки связаны с лингвистикой лишь косвенно, через речь, то семиология должна описывать основные свойства знаков, в том числе и языковых.

Несколько раньше подобные мысли высказывал американский ученый Ч.С. Пирс (1839—1914). Но Соссюр ничего об этом не знал. Пирс предложил для новой науки другое название — «семиотика». Оно в итоге и прижилось в наукознании.

По Соссюру, знак двусторонняя единица: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является... психическим отпечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств».

Среди свойств знака он выделяет два основных: произвольность и линейность. Никакой естественной связи не имеют означаемое с означаемым. Звукоподражания и подобная им лексика, считает Соссюр, если и имеет иногда какую-то связь такого рода, «занимают в языке второстепенное место».

Другой важный вопрос — о противоречии между неизменностью и изменчивостью знака. Ведь знак навязывается по отношению к пользующемуся им коллективу. Соссюр считает, что «языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, какой он есть». Отсюда следует вывод о невозможности какой-либо сознательной языковой политики. Соссюр прямо пишет про «невозможность революции в языке».

Как пишет В.М. Алпатов, «выход между неизменностью и изменчивостью Ф. де Соссюр находит во введении диалектического принципа антиномии. Языковой знак может использоваться, только оставаясь неизменным, и в то же время он не может не меняться. При изменении знака происходит сдвиг отношения между означаемым и означающим...

Ф. де Соссюр выделил две оси: ось одновременности, где располагаются сосуществующие во времени явления и где исключено вмешательство времени, и ось последовательности, где каждое отдельное явление располагается в историческом развитии со всеми изменениями. Важность выделения осей он считал основополагающей для всех наук, пользующихся понятием значимости. По его мнению, в связи с двумя осями необходимо различать две лингвистики, которые никак не должны совмещаться друг с другом. Эти две лингвистики названы синхронической (связана с осью одновременности) и диахронической (связана с осью последовательности), а состояние языка и фаза эволюции — соответственно синхронией и диахронией...

Главным результатом появления «Курса общей лингвистики» стало выделение круга первоочередных задач науки о языке. Разграничения языка и речи, синхронии и диахронии дали возможность выделить сравнительно узкую дисциплину с определенными границами — внутреннюю синхронную лингвистику. Ее проблематика ограничивалась одним из трех кардинальных вопросов языкознания, а именно вопросом «Как устроен язык?». Проблемами «Как развивается язык?» и «Как функционирует язык?», конечно, занимались тоже, но они отошли на второй план. Ограничение тематики давало возможность в этих узких рамках поднять теорию и методологию лингвистики на более высокий уровень».

В произошедшем резком изменении характера науки о языке, понятно, сыграл роль не только Фердинанд де Соссюр. Однако именно у него в «Курсе общей лингвистики» новые подходы сформулированы наиболее четко. Именно поэтому влияние труда Соссюра на лингвистику оказалось наиболее значительным.

Дихотомия – это выделение двух различных сторон в едином целом.

Дихотомия. Соссюр выделил 3 дихотомии:

1. внешняя и внутренняя лингвистика.
2. язык и речь
3. синхрония и диахрония.

Язык как единое целое, и язык с двумя противоположными частями – язык и противоположная ему речь. Язык – это достояние всего языкового коллектива, это явление социальное. А социальным язык является в том смысле, что все формы языка принадлежат всему коллективу. Без языка мы бы просто не понимали друг друга.

Язык – это код. Речь человека понятна тогда, когда мы знаем этот код (единицы этого кода).

Речь – это сообщение на этом коде.

Язык абстрактен, он не воспринимается органами чувств. Речь всегда конкретна и материальна. Язык – это явление общенародное, а речь имеет индивидуального автора.

Язык социален, речь социальна и не социальна одновременно.

Язык предстаёт в нескольких формах или сферах. Такие сферы называются *стратами*.

Стратификация языка

В языке выделяют следующие страты:

Горизонтальный или территориальный страт. Территориальный страт - ни один язык не появляется как готовый продукт. Существующие сейчас языки возникали на основе диалектов, но с момента образования этих литературных языков всё равно остаётся ряд диалектов. Территориальная дифференциация предполагает наличие помимо основного языка, ряда диалектов. Второй аспект заключается в том, что у языка могут быть национальные варианты языка (они возникли в результате завоеваний). Эти варианты имеют существенное отличие, потому что язык, получивший распространение в колонии, будет иметь отличие от языка метрополии.

Вертикальный или социальный страт – в языке всегда в той или иной мере будет отражаться социальное устройство общества. На социальную дифференциацию языка влияет среда, в которой живёт человек, и другие факторы.

Основные виды социальной дифференциации языка:

5. Просторечие
6. Групповые или корпоративные жаргоны.
7. Жаргоны деклассированных и воровские аргы

Возрастной страт

Стилистический страт

Профессиональный страт

Деление по признаку биологического пола

Язык имеет множество форм или вариантов своего существования. Связь различных форм языка носит двоякий характер: все они связаны в лингвистическом плане (все они схожи в грамматике, но наиболее различны в лексике). Все они характерны заимствованиями.

Профессиональный страт характерен:

1. Наличием терминов
2. Наличием профессионализмов

Термины – это определённый набор слов, специфический для данной области. Бывают термины *общенаучные* и *специальные*. Какие должны быть термины?

3. Они должны быть моносемантичны
4. Они должны быть интернациональными

Термины могут появляться за счёт торговых марок. Эта функция Академии наук определяют, что станет термином, а что нет. Термины принадлежат к литературному языку, и они зафиксированы в справочниках (это и отличает их от профессионализмов).

Профессионализмы не являются частью литературного языка, но это тоже часть проф. лексики. Часто профессионализмами становятся общеупотребительные слова. Подязык включает в себя факты принадлежности к общеупотребительному языку, но, в некоторых моментах отличается от него: затронута грамматическая и фонетическая подсистема. Различные профессии отдают предпочтения разным грамматическим временам (для истории – прошедшее, для естественных наук – настоящее)

Возрастной страт:

Он выражается в существовании молодёжных жаргонов (студенческих, школьных и т.д.). Прежде всего, он затрагивает сферу лексики, обладает часто меняющимися жаргонизмами.

Цыганская письменность – тайная. Её знают только мужчины. Она существует в трёх видах: юношеская, мужская и старческая

Стилистический страт языка:

Он затрагивает сферу художественной литературы. Наличие стилей – низкого, среднего и высокого. Наличие разных функциональных стилей. Основу всех стилей составляют средства общенационального языка.

С одной стороны, стилистическая дифференциация затрагивает письменность, но и устная речь.

Половой страт:

Заключается в существовании мужских и женских языков. Из покон веков существовали разные формы женского и мужского языка. Даже в современном мире это имеет место быть. Это касается даже фонетики. Раньше женщинам было недопустимо произносить какие-то звуки. Также это касается сферы грамматики. До сих пор в Японском языке существуют две системы местоимений: женская и мужская.

Формируется целая научная дисциплина – гендерология, которая изучает социальные различия в речи мужчины и женщины. Ответвлением этой науке является гендерная лингвистика – она изучает различия в языке у мужчин и женщин.

Язык един, а речь дифференцируется по разным принципам.

Дихотомия синхрония и диахрония

Синхрония – это статика языка. Горизонтальный вектор – это вектор синхронии, а вертикальный – диахронии. Синхрония (ось АБ) – это весь язык в целом (полное представление о языке). В целом мы рассматриваем этот язык в какой-то момент времени.

Диахрония – это развитие языка во времени. Этот фактор присутствует на оси диахронии, и отсутствует на оси синхронии.

Законы синхронии и диахронии различны. Синхронические законы – это законы описывающие, а диахронические – это законы предписывающие, какие изменения должны в какой момент происходить.

Полное синхронии и диахронии нет. В каждый момент в языке происходят какие-то изменения. Этот факт был отмечен французским лингвистом Мартине, который предложил идею динамической синхронии. Он сказал, что в языке есть постоянные константы (константные ядра) и периферия (подвижная часть языка. На периферии оказываются только-только появляющиеся вещи в языке).

Пражская лингвистическая школа

Одно из основных направлений структурной лингвистики. Центром деятельности П. л. ш. был Пражский лингвистический кружок (создан в 1926, организационно распался в начале 50-х гг.). Творческий расцвет относится к 30-м гг. Кроме чехословацких филологов, таких, как В. Матезиус (организатор и глава кружка), Б. Трнка, Б. Гавранек, Й. Вахек, Я. Мукаржовский, позднее В. Скаличка, Й. М. Коржинек, П. Трост и другие, в кружок входили питомцы Московского университета Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, а также С. О. Карцевский, близкий женевской школе. Творчески связанными с П. л. ш. были советские учёные П. Г. Богатырёв, Г. О. Винокур, Е. Д. Поливанов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов. Пражцы издавали собственные «Труды» («Travaux du Cercle linguistique de Prague», 1929—39) и журнал «Slovo a slovesnost», перешедший в 1953 (в связи с организационным распадом кружка) в ведение Чехословацкой АН. Идейным предшественником П. л. ш. является Ф. де Соссюр, с именем которого связано представление о языке как частном случае семиотических систем. Однако многие положения П. л. ш. связаны и с собственно чешской лингвистической традицией и высказывались представителями П. л. ш. задолго до её организационного оформления и до опубликования «Курса общей лингвистики» де Соссюра. Концепция П. л. ш. испытала также влияние русской лингвистической традиции, в частности идей Ф. Ф. Фортунатова (Московская фортунатовская школа), Л. В. Щербы (Петербургская (ленинградская) школа) и особенно И. А. Бодуэна де Куртенэ (Казанская лингвистическая школа).

Первое систематическое изложение программы П. л. ш. — в тезисах, предложенных 1-му съезду славистов (Прага, 1929). Их основная идея — представление о языке как о

функциональной системе, т. е. как о «системе средств выражения, служащей какой-то определённой цели». Развивая идею системной организации языка, П. л. ш. отвергла взгляд Соссюра о непреодолимости преград между синхронией и диахронией, настаивая на системном подходе к эволюции языка, с одной стороны, и на динамической концепции языка, рассматриваемого в синхронном аспекте, — с другой.

С наибольшей полнотой и последовательностью структурно-функциональная концепция П. л. ш. воплощена в исследованиях звуковой стороны языка; пражцы обосновали новый раздел науки о языке — фонологию, сыгравшую первостепенную роль в развитии структурной лингвистики. Центральное место в фонологической концепции П. л. ш. (систематизированной в труде Трубецкого «Основы фонологии», 1939) занимает понятие оппозиции, предполагающее разложимость членов оппозиции на частью общие («основание для сравнения»), частью различные элементы. С данной концепцией оппозиции связано понимание фонемы как определённой совокупности «дифференциальных признаков», т. е. тех свойств фонетической субстанции, которые отличают противопоставленные фонемы друг от друга. Принципиальное обращение к фонетическим признакам (явившееся, между прочим, выражением непризнания пражцами ведущей роли дистрибуции при определении языковых единиц) — отличительная черта пражской фонологической концепции, противопоставляющая её «чистому дистрибуционализму» дескриптивистов и особенно глоссематиков, считавших, что «субстанциональные» свойства не могут быть непосредственным предметом исследования структурной лингвистики.

Понятия и методы, разработанные на фонологическом материале, были применены в работах представителей П. л. ш. к другим областям лингвистического исследования. В работах Якобсона о грамматических оппозициях была поставлена задача поисков единого семантического инварианта каждого из членов морфологической категории, обосновывался тезис о непрменной бинарности лингвистических (в т. ч. грамматических) оппозиций, выдвигалась идея неравноправности членов морфологической корреляции (связанная с соответствующими наблюдениями русских грамматистов и с идеей Трубецкого о неравноправности членов фонологической корреляции).

Наиболее существенным вкладом П. л. ш. в синтаксис явилось учение Матезиуса об актуальном членении предложения, в основе которого лежит мысль о принципиальном различии между двумя возможными способами анализа предложения: формальным членением, выделяющим подлежащее и сказуемое и раскрывающим грамматическую структуру предложения, и членением на «тему» и «рему», выявляющим его «функциональную перспективу».

П. л. ш. выдвинула как одну из основных проблем изучения вопросы, связанные с отношением между языком и действительностью, а также между языком и окружающими его структурами. В рамках П. л. ш. возникла теория «функциональной диалектологии», были выдвинуты понятия «специальный язык» и «функциональный стиль»: специальный язык определяется общей целью нормализованной совокупности языковых средств, а функциональный стиль — конкретной целью данной языковой манифестации. Из специальных языков наибольшее внимание привлекал «поэтический язык» (т. е. язык художественной литературы), отличающийся от других специальных языков своей общей направленностью к поэтической (или эстетической) функции, которая делает центром внимания саму структуру языкового знака, тогда как «коммуникативные» языки преследуют «цели, выходящие за пределы языкового знака». Подчёркивание автономности поэтического языка в концепции П. л. ш. (испытавшей заметное влияние русской «формальной школы») принимало иногда полемически утрированные формы. Современные чешские продолжатели пражских традиций предпочитают теперь говорить не о специальном поэтическом языке, но о художественном стиле, который не противопоставлен другим функциональным стилям, хотя и не стоит с ними в одном ряду.

Функциональный подход к языку нашел отражение в активной практической деятельности представителей П. л. ш. В их работах в области языковой культуры был заложен фундамент нормативной лингвистической деятельности, задачей которой было признано стремление «развивать в литературном языке те качества, которых требует его специальная функция». Выдвижение и терминологическое разграничение понятий «норма» и «кодификация» («норма» — это совокупность устойчивых средств, объективно существующих в языке, «кодификация» — постижение и обнаружение нормы, т. е. первый термин обозначает объективный предмет научной деятельности, обозначаемой вторым термином) дало теоретическое обоснование антипуристической деятельности П. л. ш.

Деятельность П. л. ш. сыграла важную роль в истории языкознания. Она оказала и продолжает оказывать существенное влияние на развитие мировой лингвистики. Основные идеи П. л. ш. не утратили актуальности и в настоящее время. Общим достоянием лингвистической науки стало, в частности, признание лингвистической значимости элементарных фонологических признаков (играющих особенно важную роль в генеративной фонологии). Широкое признание получила «динамическая» концепция языка, обоснованная в трудах Вахека, Ф. Данеша и других, тезис об «открытом» характере языковой системы, включающей наряду с «центральными» (системными, регулярными) также и «периферийные» элементы. В числе плодотворно развиваемых в современной лингвистике понятий, выдвинутых представителями П. л. ш., — понятия маркированности /немаркированности языковых единиц (подвергшееся в некоторых концепциях определённой модификации по сравнению с оригинальной пражской концепцией). Успешно развивают традиции П. л. ш. — как в Чехословакии (школа Я. Фирбаса), так и в других странах — современные исследователи функциональной перспективы предложения, объединяющие соответствующие результаты пражской школы с новейшими достижениями в изучении интонации.

Глоссематика (копенгагенский структурализм), одно из основных направлений структурной лингвистики. Ведущий представитель – Луи Ельмслев, идеи глоссематики развивали также его ученики – Ханс Йорген Ульдалль (1907–1957) и Кнуд Тогебю (1918–1974). Школа Ельмслева сложилась в Копенгагенском университете в 1930-е годы. При небольшом числе лингвистов, работавших в рамках глоссематики, ее положения в течение нескольких десятилетий оставались весьма влиятельными. К 1970-м годам глоссематика прекратила существование.

Идеи глоссематики, изложенные прежде всего в книге Л.Ельмслева *Прологомены к теории языка* (перевод воспроизводит заголовок американского издания 1953; первоначально книга вышла в 1943 на датском языке под названием *Основы лингвистической теории – Omkring sprogteoriens grundlæggelse*), основывались на идеях Ф. де Соссюра и неопозитивизма. Ельмслев стремился к полной автономии лингвистики от других наук, делая исключение лишь для семиотики и математики. Чтобы отличать новую лингвистику от традиционной, весьма тесно связанной с психологией, физиологией, историей и т.д., он предложил называть ее глоссематикой.

По мысли Ельмслева, общая теория языка должна строиться дедуктивно, идти не от фактов конкретных языков, а от общих, заимствуемых из формальной логики принципов. Теория не должна зависеть от опыта; предсказывая возможности, она ничего не говорит об их реализации. Таким образом, общая теория языка строится как математическое исчисление, оцениваемое лишь с точки зрения его внутренних свойств: непротиворечивости, полноты и простоты. Это не означает, что теория не должна применяться к конкретному материалу, но качество теории и ее пригодность – две разные вещи, и экспериментальные данные указывают лишь на пригодность теории, но не служат мерилем ее качества.

Крайне абстрактный подход к языку объясняет многие другие положения глоссематики. В частности, глоссематика не предусматривает каких-либо специфических

понятий для разных ярусов языковой системы: фонологии, морфологии, синтаксиса. В глоссематике выделяются лишь самые общие понятия, в большинстве своем взятые из математики: объекты, классы объектов, зависимости (функции) между объектами, типы таких зависимостей, логические операции с объектами и др. Язык рассматривается как система двусторонних знаков. Каждый знак имеет внешнюю, непосредственно воспринимаемую, сторону и внутреннюю, идеальную сторону, для обозначения которых Ельмслев ввел специальные термины – план содержания и план выражения. Для построения знаков используются также односторонние единицы, называемые фигурами (фигуры плана выражения соответствуют фонемам, а фигуры плана содержания – элементарным единицам смысла, не имеющим собственного выражения). Однако, если большинство концепций знака, включая сосюрговскую, рассматривает знак как указание на что-то, находящееся вне его, для глоссематики знак автономен и ни с чем, кроме других знаков и фигур, не связан, две стороны знака равноправны. Субстанция знака, в частности звуковая, несущественна для глоссематики. Взгляд на язык как на чистую форму, провозглашенную Соссюром, в глоссематике доведен до логического конца.

В соответствии с таким подходом в глоссематике не изучаются не только фонетика и семантика сами по себе, но и знаки как таковые. Предметом глоссематики оказывается «алгебра языка» – отношения между знаками, знаки же оказываются лишь точками пересечения структурных отношений; только последние и интересуют теорию языка. Эта точка зрения также восходит к Ф. де Соссюру. Как и Соссюр, Ельмслев рассматривал лингвистику как часть более общей науки о знаках, которую он вслед за Ч.С.Пирсом называл семиотикой (именно после работ Ельмслева этот термин окончательно утвердился в науке о языке, хотя в лингвистику его ввел М.Бреаль).

«Алгебраический» подход к языку приводил представителей глоссематики к представлению о лингвистике (глоссематике) как чистой игре по определенным правилам, никак ни связанной с исследованием языковой реальности. В работе *Язык и речь* Ельмслев пытался выйти за пределы такого подхода, предложив наряду с «языком-схемой», представляющим чистую форму, еще два понятия: «язык-норму», включающую социально значимые характеристики субстанции, но отвлекающуюся от деталей конкретного произнесения, и «язык-узус» – совокупность принятых в обществе навыков, включая произносительные детали; в отличие от «языка-схемы», «язык-норма» и «язык-узус» предполагают звуковой характер. Однако такая концепция в глоссематике была лишь намечена.

Ельмслев сознавал, что его подход к языку ведет к «временному ограничению кругозора», но считал это ограничение «ценой, заплаченной за отторжение у языка его тайны». Концепция глоссематики, в целом не принятая другими направлениями структурализма, оказалась слишком абстрактной и непосредственно не применимой к конкретной лингвистической практике. С точки зрения теории моделей, глоссематика оказалась слишком сильной моделью, пренебрегающей многими свойствами естественного языка и описывающей скорее семиотическую систему вообще. Единственная попытка применить метод глоссематики при описании реального (французского) языка, предпринятая К.Тогебю, оказалась неудачной. Преобладающее мнение о глоссематике выразил А.Мартине: главная книга Ельмслева «удивительно богата содержанием, четко построена, хорошо написана, ясна и строга по мысли», но «это башня из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости». Некоторые принципы глоссематики все же вошли в научный обиход; весьма удачными оказались многие терминологические новации, предложенные Ельмслевым. Глоссематика ощутимо повлияла на ряд советских и зарубежных лингвистов: Ю.К.Лекомцева (1929–1984), И.И.Ревзина (1923–1974), И.Ф.Вардуля (1923–1998), С.К.Шаумяна (р. 1914), С.Лэма (р. 1929) и др.

Дескриптивная лингвистика – одно из направлений американского языкознания, возникшее и активно развивавшееся в 30–50-х гг. 20 в. в общем русле структурной

лингвистики (наряду с глоссематикой и пражской лингвистической школой). Однако Д. л. имеет ряд существенных отличий от европейских школ структурной лингвистики, отражающих специфические общественно-исторические, философские, языковые условия развития языкознания в США: распространение теорий позитивизма, прагматизма и бихевиоризма; традиция изучения языков коренного индейского населения; актуальность практических проблем, связанных с разнородными группами иммигрантов, живущих в США, и т. п.

Д. л. сложилась под непосредственным влиянием идей Л. Блумфилда, который, применив к индейским (америндским) языкам строгие методы сравнительно-исторического языкознания, основанные на признании регулярности фонетических изменений и фонетических соответствий между родственными языками, пришёл вместе с тем к необходимости создания для изучения этих языков, в большинстве своём бесписьменных и не имеющих ни грамматик, ни словарей, новых методов анализа. При полевом исследовании незнакомых языков, когда значения языковых форм лингвисту не известны, для установления и различения единиц языка был необходим формальный критерий — сочетаемость единиц, их место в речи относительно других единиц, получивший название *дистрибуции* (англ. distribution — распределение). Методика полевых исследований во многом определила в Д. л. методы лингвистических исследований вообще. Сформулировав в духе бихевиористской психологии теоретические посылы синхронного описания языка (язык понимается как разновидность поведения человека), Блумфилд предложил дескриптивный метод, исключающий, с его точки зрения, ненаучный критерий значения языковых форм («Язык», 1933). Объяснение языковых явлений через категории мышления и психики человека Блумфилд назвал ментализмом (от лат. mentalis — мыслительный) и считал главным препятствием для превращения лингвистики в точную науку.

Д. л. не ставила задачи создания общей лингвистической теории, которая объясняла бы явления языка и их взаимосвязи, но разрабатывала методы синхронного описания и моделирования языка (хотя важность исторических исследований не отрицалась). Описание языка понималось как установление языковой системы, индуктивно выводимой из текстов и представляющей собой совокупность некоторых единиц и правил их аранжировки (расположения). Детально разрабатывались проблемы уровней дистрибутивного анализа, уровней структуры языка и соответствующих им основных единиц — фонемы, морфемы и (иногда) конструкции (или предложения). Был поставлен вопрос о промежуточных уровнях, например морфонематическом и его единице морфонеме. Слово как основная единица языка, как правило, не выделялось и трактовалось как особо тесно спаянная цепочка морфем, соединённая в пределах предложения с другими такими же цепочками. Единицы, более крупные, чем предложение, не рассматривались, т. к. считались не принадлежащими структуре языка (исключение — работа З. Харриса «Анализ дискурса», 1952).

Методика анализа в Д. л. характеризуется *изоморфизмом*, т. е. включает на фонологическом и морфологическом уровнях, несмотря на их качественное различие, одни и те же основные этапы и операции: 1-й этап — членение текста на минимальные для данного уровня сегменты (фоны, морфы), установление их дистрибуции и подведение на этой основе под определённые единицы структуры языка (фонемы, морфемы) в качестве их вариантов (аллофонов, алломорфов); 2-й этап — установление дистрибуции самих единиц структуры языка и объединение их в дистрибутивные классы; 3-й этап — построение некоторой модели языка на данном уровне его структуры. Допускалась возможность разных моделей, и были предложены критерии выбора оптимальной — чаще всего критерии наибольшей простоты, полноты и логической непротиворечивости. Описание языка должно было в Д. л. завершаться построением общей модели структуры языка, отражающей взаимодействие различных уровней. Этим, по мнению дескриптивистов, исчерпывались задачи микролингвистики, или собственно лингвистики, составляющей

ядро науки о языке (макролингвистики). Фонетические исследования они относили к предлингвистике, а исследования значений — к металингвистике.

В Д. л. было создано учение о разных типах дистрибуции, выполняющих диагностическую функцию при определении статуса тех или иных явлений в структуре языка, и сформулированы общие принципы отождествления вариантов языковых единиц. Наиболее важным является противопоставление дистрибуции контрастирующей — неконтрастирующей. Контрастирующая дистрибуция (при которой элементы встречаются в тождественных окружениях и при взаимозамене выступают различителями смысла) характеризует самостоятельные единицы структуры языка (инварианты) на любом уровне. Неконтрастирующая дистрибуция (свободное варьирование и дополнительное распределение) присуща вариантам одной единицы. При свободном варьировании элементы встречаются в тождественных окружениях, но при взаимозамене не различают смысла, так как различия между ними обусловлены индивидуальными или стилистическими факторами. При дополнительном распределении элементы не встречаются в тождественных позициях и различия между ними вызваны различием позиций. Дескриптивисты признавали теоретическую возможность построить полное описание языка исключительно на основе данных о дистрибуции его форм. В связи с этим Д. л. часто называют *дистрибутивной лингвистикой*. Харрис сделал попытку само значение языковых единиц представить как функцию дистрибуции. Формализованная процедура описания языка, предложенная Харрисом и имеющая обобщающий характер, подводит итоги развития Д. л. («Метод в структуральной лингвистике», 1951, переиздано в 1961 под названием «Структурная лингвистика»).

В Д. л. были подробно разработаны методы фонологического анализа, легче всего поддающиеся формализации из-за отсутствия у единиц фонологического уровня прямой связи со значением. Были созданы описания фонологических систем многих языков, в т. ч. ранее не описанных, исследовались супraseгментные (просодические) явления — тон, ударение, явления стыка. Выделены и описаны различные типы морфем, причём само понятие морфемы было значительно расширено за счёт выделения супraseгментных, слитных, отрицательных и т. п. морфем. Созданы труды по морфологии многих языков, главным образом ранее не описанных, по сложным частным морфологическим вопросам (работы Ю. А. Найды, Дж. Х. Гринберга, Харриса, Ч. Ф. Хоккета, П. Л. Гарвина, Ч. Ф. Вёглина и других). Синтаксис многие дескриптивисты рассматривали как простое продолжение морфологии. Подобно тому как всё в морфеме считалось сводимым к составляющим её фонемам, слова и конструкции считалось возможным описывать через составляющие их морфемы и классы морфем. Структура высказывания описывается в терминах классов морфем (или слов), представляется в виде линейной модели — цепочки ядро + адьюнкты (т. е. сопроводители), признаётся параллелизм анализа любых сложных форм — как морфологических, так и синтаксических (работы Ч. Фриза, Харриса, Найды и других). Однако наибольшее распространение в дескриптивных синтаксических исследованиях получил метод анализа по непосредственно составляющим (см. Непосредственно составляющих метод). Для членения высказывания на составляющие используется операция, аналогичная предложенной Харрисом для формального морфологического анализа, — учёт числа возможных продолжений в различных местах высказывания (работы С. Чэтмена и других). Большое внимание Д. л. уделяла языку лингвистической науки (метаязыку), проблемам лингвистической терминологии (Э. П. Хэмп, «Словарь американской лингвистической терминологии», пер. с англ., 1964); например, были созданы триады терминов для обозначения единиц речи, единиц структуры языка и их вариантов: фон — фонема — аллофон, морф — морфема — алломорф и т. п.

Д. л. с момента возникновения не была однородным течением. Последовательным антиментализмом и стремлением к всё большей формализации характеризуется группа учеников и последователей Блумфилда в Йельском университете (Коннектикут), так

называемый йельская школа (Б. Блок, Дж. Л. Трейджер, Харрис, Хоккет и др.). Напротив, так называемая анн-арборская школа (Мичиганский университет) отличается более широкой проблематикой, исследует значения, связи языка с культурой и социальным окружением, смыкаясь, таким образом, с этнолингвистикой (Фриз, К. Л. Пайк, Найда и другие).

Упрощённое понимание языка, ограниченность проблематики, абсолютизация дистрибутивного аспекта языка привели уже к концу 50-х — началу 60-х гг. к кризису Д. л., к резкой критике «лингвистики без смысла» и механистического дистрибуционализма, к появлению теорий, широко обращающихся к семантике, в разработке которых приняли участие многие бывшие дескриптивисты, — трансформационная и порождающая грамматика, теория компонентного анализа, различные теории синтаксической семантики и т. д.

Тема 14. Отечественное языкознание советского периода. Языкознание на современном этапе.

Традиции Московской и Казанской лингвистических школ в советском языкознании. Лингвистические взгляды Л.В. Щербы. Теория синтаксиса и грамматических категорий в трудах Д.Н. Ушакова, А.М. Пешковского, М.Н. Петерсона. Фонологическая концепция московских лингвистов - П.С. Кузнецова, Р.И. Аванесова, А.А. Реформатского. Яфетическая теория Н.Я.Марра. Типологическая концепция И.И. Мещанинова. Теория грамматики и вопросы общего языкознания в трудах В.В. Виноградова. Компьютерная лингвистика. Когнитивная лингвистика. Антропоцентричность лингвистических исследований: человеческий фактор в языке и языкознании, языковая личность. Лингвистическое прогнозирование.

С конца XIX века в языкознании начали складываться различные школы, в рамках которых развивались традиции изучения языка: методологические взгляды на науку, решение принципиальных вопросов возникновения языков, их эволюция и так далее. В России конца XIX века сложились две большие лингвистические школы — Московская и Казанская. Их основателями были два великих русских лингвиста - Филипп Фёдорович Фортунатов и Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ. Каждый из этих ученых-лингвистов придерживался определенных взглядов на язык и способы его изучения. Это во многом повлияло в дальнейшем и на исследования их учеников.

Например, И. А. Бодуэн де Куртенэ был создателем Казанской лингвистической школы. Ее представителями были Н. В. Крушевский, А. И. Александров и другие. Основными принципами Казанской лингвистической школы являются следующие: «строгое различие звука и буквы; разграничение фонетической и морфологической членимости слова; недопущение смешивания процессов, происходящих в языке на данном этапе его существования, и процессов, совершающихся на протяжении длительного времени; уделялось внимание к живому языку и его диалектам, а не к древним памятникам письменности; отстаивание полного равноправия всех языков как объектов научного исследования». [Ярцева, 2-е изд., 1990, С.209] Идеи Казанской лингвистической школы оказали большое влияние на Ф. де Соссюра, представителей Московской и Пражской лингвистических школ.

Ф. Ф. Фортунатов занимался вопросами звуковой эволюции языков, отношением языка и мышления, грамматической теории, теории синтаксиса и так далее. Ф. Ф. Фортунатов и его ученики всегда отличались строгостью научных исследований. Среди его учеников были А. А. Шахматов, М. М. Покровский и другие. Идеи основателей школы и их основные научные принципы сохранило следующее поколение лингвистов (Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский). Это поколение отличали широта взглядов и интерес к новым методам исследования языка. В науке в то время появилось новое направление - фонология. Именно это направление стало одним из центральных. 30-е– 40-е года XX века на основе новых методов исследования языка и учения Бодуэна де Куртенэ о фонеме

сложилась фонологическая теория. Новое направление получило название Московской фонологической школы, впоследствии она стала широко известна во всём мире.

Вклад представителей казанской лингвистической школы в развитие языкознания

Казанская лингвистическая школа обогатила мировую науку рядом новых исследовательских методов, в частности: экспериментальным фонетическим методом, методом относительной хронологии языковых явлений, статистическим методом, дав тем самым начало таким разделам, как, например, экспериментальная фонетика. Но главное методическое решение этой школы - это разработка соотношения исторического (диахронического) и описательного (синхронического) изучения языка, языковой статики и динамики.

В работах представителей Казанской школы описаны многие идеи структурной лингвистики, фонологии, морфонологии, типологии языков, артикуляционной и акустической фонетики. Они ясно представляли себе проблему системности языка.

Таким образом, понимание языка как системы, понимание причин изменений языка, обусловленность языковых изменений, элементы знаковой теории языка, теория фонем и морфологических изменений, типология языков составили тот круг проблем и задач общего языкознания, которые решали в своих работах представители Казанского лингвистической школы и которые оказали огромное влияние на формирование современных лингвистических течений, на Ф. де Соссюра, на представителей Московской фонологической школы и Пражской лингвистической школы.

Вклад представителей московской лингвистической школы в развитие языкознания

«Московская лингвистическая школа внесла существенный вклад в процесс осознания единства и целостности языкознания соответственно самой природе языка как целостного предмета науки, предопределив направление поиска более совершенных методов и приемов лингвистического анализа».

Учение Ф. Ф. Фортунатова о форме словосочетания и способах связи между его членами легло в основу синтаксиса, теоретические основы которого разрабатывались А. А. Шахматовы, А. М. Пешковским и другими на материале русского языка.

Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов руководили подготовкой реформы русского правописания (1918). В 1889 Фортунатов сформулировал задачу и наметил пути сближения школьной и научной грамматики с целью совершенствования преподавания родного русского языка в школе, что было осуществлено его учениками и последователями его идей.

Ф. Ф. Фортунатов создал целостную систему лингвистического образования, введя в практику вузовского преподавания теоретические курсы общего и сравнительного языкознания. Его последователи создали ряд оригинальных пособий по введению в языкознание (А. А. Реформаторский и другие). Уточнение предмета языкознания и его отдельных разделов привело к разграничению фонетики и фонологии.

Александр Матвеевич Пешковский оставил после себя богатое и своеобразное лингвистическое и методическое наследие. Но к сожалению, оно еще не изучено достаточным образом. А. М. Пешковскому принадлежит более двадцати книг (научных, методических, педагогических) и более сорока статей по вопросам лингвистики и методике русского языка.

В 1914 году вышла первая научная работа А. М. Пешковского – «Русский синтаксис в научном освещении». Эта книга, как сказано в предисловии к ней, «возникла из педагогической деятельности автора» [Пешковский, 1956, С.7].

Следует отметить, что в первом издании «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского нашли яркое отражение идеи Ф. Ф. Фортунатова. Это связано с тем, что русская грамматика в то время сильно упрощалась. Так, части речи различались только на основании вещественного значения слов, предложение рассматривалось как «мысль», выраженная словами, члены предложения определялись на основании вопросов,

на которые они отвечали. Кроме того, не различались живая, устная речь и письмо (звуки отождествлялись с буквами).

Книга «Русский синтаксис в научном освещении» с первых же страниц «вводила читателя в круг новых для него идей и понятий: грамматика трактовалась в ее подлинном существе – не как прикладная дисциплина, учившая, как правильно говорить и писать, а как наука о формах, то есть о строе языка» [Пешковский, 1956, С.5]. Все это делает понятным, почему данная книга была встречена в научных кругах с большим интересом и сочувствием.

В 1920 году вышло второе издание «Русского синтаксиса в научном освещении», в которое автором были внесены частные изменения и дополнения.

Время между 1920 – 1928 годами было периодом наиболее плодотворной научной и методической деятельности А. М. Пешковского. В это время появился ряд журнальных статей, учебников, трактовавших понятие грамматической формы крайне упрощенно, сводивших ее к одной лишь внешней, звуковой стороне слова и словосочетания, полностью игнорируя при этом грамматическое значение формы. Обозначилась опасность нового кризиса в области грамматики. А. М. Пешковский начал борьбу с этим «направлением». Он писал статьи, составлял школьные пособия по русскому языку. В течение трех лет им был создан и опубликован большой труд «Наш язык» в виде трех учебных книг для учеников и учителей. Это пособие слишком трудное по содержанию не могло быть использовано в повседневной работе и не получило применения в школе. Однако оно представляет большой методический интерес и заслуживает с этой стороны серьезного изучения.

Завершением этой деятельности ученого явилось третье издание «Русского синтаксиса в научном освещении» (1928 г.). в этом труде автор сделал плодотворные попытки дать материалистическое объяснение языковых фактов, стремился рассматривать грамматическую форму в неразрывной связи со значением (реальным и грамматическим). Эта книга оказала влияние на развитие советской грамматической мысли и явилась ценным кладом в советскую науку о русском языке. Это «труд, во многом отражающий современное ее состояние, полный глубоких и верных наблюдений над языком нашей эпохи, образец живой, пылкой, непрерывно ищущей, самоотверженно устремленной вперед научной мысли». [Шапиро, 1956, С.6]

Значительное место в истории грамматики русского языка занимает книга А. М. Пешковского «Школьная и научная грамматика» (1914 г.). Она, можно сказать, является приложением к основному труду автора – «Русскому синтаксису». В этой книге ученый поднял ряд новых проблем, например, грамматика и интонация, интонация и пунктуация.

В 1925 – 1930 годах сборники статей А. М. Пешковского по вопросам методики родного языка, лингвистики, стилистики и поэтики. Они и сегодня не потеряли своей значимости и являются ценным вкладом в науку о русском языке.

А. М. Пешковский много работал не только в области методики преподавания русского языка в школах, но и вел большую работу по составлению орфографического словаря для начальной и средней школы. Он предполагал согласовать правописание слов в этом словаре с большим орфографически-грамматическим справочником, подготовлявшемся под его же редакцией к изданию. Но редакция большого справочника не была доведена им до конца. После смерти А. М. Пешковского словарно-орфографическую работу завершил Д. Н. Ушаков, орфографический словарь которого появился в свет уже в 1934 году.

МОСКОВСКАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА, школа советской лингвистики. Сложилась в 1930-е годы, когда большинство ее основателей работали в Научно-исследовательском институте языкознания при Наркомате просвещения, а затем в Московском городском педагогическом институте. Основателями Московской фонологической школы (далее МФШ) были Р.И. Аванесов (1902-1982), П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, В.Н. Сидоров (1899-1968) и А.М. Сухотин (1888-1942). Идеи МФШ формировались в тесном общении ее участников друг с другом, и поэтому разграничить

авторство тех или иных положений зачастую нелегко. Значительный вклад в концепцию школы внесли мало опубликованные Сидоров и Сухотин. По взглядам к МФШ были близки Г.О. Винокур и А.И. Смирницкий. В конце 1940-х годов от МФШ отошел Аванесов, предложивший концепцию, сформулированную им в книге *Фонетика современного русского литературного языка* (1956). Идеи МФШ нашли продолжение в работах фонологов следующего поколения, в основном учеников основателей школы (М.В.Панов, Вал.Вас.Иванов, В.К.Журавлев и др.).

Представители МФШ были воспитаны в традициях Московской формальной (Фортунатовской) школы, почти все ее основатели (кроме Сухотина) были учениками Д.Н.Ушакова. На формирование школы повлияли также фонологические идеи Н.Ф.Яковлева и лингвистов Пражского лингвистического кружка, особенно Н.Трубецкого и Р.Якобсона. Как и их предшественники, основатели школы отвергали психологический подход к фонеме и трактовали фонему как минимальную смысловозначительную единицу, позволяющую различать значимые единицы языка - морфемы и слова. Фонема, согласно МФШ, □ это основная единица фонологического яруса языка, линейно нечленима на части, но сложна по своему устройству и включает множество признаков, например, русская фонема *t* одновременно является глухой, твердой, переднеязычной и т.д. В отличие от Якобсона, представители МФШ считали необходимым учитывать не только дифференциальные признаки, противопоставляющие фонему другим фонемам, но и так называемые интегральные признаки, не связанные с противопоставлениями; например, в русском *ч* мягкость не является дифференциальным признаком (твердого *ч* в русском языке нет даже фонетически, а тем более противопоставленного мягкому), но в ряде чередований *ч* ведет себя аналогично другим мягким; в ходе исторического развития языка интегральные признаки могут становиться дифференциальными и наоборот.

Важнейшей характеристикой фонемы, согласно МФШ, является позиция, т.е. условия употребления и реализации фонем в речи. Например, гласные фонемы русского языка могут употребляться в ударной позиции, в позиции первого предупредительного, других предупредительных, а также заударных слогов; важны также позиции соседства с теми или иными фонемами. В зависимости от позиции фонемы могут варьироваться, причем пределы позиционного варьирования фонем в МФШ, в отличие от ряда других фонологических школ, не ограничиваются. Разграничиваются вариации фонем, не влияющие на функцию смысловозначения, например, разные оттенки *a* в словах *мат*, *мать*, *мят*, *мять*, и варианты фонем, влияющие на эту функцию. Примеры вариантов фонем *o/a* в *воды-вода* (фонетически *вада*) или *г/к* в *луга-луг* (фонетически *лук*). Позиции максимального различия фонем (в русском языке это ударная позиция для гласных и интервокальная, т.е. позиция между гласными, для согласных) называются сильными, а позиции, где фонемы могут частично совпадать, слабыми. Согласно МФШ, звуки, занимающие одно и то же место в морфемах и словах, например, *o* в *воды* и *a* в *вода* (фонетически *вада*), являются вариантами одной фонемы независимо от того, насколько сильно они различаются фонетически. В этом был главный пункт расхождений МФШ с Ленинградской фонологической школой, понимавшей фонему как звукотип, совокупность фонетически сходных звуков; поэтому в слове *вода* в трактовке Ленинградской школы усматривались две фонемы *a*. Представители МФШ активно выступали против такого понимания фонемы, но Кузнецов в одной из поздних работ включал в систему понятий фонологии и фонемы в смысле Ленинградской школы, называя такие единицы «звуками языка» в отличие от более многообразных «звуков речи». Единица, именуемая фонемой в МФШ, в ряде фонологических концепций называется морфонемой; в МФШ последний термин отвергался как излишний.

Бывают случаи, когда фонема в составе морфемы употребляется только в слабой позиции, например первая гласная в слове *собака*. В таком случае выделяется особая единица, именуемая в МФШ гиперфонемой (термин предложен Сидоровым). В

гиперфонеме частично нейтрализуются фонемные противопоставления, например, в первом слоге слова собака имеется гиперфонема *a/o*.

Для МФШ свойственно стремление к строго системному изучению фонологии, при котором фонемы рассматриваются в противопоставлении друг другу. Эти принципы ее представители переносили и на историческую фонологию, которой многие из них также активно занимались; в особенности это относится к Кузнецову и Аванесов. Идеи МФШ в основном применялись к описанию русского языка, но ряд работ ее представителей посвящен и другим языкам: французскому, сербско-хорватскому, тюркским языкам и др. Некоторые лингвисты МФШ, особенно Реформатский, активно участвовали в конструировании алфавитов для языков народов СССР и в разработке орфографических правил для русского языка; эти области предоставляли им возможность для практического приложения своих фонологических идей.

Хотя лингвисты МФШ до конца 1950-х годов избегали термина «структурализм», эта школа была одним из наиболее последовательных в отечественной науке направлений лингвистического структурализма, близким к Пражскому лингвистическому кружку

Яфетическая теория по Н.Е. Марру. Марр применил к языкознанию учение исторического материализма. По его мнению, язык - такая же надстроечная общественная ценность, как искусство; язык является приводным ремнём в области надстроечной категории общества. Язык возник у всех народов независимо друг от друга, но поскольку культура едина и в своём развитии проходит одни и те же этапы, то все процессы в ней проходят аналогично. Язык, по Марру, образовался из первичных «фонетических выкриков». Первичная речь, как реконструировал её Марр, состояла всего из четырёх лексических элементов - САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ. И вот все слова всех языков мира Марр был склонен сводить к этим четырём элементам. «Слова всех языков, - писал Марр, - поскольку они являются продуктом одного творческого процесса, состоят всего-навсего из четырёх элементов, каждое слово из одного или из двух, реже трёх элементов; в лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх всё тех же четырёх элементов; мы теперь орудуем возведением всей человеческой речи к четырем звуковым элементам». «Любое слово, - пишет Алпатов, - возводилось к элементам или их комбинациям. Например, в слове красный отсекались части к- и н-, а оставшееся рас- признавалось модификацией элемента РОШ, сопоставляясь с рыжий, русый [...], названиями народов «русские, этруски». Развитие языков, по Марру, шло от исконного множества к единству. Нормальная наука - сравнительное историческое языкознание - считала, что всё происходило наоборот: сначала существовали праязыки, из которых потом возникли современные языки, то есть движение шло от единства к множеству. Но Марр открыто высказывал ненависть к сравнительно-историческому языкознанию, считая его буржуазной псевдонаукой. Он отвергал генетическое родство языков и даже такие очевидные вещи, как заимствования слов, он объяснял единством глоттогонического (языкотворческого) процесса. Языковые категории Марр прямолинейно связывал с социальными явлениями. Так, ученик Марра, академик И.И. Мещанинов, писал: «Личные местоимения и понятие единственного числа связаны с индивидуальным восприятием лица, то есть с явлением позднейшего строя общественной жизни. Личным местоимениям предшествовали притяжательные, указывающие на принадлежность не отдельным лицам, а всему коллективу, причём и эти первые по времени возникновения вовсе не изначальны, но тесно связаны с осознанием представления о праве собственности». Так же вульгарно-социологически объяснялись степени сравнения, которые, по Марру, появились вместе с сословиями: превосходной степени соответствовал высший социальный слой, сравнительной - средний, положительной - низший. Марр отрицал существование национальных языков: «Не существует национального и общенационального языка, а есть классовый язык, и языки одного и того же класса различных стран при идентичности социальной структуры

выявляют больше типологического родства, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации». Ясно, что терпеть такую безумную теорию могло только такое безумное государство, как СССР. После смерти Марра в 1934 г. его теория стала официальной языковедческой религией.

Теория Марра не имеет под собой никаких рациональных оснований, она противоречит и логике современной теоретической лингвистики, и языковой эмпирии. [...] Но теория эта, представляющая своеобразную модель языка, весьма близкую к генетическому коду, [...] может послужить иллюстрацией проявления в ученом интуитивных и неосознанных представлений [...]». Иначе говоря, Марр, возможно, в своей безумной теории предсказал типологические основы тогда ещё не существовавшей генетики. В конце XX в. труды Марра постепенно стали реабилитировать, особенно его штудии по семантике и культурологии. Появилось даже понятие «неомарризм». Это произошло при смене научных парадигм, при переходе от жесткой системы структурализма к мягким системам постструктурализма и постмодернизма, где каждой безумной теории находится свое место».

Иван Иванович Мещанинов (1883-1976) принадлежал к поколению А.М. Пешковского и Л.В. Щербы, однако выдвинулся как языковед к 1930-м гг. Не имел специального лингвистического образования. Главные работы: «Общее языкознание» 1940, «Члены предложения и части речи» 1945 и «Глагол» 1949. Уходит от идей Марра о стадильности в синтаксисе. Может считаться одним из основателей синтаксической типологии. Развивал идеи, выдвинутые немецким исследователем кавказских языков А.Дирром (1867-1930).

Мещанинов стремился учитывать материалы многих языков, расширял базу: кавказские, тюркские, монгольские. Приходит к заключению, что синтаксический строй может быть другим, что например, номинативный строй языка – лишь типологическая особенность некоторых языков мира.

В книге «Общее языкознание» автор сводит свою задачу к рассмотрению на разнообразном материале проблемы «двух основных единиц речи» - слова и предложения, подчеркивая, что они между собой неразрывно связаны. В связи с этим выделяются два основных раздела лингвистики: лексика и синтаксис (наряду с фонетикой). Лексика изучает форму и содержание слова, включая в себя семантику и словообразование. Синтаксис изучает форму и содержание предложения, включая в себя синтаксическое словоизменение. При таком подходе морфология как особая область не выделяется.

В центре внимания типологический построений – синтаксические конструкции, прежде всего способы обозначения субъекта и предиката. Не придавал особого значения различиям между флективными, агглютинативными и изолирующими языками: во всех языках есть предложения, которые состоят из слов, а различия строя сводятся в основном к технике оформления синтаксических отношений, не затрагивая семантику.

Более существенным он считал выделение инкорпоризирующих языков. Инкорпоративный комплекс – одновременно и слово и предложение, он не может быть отнесен к какой-либо части речи. Согласно Мещанинову, в ходе исторического развития инкорпоративные комплексы распадаются на слова, обратного же процесса не происходит. Выделяются последовательно инкорпоризирующие языки, где возможны комплексы, охватывающие все предложение (чукотский), и частично инкорпоризирующие языки, где предложение как минимум двучленно, состоя из подлежащего и сказуемого, каждое из которых может быть инкорпоративным комплексом (нивхский). В языках последнего типа части речи почти не отличаются от членов предложений.

В книге «Члены предложения и части речи» продолжил изучение проблемы слова и предложения в разных языках, почти совсем отказавшись от стадильных схем. В центре внимания – соотношение лексики и синтаксиса, прежде всего соотношение синтаксических классов – членов предложения с лексическими классами – частями речи. ЧР – лексические группировки, характеризующиеся по семантике и по формальной стороне.

То есть ЧР обязательно должны иметь какие-то формальные (морфологические) признаки, по которым можно было бы судить об основной синтаксической функции слова. Такая функция может быть не единственной: существительные специализированы на роли подлежащего, но могут быть дополнениями и определениями. Сами эти признаки (граммат. категории, обладающие той или иной семантикой), не универсальны и в разных языках могут быть различны.

Когнитивная лингвистика в системе наук

Человеческим интеллектом, закономерностями мышления издавна занимались логика, философия, физиология, психология. Так, в философии существует целый раздел – гносеология, – занимающийся теорией познания. Поэтому можно утверждать, что у когнитивизма огромная традиция, корни которой уходят в античность. Но в рамках когнитивистики старые вопросы зазвучали по-новому. Оказалось, например, что разная природа реалий (вещей, явлений, событий) обуславливает их различное отображение в сознании: одни представлены в виде наглядных образов, другие – в виде наивных понятий, третьи – в виде символов.

Когнитивизм – это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе человеческой деятельности.

Сейчас говорят о когнитивной революции. Н. Хомский, известный американский лингвист, писал: «Когнитивная революция относится к состояниям разума / мозга и тому, как они обуславливают поведение человека, особенно к когнитивным состояниям: состояниям знания, понимания, интерпретаций, верований и т. п.» [Chomsky. Цит. по: Киров, 2003: 243].

Процессы, связанные со знанием и информацией, называются **когнитивными**, или **когнициями**. Их синонимами также являются слова «интеллектуальный», «ментальный», «рассудочный». С позиций когнитивизма человек изучается как система переработки информации, а поведение человека описывается и объясняется в терминах его внутренних состояний. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения задач.

К числу важнейших принципов когнитивизма относится трактовка человека как субъекта действующего, активно воспринимающего и продуцирующего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определенными схемами, программами, планами, стратегиями. А сама когнитивная наука стала рассматриваться как наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами в человеческом мозгу.

Современные исследования указывают, что когнитивизм объединяет несколько научных направлений: *когнитивную психологию, культурную антропологию, моделирование искусственного интеллекта, философию, нейронауки, лингвистику* и др. В этой связи важно отметить **интердисциплинарный характер когнитивистики**.

«Днем рождения» когнитивистики Дж. Миллер называет симпозиум по теории информации, проходивший в середине 1950-х годов. Другой американский профессор, Дж. Бруннер, в это же время впервые начинает читать лекции о природе когнитивных процессов. Вместе с Дж. Миллером они организуют в Гарвардском университете в 1960 г. первый центр когнитивных исследований.

ермином «когнитивизм» сегодня называют:

- программу исследований человеческого «мыслительного механизма»;
- изучение переботки информации, приходящей к человеку по разным каналам;
- построение ментальных моделей мира;

- устройство систем, обеспечивающих разного рода когнитивные акты;
- понимание и формирование человеком и компьютерной программой мыслей, изложенных на естественном языке;
- создание модели компьютерной программы, способной понимать и продуцировать текст;
- широкий спектр психических процессов, обслуживающих мыслительные акты.

В когнитивистике главное внимание уделяется человеческой когниции, исследуются не просто наблюдаемые действия, а их ментальные репрезентации (внутренние представления, модели), символы, стратегии человека, которые и порождают действия на основе знаний; т. е. когнитивный мир человека изучается по его поведению и деятельности, протекающих при активном участии языка, который образует речемыслительную основу любой человеческой деятельности – формирует ее мотивы, установки, прогнозирует результат.

Таким образом, центральным в когнитивной лингвистике является категория знания, проблема видов знания и способов их языкового представления, так как именно язык является основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знания.

Антропоцентричность лингвистических исследований: человеческий фактор в языке и языкознании, языковая личность

Одной из характерных тенденций современного этапа развития языкознания является детальная разработка проблемы человеческого фактора в речевой деятельности. Обращение лингвистов к антропоцентризму обусловлено признанием ведущей роли человека в процессах порождения и использования речи. В новой лингвистической парадигме на первый план выдвигается языковая личность. Она является тем объектом исследования, где сталкиваются интересы лингвистов, культурологов, социологов, философов.

В лингвистике термин «языковая личность» впервые употребил В. В. Виноградов, хотя представления об индивидуальном характере владения языком зародились в XVIII - XIX вв. в трудах В. Фон Гумбольдта и И.Г. Гердера, затем получили развитие в трудах Л. Вайсгербера, И.А. Бодуэна де Куртенэ, К. Фосслера и др. В отечественном языкознании – это труды Г.И. Богина, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, К.Ф. Седова и др.

В настоящее время существуют несколько направлений в изучении феномена языковая личность, и, следовательно, его различные определения, которые включают в себя разные аспекты анализа языковой личности. На современном этапе по проблеме языковой личности ведутся активные исследования (А.Б. Бушев [2010], М.В. Дедюкова [2010], М.Ф. Масгутова [2010] и др.). Введение в лингвистический обиход понятия «языковая личность» открывает перспективы изучения языка как формы и способа жизнедеятельности человека, позволяет осмыслить знания о языке. По мнению С.Г. Воркачева, понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека.

В широкий научный обиход термин «языковая личность» ввел Ю.Н. Караулов. Согласно его определению, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых текстов». Данная модель включает в себя три структурных уровня. Первый –

«вербально-семантический, предполагающий для носителя языка нормальное владение естественным языком...». Второй уровень – «когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой

индивидуальности в упорядоченную «картину мира»...». Третий – прагматический – выявление и характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности. Взаимодействие уровней образует «коммуникативное пространство личности».